

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

ДНЕВНИК КРИШНАМУРТИ

БРОКВУД-ПАРК, ХЕМПШИР (АНГЛИЯ)

14 сентября 1973

На днях, возвращаясь с хорошей прогулки среди лугов и деревьев, мы прошли через рощу[1 - В роще Броквуда росло много редких деревьев, включая секвойи.] возле большого белого дома. Войдя в рощу, он сразу же ощутил великое чувство покоя и тишины. Не было заметно никакого движения. Казалось святотатством идти через рощу, ступать ногами по её земле, разговаривать и даже дышать. Гигантские секвойи стояли абсолютно тихо; американские индейцы называют их немymi деревьями, и сейчас они действительно были немymi. Даже сорока не гонялась за кроликами. Вы стояли неподвижно, едва осмеливаясь дышать. Вы чувствовали себя непрощенным гостем, потому что болтали и смеялись и потому что, входя в рощу, не знали, какой вас ждёт там сюрприз и какое потрясение предстоит вам испытать - потрясение нежданного благословения. Сердце билось медленнее, замирая перед этим чудом. Тут был центр всей местности. И теперь всякий раз, когда вы приходили сюда, здесь пребывала та же красота, та же тишина, эта странная тишина. Приходите, когда пожелаете, и она будет там, полная, щедрая и не имеющая имени.

Никакая форма сознательной медитации не является подлинной медитацией; она и не может ею быть. Намеренная попытка медитировать - не медитация. Это должно случиться; это не может быть вызвано. Медитация - не игра ума, желания или удовольствия. Всякая попытка медитировать сама по себе отрицает медитацию. Только лишь осознавать, что вы думаете и делаете, и ничего больше. Видение, слушание есть действие, не зависящее от награды и наказания. Умение действовать заключено в умении видеть, слушать. Любая форма медитации с

BROCKWOOD PARK

14 TH SEPTEMBER 1973

The other day, coming back from a good walk among the fields and trees, we passed through the grove[2 - Many rare trees, including redwoods, grow in the grove at Brockwood.] near the big white house. Coming over the stile into the grove one felt immediately a great sense of peace and stillness. Not a thing was moving. It seemed sacrilegious to walk through it, to tread the ground; it was profane to talk, even to breathe. The great redwood trees were absolutely still; the American Indians call them the silent ones and now they were really silent. Even the dog didn't chase the rabbits. You stood still hardly daring to breathe; you felt you were an intruder, for you had been chatting and laughing, and to enter this grove not knowing what lay there was a surprise and a shock, the shock of an unexpected benediction. The heart was beating less fast, speechless with the wonder of it. It was the centre of this whole place. Every time you enter it now, there's that beauty, that stillness, that strange stillness. Come when you will and it will be there, full, rich and unnamable.

Any form of conscious meditation is not the real thing; it can never be. Deliberate attempt to meditate is not meditation. It must happen; it cannot be invited. Meditation is not the play of the mind nor of desire and pleasure. All attempt to meditate is the very denial of it. Only be aware of what you are

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosofff.org
thinking and doing and nothing else. The seeing, the hearing, is the doing,
without reward and punishment. The skill in doing lies in the skill of seeing,
hearing. Every form of meditation

неизбежностью ведёт к обману, иллюзии, ибо желание ослепляет. Это был
восхитительный вечер, и земля была залита мягким весенним светом.

15 сентября 1973

Хорошо быть одному. Быть далеко от мира и в то же время ходить по его улицам – значит быть одному. Быть одному, шагая по тропе вдоль стремительно несущегося, шумного горного потока, полного вешних вод и талого снега, – это значит осознавать то одинокое дерево единственное в своей красоте. Одиночество человека на улице – это боль жизни; он никогда не бывает один, далёким, ничем не затронутым и незащищённым. Заполненность знанием рождает нескончаемое страдание. Потребность в самовыражении, с его разочарованиями и болью, – вот что такое человек, который идёт по улице; он никогда не бывает один. Печаль есть проявление этого одиночества.

Горный поток был полон, его воды поднялись от талых снегов и дождей ранней весны. Слышался грохот больших валунов, перекачиваемых стремительным движением воды. Высокая сосна, которой было лет пятьдесят или больше, с треском рухнула в воду; дорогу смыло. Поток был мутный, грязно-серого цвета. А выше простиралась луга, сплошь усыпанная полевыми цветами. Воздух был чист, и была чарующая красота. На высоких холмах ещё лежал снег, и ледники, как и высокие горные вершины, тоже были покрыты недавними снегами; они будут оставаться белыми в течение всего долгого лета.

Было чудесное утро, и можно было идти без конца, не ощущая крутизны холмов. Чистый и здоровый воздух был напоён ароматом. Не было никого, кто бы спускался или поднимался по тропе. Ты был наедине с этими тёмными соснами и стремительно текущими водами. Небо было изумительно голубого цвета, какой бывает только в горах. Его можно было видеть сквозь листву и между

leads inevitably to deception, to illusion, for desire blinds. It was a lovely evening and the soft light of spring covered the earth.

15 TH SEPTEMBER 1973

It is good to be alone. To be far away from the world and yet walk its streets is to be alone. To be alone walking up the path beside the rushing, noisy mountain stream full of spring water and melting snows is to be aware of that solitary tree, alone in its beauty. The loneliness of a man in the street is the pain of life; he's never alone, far away, untouched and vulnerable. To be full of knowledge breeds endless misery. The demand for expression, with its frustrations and pains, is that man who walks the streets; he is never alone. Sorrow is the movement of that loneliness.

That mountain stream was full and high with the melting snows and the rains of early spring. You could hear big boulders being pushed around by the force of on-rushing waters. A tall pine of fifty years or more crashed into the water; the road was being washed away. The stream was muddy, slate coloured. The fields above it were full of wild flowers. The air was pure and there was enchantment. On the high hills there was still snow, and the glaciers and the great peaks still held the recent snows; they will still be white all the summer long.

It was a marvellous morning and you could have walked on endlessly, never feeling the steep hills. There was a perfume in the air, clear and strong. There was no one on that path, coming down or going up. You were alone with those dark pines and the rushing waters. The sky was that astonishing blue that only the mountains have. You looked at it through

прямых стволов сосен. Никого не было рядом, с кем надо было бы разговаривать, не было никакой болтовни ума. Мимо пролетела черно-белая сорока и скрылась в лесу. Тропа увела в сторону от шумного потока, и настала абсолютная тишина. Это не была тишина, которая наступает после прекращения шума; это не была та тишина, которая приходит с закатом солнца, и не тишина умолкнувшего ума. Это не была тишина музеев или церквей, а нечто абсолютно не относящееся ко времени и пространству. Это не была тишина, которую создаёт для себя ум. Солнце было жарким, и в тени было приятно.

Он лишь недавно осознал, что в течение этих длительных прогулок по людным улицам или уединённым тропам у него не бывало ни единой мысли. Так было с ним всегда, ещё когда он был мальчиком; тогда тоже не возникало в уме ни одной мысли. Он наблюдал, внимательно слушал, и больше ничего. Мысли с её ассоциациями не возникало. Не было создания образов. Однажды он вдруг осознал, как странно это было; он часто даже пытался думать, но ни одной мысли не приходило. Во время этих прогулок, с людьми или без них, какое бы то ни было движение мысли отсутствовало. Это означает быть одному.

Над снежными вершинами сгущались облака, тяжёлые и тёмные; возможно, позднее пойдёт дождь, но сейчас тени были очень резкие от ослепительно яркого солнца. В воздухе ощущался всё тот же приятный аромат; после дождей он станет другим. Предстоял долгий спуск по тропе к дому.

16 сентября 1973

В эти ранние утренние часы улицы небольшого селения были пусты, но за ними простиралась местность, на которой росло много деревьев, зеленели луга и слышался шёпот лёгкого ветерка. Единственная главная улица была

leaves and the straight pines. There was no one to talk to and there was no chattering of the mind. A magpie, white and black, flew by, disappearing into the woods. The path led away from the noisy stream and the silence was absolute. It wasn't the silence after the noise; it wasn't the silence that comes with the setting of the sun, nor that silence when the mind dies down. It wasn't the silence of museums and churches but something totally unrelated to time and space. It wasn't the silence that mind makes for itself. The sun was hot and the shadows were pleasant.

He only discovered recently that there was not a single thought during these long walks, in the crowded streets or on the solitary paths. Ever since he was a boy it had been like that, no thought entered his mind. He was watching and listening and nothing else. Thought with its associations never arose. There was no image-making. One day he was suddenly aware how extraordinary it was; he attempted often to think but no thought would come. On these walks, with people or without them, any movement of thought was absent. This is to be alone.

Over the snow peaks clouds were forming, heavy and dark; probably it would rain later on but now the shadows were very sharp with the sun bright and clear. There was still that pleasant smell in the air and the rains would bring a different smell. It was a long way down to the chalet.

16 TH SEPTEMBER 1973

At that time of the morning the streets of the small village were empty but beyond them the country was full with trees, meadows and whispering breezes. The one main street was

освещена, а всё остальное оставалось погружённым в темноту. Солнце должно было взойти часа через три. Было прозрачное звёздное утро. Снежные вершины и ледники оставались ещё погружёнными во мрак, и почти все люди спали. Узкие горные дороги имели так много поворотов, что невозможно было быстро двигаться; машина была новая, её обкатывали – прекрасная машина, мощная, самая лучшая модель. В утреннем воздухе мотор работал с предельной эффективностью. На автотрассе машина

смотрелась как творение красоты, легко преодолевая подъёмы, беря каждый поворот, устойчивая, как скала. Начинаясь рассвет, уже стали видны очертания деревьев, длинная цепь холмов; виноградники; утро обещало быть прекрасным; среди холмов была приятная прохлада. Солнце взошло; на листьях и на траве серебрилась роса.

Он всегда любил механизмы; он разбирал мотор автомашины, и мотор он начинал работать как новый. Когда вы ведёте машину, медитация возникает естественно, сама собой. Вы осознаёте сельскую местность, дома, фермеров, поле, марку проходящей машины и синее небо сквозь листву. Вы даже не замечаете, что продолжается медитация, медитация, начало которой теряется в глубине веков и которая будет длиться бесконечно. Фактором медитации не являются ни время, ни слово, являющееся медитирующим. В медитации нет медитирующего. Если же есть, то это не медитация. Медитирующий – это слово, мысль и время, тот субъект, который может изменяться, приходить и уходить. Это не цветок, который цветёт и умирает. Время – это движение. Вы сидите на берегу реки, наблюдая ее воды, течение и проплывающие предметы. Когда же вы в воде – наблюдающего нет. Красота не заключается просто в выражении, она – в уходе от слова и выражения, от холста и книги.

Как спокойны эти холмы, луга и деревья: все вокруг залито светом наступившего утра. Два человека громко

lighted and everything else was in darkness. The sun would come up in about three hours. It was a clear starlit morning. The snow peaks and the glaciers were still in darkness and almost everyone was sleeping. The narrow mountain roads had so many curves that one couldn't go very fast; the car was new and being run in. It was a beautiful car, powerful with good lines. In that morning air the motor ran most efficiently. On the auto-route it was a thing of beauty and as it climbed it took every corner, steady as a rock. The dawn was there, the shape of the trees and the long line of hills and the vineyards; it was going to be a lovely morning; it was cool and pleasant among the hills. The sun was up and there was dew on the leaves and meadows.

He always liked machinery; he dismantled the motor of a car and when it ran it was as good as new. When you are driving, meditation seems to come so naturally. You are aware of the countryside, the houses, the farmers in the field, the make of the passing car and the blue sky through the leaves. You are not even aware that meditation is going on; this meditation that began ages ago and would go on endlessly. Time isn't a factor in meditation, nor the word which is the meditator. There's no meditator in meditation. If there is, it is not meditation. The meditator is the word, thought and time, and so subject to change, to the coming and going. It's not a flower that blooms and dies. Time is movement. You are sitting on the bank of a river, watching the waters, the current and the things floating by. When you are in the water, there's no watcher. Beauty is not in the mere expression, it's in the abandonment of the word and expression, the canvas and the book.

How peaceful the hills, the meadows and these trees are: the whole country is bathed in the light of a passing morning. Two men were arguing loudly

спорят, усиленно жестикулируя, с раскрасневшимися лицами. Дорога бежит вдоль длинной аллеи, обсаженной деревьями, и нежность этого утра блекнет.

Впереди простиралось море, и воздух был напоён запахом эвкалипта. Это был невысокий человек, худощавый и с сильной мускулатурой. Он пришёл издалека, и кожа его была тёмной от солнца. После нескольких слов приветствия он бросился критиковать. Как легко критиковать, когда не знаешь каковы реальные факты. Он сказал: «Вы, может быть свободны и живёте действительно так, как об этом говорите, но физически вы пленник, усердно перевозносимый вашими друзьями. Вы не знаете, что происходит вокруг вас. Люди воспринимают вас как авторитет, хотя вы сами не стремитесь быть авторитетом».

– Я не уверен, что вы правы в этом вопросе. Руководство школой или каким бы то ни было другим делом предполагает определённую ответственность, но оно может существовать и существует без того, чтобы вмешивать в это авторитет. Авторитет губит сотрудничество, делает невозможным совместное обсуждение вопросов. И так

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
происходит со всяким делом, за которое мы принимаемся. Это реальный факт. И если вы обратите внимание, – никто не стоит между мною и другим человеком.

"То, что вы говорите, крайне важно. Всё, что вы пишете и говорите, должно было бы издаваться и распространяться небольшой группой серьезных и преданных людей. Мир рушится, но это проходит мимо вас".

– Боюсь, вы опять не вполне осознаёте то, что происходит. Некогда небольшая группа приняла на себя ответственность за распространение того, что говорилось. И теперь небольшая группа несёт такую же ответственность. Снова, если позволено будет указать, вы не в курсе того, что происходит.

with many gestures, red in the face. The road runs through a long avenue of trees and the tenderness of the morning is fading.

The sea stretched before you and the smell of eucalyptus was in the air. He was a short man, lean and hard of muscle: he had come from a far away country, darkened by the sun. After a few words of greeting, he launched into criticism. How easy it is to criticize without knowing what actually are the facts. He said: "You may be free and live really all that you are talking about, but physically you are in a prison, padded by your friends. You don't know what is happening around you. People have assumed authority, though you yourself are not authoritarian."

I am not sure you are right in this matter. To run a school or any other thing there must be a certain responsibility and it can and does exist without the authoritarian implication. Authority is wholly detrimental to co-operation, to talking things over together. This is what is being done in all the work that we are engaged in. This is an actual fact. If one may point out, no one comes between me and another.

"What you are saying is of the utmost importance. All that you write and say should be printed and circulated by a small group of people who are serious and dedicated. The world is exploding and it is passing you by."

I am afraid again you are not fully aware of what is happening. At one time a small group took the responsibility of circulating what has been said. Now, too, a small group has undertaken the same responsibility. Again, if one may point out, you are not aware of what is going on.

Он высказывал различные критические замечания, но они опирались на предположения и случайные мнения. Без того чтобы оправдываться, ему было разъяснено, что именно в действительности имело место. Но...

Как странны люди.

Холмы отдалялись, а шум повседневной жизни царил вокруг – приезд и отъезд, горе и радость. В единственном дереве на бугре была вся красота земли. Глубоко внизу, в долине струился ручей, а рядом с ним пролегла колея железной дороги. Надо оставить мир, чтобы увидеть красоту этого ручья.

17 сентября 1973

В тот вечер на пути через лес было ощущение опасности. Солнце как раз садилось, и пальмовые деревья казались одинокими на золотом фоне западной части неба. На дереве баньяна обезьяны устраивались на ночь. По этой тропе почти никто не ходил, и лишь изредка можно было встретить человека. Было много оленей, пугливых и скрывающихся в густых зарослях. Угроза опасности всё еще продолжалась, гнетущая и пронизывающая насквозь: она была совсем близко, и ты оглядывался через плечо. Тут не было опасных животных; они отсюда ушли, так как поблизости выросла деревня. Радостно было выйти из леса и возвращаться по освещённым улицам. Но на следующий вечер обезьяны, как и олени, снова были здесь, и солнце так же скрылось за вершинами самых высоких деревьев; а ощущения опасности уже не было. Напротив, эти деревья, кусты и маленькие растения радушно тебя встречали. Ты

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
оказывался среди друзей в полной безопасности, как желанный гость. Лес
благосклонно тебя принял, и каждый вечер было приятно гулять в нем.

Леса бывают разные. В них может быть опасно, и не только из-за змей, но и из-за тигров, если известно, что

He made various criticisms but they were based on assumptions and passing opinions. Without defending, one pointed out what was actually taking place. But – How strange human beings are.

The hills were receding and the noise of daily life was around one, the coming and the going, sorrow and pleasure. A single tree on a hillock was the beauty of the land. And deep down in the valley was a stream and beside it ran a railroad. You must leave the world to see the beauty of that stream.

17 TH SEPTEMBER 1973

That evening, walking through the wood there was a feeling of menace. The sun was just setting and the palm trees were solitary against the golden western sky. The monkeys were in the banyan tree, getting ready for the night. Hardly anyone used that path and rarely you met another human being. There were many deer, shy and disappearing into the thick growth. Yet the menace was there, heavy and pervading: it was all around you, you looked over your shoulder. There were no dangerous animals; they had moved away from there; it was too close to the spreading town. One was glad to leave and walk back through the lighted streets. But the next evening the monkeys were still there and so were the deer and the sun was just behind the tallest trees; the menace was gone. On the contrary, the trees, the bushes and the small plants welcomed you. You were among your friends, you felt completely safe and most welcome. The woods accepted you and every evening it was a pleasure to walk there.

Forests are different. There's physical danger there, not only from snakes but from tigers that were known

они там обитают. Как-то раз после полудня шёл лесом, и вдруг возникла необычная тишина: птицы смолкли, обезьяны замерли, и всё, казалось, затаило дыхание. Ты стоял тихо. И так же внезапно всё снова ожило; обезьяны снова играли и дразнили друг друга, птицы возобновили свою вечернюю болтовню, и стало ясно, что опасность миновала.

В лесах и рощах, где человек убивает зайцев, фазанов и белок, атмосфера совершенно иная. Вы попадаете в мир, где побывал человек, с ружьём и с присущей ему жестокостью. Тогда леса утрачивают свою мягкость, приветливость; в них исчезает какая-то красота, смолкает счастливый шёпот.

У тебя только одна голова; береги её, ибо это нечто удивительное. Ни машины, ни электронные компьютеры не могут с нею сравниться. Она так грандиозна, сложна, так потрясающе способна, искусна и плодовита. Она – хранилище опыта, знания, памяти. Всякая мысль исходит из неё. Совершенно невероятно, что она в себе соединила: зло, смятение, страдания, войны, развращённость, иллюзии, идеалы, горе и нищету, великолепные соборы, восхитительные мечети и священные храмы. Просто фантастично, что она уже сделала и что она может сделать. Одного только она явно не может: полностью изменить своё поведение в отношении к другой голове, к другому человеку. Ни наказание, ни награда, как видим, не могут изменить её поведения; не может изменить его, очевидно, и знание. «Я» и «ты» продолжают существовать. Она никогда ясно не сознаёт, что «я» – это «ты», что наблюдающий есть наблюдаемое. Её любовь – это её вырождение; её наслаждение – это её мука; боги её идеалов – это её губители. Её свобода – это её собственная тюрьма; она обучена жить в этой тюрьме, делая её только более удобной, более приятной. У тебя только одна голова, заботься о ней, не разрушай ее.

to be there. As one walked there one afternoon there was suddenly an abnormal silence; the birds stopped chattering, the monkeys were absolutely still and everything seemed to be holding its breath. One stood still. And as suddenly,

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
everything came to life; the monkeys were playing and teasing each other, birds began their evening chatter and one was aware the danger had passed.

In the woods and groves where man kills rabbits, pheasants, squirrels, there's quite a different atmosphere. You are entering into a world where man has been, with his gun and peculiar violence. Then the woods lose their tenderness, their welcome, and here some beauty has been lost and that happy whisper has gone.

You have only one head and look after it for it's a marvellous thing. No machinery, no electronic computers can compare with it. It's so vast, so complex, so utterly capable, subtle and productive. It's the storehouse of experience, knowledge, memory. All thought springs from it. What it has put together is quite incredible: the mischief, the confusion, the sorrows, the wars, the corruptions, the illusions, the ideals, the pain and misery, the great cathedrals, the lovely mosques and the sacred temples. It is fantastic what it has done and what it can do. But one thing it apparently cannot do: change completely its behaviour in its relationship to another head, to another man. Neither punishment nor reward seem to change its behaviour; knowledge doesn't seem to transform its conduct. The me and the you remain. It never realizes that the me is the you, that the observer is the observed. Its love is its degeneration; its pleasure is its agony; the gods of its ideals are its destroyers. Its freedom is its own prison; it is educated to live in this prison, only making it more comfortable more pleasurable. You have only one head, care for it, don't destroy it.

Так легко отравить[3 - To poison - отравлять, заражать; портить, развращать] её.

У него всегда удивительным образом отсутствовала дистанция между ним и деревьями, реками и горами. Это свойство не было в нём искусственно развито: вы не можете развивать подобные вещи. Между ним и другим человеком никогда не было стены. Как ни относились к нему, что ему ни говорили - это, по-видимому, никогда не ранило его, как никогда не коснулась и лесть. Так или иначе, он был этим совершенно не затронут. Он не был отстранившимся, отчуждённым, но был подобен водам реки. У него было так мало мыслей, а когда оставался один - мыслей не было вовсе. Его мозг был активен, когда он говорил или писал, в другое же время был спокоен и активен без движения. Движение есть время, а активность временем не является.

Эта удивительная активность, без направления, по-видимому продолжается и во сне, и в бодрствовании. Он часто пробуждается с этой активностью медитации; нечто похожее продолжается большую часть времени. Он никогда не отвергал её и не призывал. Как-то ночью он проснулся полностью пробуждённым. Он сознавал, что в его голову, в самый её центр входило нечто, подобное огненному шару, некий свет. Он как бы со стороны наблюдал это в продолжение значительного времени, словно это происходило с кем-то другим. Это не было иллюзией, чем-то таким, что вызывает ум в своём воображении. Начался рассвет, и сквозь неплотно сдвинутые занавески он мог видеть деревья.

18 сентября 1973

Это всё ещё одна из самых прекрасных долин. Она со всех сторон окружена холмами, покрыта апельсиновыми

It's so easy to poison it.

He always had this strange lack of distance between himself and the trees, rivers and mountains. It wasn't cultivated: you can't cultivate a thing like that. There was never a wall between him and another. What they did to him, what they said to him never seemed to wound him, nor flattery to touch him. Somehow he was altogether untouched. He was not withdrawn, aloof, but like the waters of a river. He had so few thoughts; no thoughts at all when he was alone. His brain was active when talking or writing but otherwise it was quiet and active without movement. Movement is time and activity is not.

This strange activity, without direction, seems to go on, sleeping or waking. He wakes up often with that activity of meditation; something of this nature is going on most of the time. He never rejected it or invited it. The other night he woke up, wide awake. He was aware that something like a ball of fire, light, was being put into his head, into the very centre of it. He watched it objectively for a considerable time, as though it were happening to someone else. It was not an illusion, something conjured up by the mind. Dawn was coming and through the opening of the curtains he could see the trees.

18 TH SEPTEMBER 1973

It is still one of the most beautiful valleys. It is entirely surrounded by hills, filled with orange

рощами. Много лет назад среди деревьев и фруктовых садов было лишь несколько домов, но теперь их стало много больше; дороги теперь шире, движение транспорта возросло, прибавилось шума, особенно в западной части долины. Но холмы и высокие пики всё те же, они не тронуты человеком. В горы ведёт множество тропинок, и можно бесконечно взбираться по ним. Там встречаются медведи, гремучие змеи, олени, а однажды встретилась рысь. Рысь оказалась впереди, она спускалась по узкой тропе, мурлыкая, тёрлась о скалы и стволы невысоких деревьев. Из глубокого ущелья дул слабый ветер, поэтому к рыси можно было подойти совсем близко. Она поистине наслаждалась собой, радуясь своему миру. Её короткий хвост торчал вверх, заострённые уши выпрямились вперёд, её желтовато-коричневая шерсть была блестящей и гладкой. Рысь совершенно не подозревала, что кто-то следовал за нею на расстоянии около двадцати футов. Мы спускались по тропе друг за другом почти целую милю, и ни один из нас не издал ни малейшего звука. Это было по-настоящему красивое животное, лёгкое, как тень, и грациозное. Перед нами бежал ручей, и, не желая испугать зверя при подходе к ручью, человек прошептал доброе приветствие. Рысь, даже не оглянувшись, – это было бы пустой тратой времени, – с быстрой молнии исчезла из виду. Всё же мы были друзьями довольно значительное время.

Долина полна благоухания цветов апельсиновых деревьев, почти одурманивающего, особенно ранним утром и в вечерние часы. Этот аромат наполнял комнату, долину и каждый уголок этой местности, и благословение бога цветов веяло над этой долиной. Летом здесь бывало очень жарко, и это придавало долине какие-то особые черты. Когда ты приезжал сюда много лет назад, здесь была изумительная атмосфера; в меньшей степени она всё ещё здесь. Люди портят её, как портят они почему-то

groves. Many years ago there were very few houses among the trees and orchards but now there are many more; the roads are wider, more traffic, more noise, especially at the west end of the valley. But the hills and high peaks remain the same, untouched by man. There are many trails leading to the high mountains and one walked endlessly along them. One met bears, rattle snakes, deer and once a bob cat (a lynx). The bob cat was there ahead, down the narrow trail, purring and rubbing himself against rocks and the short trunks of trees. The breeze was coming up the canyon and so one could get quite close to him. He was really enjoying himself, delighted with his world. His short tail was up, his pointed ears straight forward, his russet hair bright and clean, totally unaware that someone was just behind him about twenty feet away. We went down the trail for about a mile, neither of us making the least sound. It was really a beautiful animal, spritely and graceful. There was a narrow stream ahead of us and wishing not to frighten him when we came to it, one whispered a gentle greeting. He never looked round, that would have been a waste of time, but streaked off, completely disappearing in a few seconds. We had been friends, though, for a considerable time.

The valley is filled with the smell of orange blossom, almost overpowering, especially in the early mornings and evening. It was in the room, in the valley and in every corner of the earth and the god of flowers blessed the valley. It would be really hot in the summer and that had its own peculiarity. Many years ago, when one went there, there was a marvellous atmosphere; it is still there to a lesser degree. Human beings are spoiling it as they seem to spoil

большинство вещей. Всё будет, как и бывало. Цветок может увянуть и погибнуть, но он вернётся снова в своей прежней прелести.

Задавались ли вы когда-либо вопросом, почему люди сбиваются с истинного пути, становятся испорченными, недостойными в своём поведении – агрессивными, жестокими и коварными? Неправильно обвинять окружение, культуру или родителей. Мы хотим возложить ответственность за это вырождение на других или на какое-то событие. Находить объяснения и причины – это лёгкий выход. Древние индусы называли это кармой – вы пожинаете то, что посеяли. Психологи заявляют, что проблема зависит от родителей. То, что высказывают так называемые религиозные люди, основано на их догме или веровании. Но вопрос всё ещё остаётся.

В то же время существуют другие люди, родившиеся великодушными, добрыми, ответственными. Их не изменяют окружение и любое внешнее давление. Они остаются такими же, несмотря ни на что. Почему?

Объяснение, какое бы оно ни было, имеет мало значения. Всякие объяснения – это бегство, уклонение от реальности того, что есть, – единственного, что имеет значение. То, что есть, может быть полностью преобразовано с помощью той энергии, которая растрачивается на объяснения и поиск причин. Любовь – вне времени, вне анализа, сожалений и взаимных упреков. Любовь пребывает, когда нет жажды денег, положения и хитрого обмана "я".

19 сентября 1973

Наступил сезон дождей. Море было почти чёрным под тёмными тяжёлыми тучами, и ветер неистовствовал, раскачивая деревья. Дождь то льёт, не переставая, несколько дней подряд, то на день-два прекращается, чтобы начаться снова. Лягушки квакали в каждом пруду, и в воздухе

most things. It will be as before. A flower may wither and die but it will come back with its loveliness.

Have you ever wondered why human beings go wrong, become corrupt, indecent in their behaviour aggressive, violent and cunning? It's no good blaming the environment, the culture or the parents. We want to put the responsibility for this degeneration on others or on some happening. Explanations and causes are an easy way out. The ancient hindus called it karma, what you sowed you reaped. The psychologists put the problem in the lap of the parents. What the so-called religious people say is based on their dogma and belief. But the question is still there.

Then there are others, born generous, kind, responsible. They are not changed by the environment or any pressure. They remain the same in spite of all the clamour. why?

Any explanation is of little significance. All explanations are escapes, avoiding the reality of what is. This is the only thing that matters. The what is can be totally transformed with the energy that is wasted in explanations and in searching out the causes. Love is not in time nor in analysis, in regrets and recriminations. It is there when desire for money, position and the cunning deceit of the self are not.

19 TH SEPTEMBER 1973

The monsoon had set in. The sea was almost black under the dark heavy clouds and the wind was tearing at the trees. It would rain for a few days, torrential rains, and it would stop for a day or so, to begin again. Frogs were croaking in every pond and

был приятный запах дождя. Земля снова стала свежей и за несколько дней покрылась изумительной зеленью. Всё растёт почти на глазах; засветит солнце, и всё на

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
земле оживает. Ранним утром раздаётся пение птиц, кругом резвятся маленькие белки. Всюду цветы полевые и садовые, жасмин, розы и ноготки.

Однажды по дороге, ведущей к морю, под пальмами и омытыми проливным дождём деревьями, всё разглядывая по пути, шла группа детей. Они пели. Они, казалось, были так счастливы, невинны и совершенно не знали окружающего их мира. Одна девочка из этой группы меня узнала, подошла с улыбкой, и мы шли некоторое время, держась за руки. Никто из нас не произнёс ни слова, а когда мы подошли к её дому, она поклонилась и скрылась за дверью. Миру и семье ещё предстоит погубить её, и она также будет иметь детей, плакать о них, и мир с его ложью и коварством их погубит. Но в тот вечер она была счастлива, и ей не терпелось своим счастьем поделиться, держа кого-то за руку.

Когда прошли дожди, возвращаясь однажды вечером по той же дороге, освещённой золотым светом заходящего солнца, он встретил юношу, несущего огонь в глиняном горшке. На юноше не было ничего кроме чистой набедренной повязки, и за ним два человека несли мёртвое тело. Это были брамины, только что искупавшиеся, чистые, державшиеся очень прямо. Юноша, несший огонь, вероятно, был сыном покойного. Все они шли довольно быстро. Тело должны были кремировать на уединённой песчаной отмели. Всё это было так просто, так не похоже на парадный катафалк, утопающий в цветах, за которым следует длинная вереница блестящих автомашин, или на скорбную похоронную процессию, печально шествующую за гробом, – всё это так мрачно. Или вы видите мёртвое тело, скромно обёрнутое, которое везут, укрепив на велосипеде, чтобы предать огню у священной реки.

the pleasant smell the rains brought filled the air. The earth was clean again and in a few days it became astonishingly green. Things grew almost under your eyes; the sun would come and all the things of the earth would be sparkling. Early in the morning there would be chanting and the small squirrels were all over the place. There were flowers everywhere, the wild ones and the cultivated, the jasmine, the rose and the marigold.

One day on the road that leads to the sea, walking under the palms and the heavy rain trees, looking at a thousand things, a group of children were singing. They seemed so happy, innocent and utterly unaware of the world. One of them recognised us, came smiling and we walked hand in hand for some time. Neither of us said a word and as we came near her house she saluted and disappeared inside. The world and the family are going to destroy her and she will have children too, cry over them and in the cunning ways of the world they will be destroyed. But that evening she was happy and eager to share it by holding a hand.

When the rains had gone, returning on the same road one evening when the western sky was golden, one passed a young man carrying a fire in an earthenware pot. He was bare except for his clean loin cloth and behind him two men were carrying a dead body. All were Brahmins, freshly washed, clean, holding themselves upright. The young man carrying the fire must have been the son of the dead man: they were all walking quite fast. The body was going to be cremated on some secluded sands. It was all so simple, unlike the elaborate hearse, loaded with flowers, followed by a long line of polished cars or mourners walking behind the coffin: the dark blackness of it all. Or you saw a dead body, decently covered, being carried at the back of a bicycle to the sacred river to be burnt.

Смерть присутствует всюду, но мы никогда, по-видимому, не живём с ней. Для нас это нечто мрачное, устрашающее, чего надо избегать, о чём не следует говорить, что следует держать в отдалении, за крепко запертой дверью. Но она всегда здесь. Красота любви – это смерть, человек же не знает ни любви, ни смерти. Смерть – это страдание, а любовь – наслаждение, и они никогда не могут встретиться; их необходимо держать отдельно, и это разделение есть боль и страдание. С начала времён существуют это разделение и этот нескончаемый конфликт. Смерть всегда будет существовать для тех, кто не понимает, что наблюдающий есть наблюдаемое, что переживающий есть переживаемое. Это подобно широкой реке, которая несёт человека со всеми его суетными благами, с его тщеславием, страданиями и знанием. До тех пор пока он не оставит всё, что накопил, в реке и не поплывёт к берегу, смерть будет всегда стоять у его порога, ожидая и подкарауливая. Когда он оставляет реку, берега нет, берег – это слово, это наблюдающий. Он отбросил всё – и реку, и берег. Ибо река – это время, а берега – мысли, связанные со

временем: река есть движение времени, и мысль принадлежит этому движению. Когда наблюдающий отбрасывает всё, чем он является, тогда наблюдающего больше нет. Это не смерть. Это вневременное. Вы не можете этого знать, так как то, что известно, – от времени; вы не можете пережить (испытать)[4 – To experience – испытывать, переживать, знать по опыту.] это, так как узнавание составлено из времени. Свобода от известного есть свобода от времени. Бессмертие – это не слово, не книга, не созданный вами образ. Душа, «я», атман – дитя мысли, которая есть время. Когда время отсутствует, нет и смерти. Тогда есть любовь.

Западная часть небосклона утратила свой золотистый цвет, и над горизонтом появился новый месяц, юный,

Death is everywhere and we never seem to live with it. It is a dark, frightening thing to be avoided, never to be talked of. Keep it away from the closed door. But it is always there. The beauty of love is death and one knows neither. Death is pain and love is pleasure and the two can never meet; they must be kept apart and the division is the pain and agony. This has been from the beginning of time, the division and the endless conflict. There will always be death for those who do not see that the observer is the observed, the experiencer is the experienced. It is like a vast river in which man is caught, with all his worldly goods, his vanities, pains and knowledge. Unless he leaves all the things he has accumulated in the river and swims ashore, death will be always at his door, waiting and watching. When he leaves the river there is no shore, the bank is the word, the observer. He has left everything, the river and the bank. For the river is time and the banks are the thoughts of time: the river is the movement of time and thought is of it. When the observer leaves everything which he is, then the observer is not. This is not death. It is the timeless. You cannot know it, for what is known is of time; you cannot experience it: recognition is made up of time. Freedom from the known is freedom from time. Immortality is not the word, the book, the image, you have put together. The soul, the «me», the atman is the child of thought which is time. When time is not then death is not. Love is.

The western sky had lost its colour and just over the horizon was the new moon, young,

робкий, нежный. Казалось, что по дороге проходит всё: свадьба, смерть, смех детей и чьё-то рыдание. Рядом с месяцем сияла единственная звезда.

20 сентября 1973

В это утро река была особенно прекрасна; солнце только поднималось над деревьями и над деревней, спрятавшейся за ними. Воздух был неподвижен, и на реке не было даже самой слабой ряби. Днём станет совсем жарко, но сейчас было довольно прохладно, и одинокая обезьяна сидела на солнышке. Она всегда сидела здесь одна, большая и грузная. Днём она исчезала, а рано утром взбиралась на верхушку тамариндового дерева; когда становилось жарко, казалось, что дерево поглощало её. Золотисто-зелёные мухоловки сидели на парапете вместе с голубями: грифы были всё ещё на верхних ветках другого тамаринда. Была безмерная тишина, и ты сидел на скамье, потерянный для этого мира.

Мы возвращались из аэропорта по тенистой дороге, обсаженной деревьями, на которых хрипло кричали зелёные и красные попугаи. На дороге мы увидели что-то, показавшееся нам большим тюком. По мере того как машина приближалась, тюк становился человеком, почти голым, лежащим поперёк дороги. Машина остановилась, и мы вышли. Его тело было большим, а голова очень маленькой; взгляд его был устремлён сквозь листву в удивительно синее небо. Мы тоже взглянули вверх, чтобы увидеть, на что он так пристально глядел: небо было действительно синее, а листва – действительно зелёная. Он был уродлив и, как говорили, был одним из деревенских дураков. Он и не подумал пошевелиться, и машина должна была очень осторожно его объехать. Верблюды с поклажей и громко разговаривающие дети шли мимо, не обращая на него ни малейшего внимания. Пробежала собака, сделав широкий круг. Попугаи были заняты своим

shy and tender. On the road everything seemed to be passing, marriage, death, the laughter of children and someone sobbing. Near the moon was a single star.

20 TH SEPTEMBER 1973

The river was particularly beautiful this morning; the sun was just coming over the trees and the village hidden among them. The air was very still and there was not a ripple on the water. It would get quite warm during the day but now it was rather cool and a solitary monkey was sitting in the sun. It was always there by itself, big and heavy. During the day it disappeared and turned up early in the morning on the top of the tamarind tree: when it got warm the tree seemed to swallow it. The golden green flycatchers were sitting on the parapet with the doves, and the vultures were still on the top branches of another tamarind. There was immense quietness and one sat on a bench, lost to the world.

Coming back from the airport on a shaded road with the parrots, green and red, screeching around the trees, one saw across the road what appeared to be a large bundle. As the car came near, the bundle turned out to be a man lying across the road, almost naked. The car stopped and we got out. His body was large and his head very small; he was staring through the leaves at the astonishingly blue sky. We looked up too to see what he was staring at and the sky from the road was really blue and the leaves were really green. He was malformed and they said he was one of the village idiots. He never moved and the car had to be driven round him very carefully. The camels with their load and the shouting children passed him without paying the least attention. A dog passed, making a wide circle. The parrots were busy with their

гамом. Сухие поля, сельские жители, деревья, жёлтые цветы были поглощены своей собственной жизнью. Эта часть мира была слаборазвитой, и не существовало ни людей, ни организации, которые заботились бы о таких людях. Тут были открытые сточные каналы, грязь и скученность массы людей, а священная река продолжала свой путь. Печаль жизни была повсюду, и высоко в синем небе парили тяжелокрылые грифы, они часами кружили, подстерегая, высматривая. У кого здравый ум и кто безумен? Что такое здравый ум и безумие? Политики – в здравом ли они уме? А священники – не безумны ли они? Те, кто предан идее, идеологии, – в здравом ли они уме? Они нами управляют, формируют нас, всюду оказывают на нас нажим, – так находимся ли и мы в здравом уме?

Что значит быть в здравом уме? Быть цельным, нефрагментированным в действии, в жизни, во всякого рода отношениях – вот самая суть здравого ума. Быть в здравом уме – значит быть цельным, разумным, праведным. Быть безумным, неврастеником, психопатом, неуравновешенным, шизофреником – какое бы наименование вы этому ни дали – означает быть фрагментированным, раздробленным в действии и в движении взаимоотношений, которое есть существование. Сеять вражду и рознь (разделение), что является занятием политиков, представляющих вас, – значит культивировать и упрочивать безумие, независимо от того, исходит ли это от диктаторов или от тех, кто, обладая властью, действует во имя мира или какой-то идеологии. И священник: взгляните на мир священнослужителей. Священник стоит между вами и тем, что он и вы считаете истиной, спасителем, богом, раем, адом. Он – толкователь, полномочный представитель; у него ключи от рая; он обусловил человека посредством веры, догмата и ритуала; он настоящий пропагандист. Он обусловил вас, потому что вы хотите утешения, безопасности и испытываете страх перед завтрашним

noise. The dry fields, the villagers, the trees, the yellow flowers were occupied with their own existence. That part of the world was underdeveloped and there was no one or organization to look after such people. There were open gutters, filth and crowding humanity and the sacred river went on its way. The sadness of life was everywhere and in the blue sky, high in the air, were the heavy-winged vultures, circling without moving their wings, circling by the hour, waiting and watching. What is sanity and insanity? Who is sane and who is insane? Are the politicians sane? The priests, are they insane? Those who are committed to ideologies, are they sane? We are controlled, shaped, pushed around by them, and are we sane?

What is sanity? To be whole, non-fragmented in action, in life, in every kind of relationship that is the very essence of sanity. Sanity means to be whole, healthy and holy. To be insane, neurotic, psychotic, unbalanced, schizophrenic, whatever name you might give to it, is to be fragmented, broken up in action and in the movement of relationship which is existence. To breed antagonism and division, which is the trade of the politicians who represent you, is to cultivate and sustain insanity, whether they are dictators or those in power in the name of peace or some form of ideology. And the priest: look at the world of priesthood. He stands between you and what he and you consider truth, saviour, god, heaven, hell. He is the interpreter, the representative; he holds the keys to heaven; he has conditioned man through belief, dogma and ritual; he is the real propagandist. He has conditioned you because you want comfort, security, and you dread tomorrow.

днём. Художники, интеллектуалы, учёные, которыми так восхищаются и которых так непомерно превозносят, – в здравом ли они уме? Или они живут в двух различных мирах: мире идей и воображения, с его навязчивыми формами выражения, полностью отделенным от их повседневной жизни, с её печалью и удовольствием?

Окружающий вас мир фрагментирован, так же как и вы сами, и это выражается в конфликте, смятении и страдании: вы есть мир, и мир – это вы. Быть в здравом уме – значит жить жизнью действия без конфликта. Действие и идея находятся в противоречии. Видение – это действие, а не сначала идея, а потом действие в соответствии с заключением. Это порождает конфликт. Анализирующий сам является анализируемым. Когда анализирующий отделяет себя как нечто отличное от анализируемого, он порождает конфликт, а конфликт – это сфера неуравновешенности. Наблюдающий есть наблюдаемое, и в этом здравый ум, цельность, а с праведным – любовь.

21 сентября 1973

Хорошо, когда просыпаешься без единой мысли с ее проблемами. Ум тогда отдохнувший; он создал порядок внутри самого себя, и поэтому сон так важен. Либо ум создаёт порядок в своих отношениях и деятельности в часы бодрствования, что даёт ему полный отдых во время сна, либо во время сна он будет пытаться приводить в порядок свои дела для собственного удовлетворения. В течение дня снова будет беспорядок, вызываемый многими факторами, а в часы сна ум будет стараться выпутаться из этой неразберихи. Ум, мозг, лишь тогда может функционировать эффективно, непредубеждённо, когда есть порядок. Конфликт в любой форме – это беспорядок. Посмотрите, как действует такой ум каждый день в течение всей жизни: его действие – это попытка навести порядок во время сна и беспорядок в часы бодрствования. Это

The artists, the intellectuals, the scientists, admired and flattered so much are they sane? Or do they live in two different worlds – the world of ideas and imagination with its compulsive expression, wholly separate from their daily life of sorrow and pleasure?

The world about you is fragmented and so are you and its expression is conflict, confusion and misery: you are the world and the world is you. Sanity is to live a life of action without conflict. Action and idea are contradictory. Seeing is the doing and not ideation first and action according to the conclusion. This breeds conflict. The analyser himself is the analysed. When the analyser separates himself as something different from the analysed, he begets conflict, and conflict is the area of the unbalanced. The observer is the observed and therein lies sanity, the whole, and with the holy is love.

21 ST SEPTEMBER 1973

It is good to wake up without a single thought, with its problems. Then the mind is rested; it has brought about order within itself and that is why sleep is so important. Either it brings about order in its relationship and action during

the waking hours, which gives to the mind complete rest during sleep, or during sleep it will attempt to arrange its affairs to its own satisfaction. During the day there will again be disorder caused by so many factors, and during the hours of sleep the mind will try to extricate itself from this confusion. Mind, brain, can only function efficiently, objectively, where there is order. Conflict in any form is disorder. Consider what the mind goes through every day of its life: the attempt at order in sleep and disorder during waking hours. This is

конфликт жизни изо дня в день. Мозг может функционировать только в безопасности, а не в противоречии и смятении. Поэтому он пытается получить такие условия при помощи какой-то невротической формулы, но от этого конфликт лишь усиливается. Порядок является преобразованием всей этой путаницы. Когда наблюдающий есть наблюдаемое, существует полный порядок.

На маленькой тенистой и тихой дорожке, идущей возле дома, маленькая девочка горько, надрывно плакала, как могут плакать только дети. Ей, может быть, было пять или шесть лет, а ростом она была ещё меньше. Она сидела на земле, слезы текли по её щекам. Он сел рядом с ней и спросил, что случилось, но она не могла говорить, задыхаясь от рыданий. Может быть, её побили, или сломалась её любимая игрушка, или ей грубо отказали в том, чего ей очень хотелось. Мать вышла из дома, встряхнула девочку и унесла. Она едва взглянула на него, потому что они не были знакомы. Через несколько дней, когда он шёл по той же дорожке, девочка вышла из дома, сияя улыбкой, и вместе с ним прошла немного по дорожке. Мать, видимо, разрешила ей подойти к незнакомому человеку. Он часто гулял по этой тенистой дорожке, и девочка с братом и сестрой обычно выходили и приветствовали его. Забудут ли они когда-нибудь свои обиды и свои печали или постепенно создадут для себя способы бегства и сопротивления? Хранить эти обиды, кажется, в природе людей, и это искажает их действия. Может ли человеческий ум никогда не ведать боли и ран? Не иметь душевных ран – значит быть беспорочным, невинным. Если вы не храните обиды, вы, естественно, не причините боли другому. Возможно ли это? Культура, в которой мы живём, глубоко ранит ум и сердце. Шум и загрязнение, агрессия и соперничество, насилие и воспитание, образование – все эти и ещё другие факторы способствуют усилению страдания. И всё же нам приходится жить в этом

the conflict of life, day in, day out. The brain can only function in security, not in contradiction and confusion. So it tries to find it in some neurotic formula but the conflict becomes worse. Order is the transformation of all this mess. When the observer is the observed there is complete order.

In the little lane that goes by the house, shaded and quiet, a little girl was sobbing her heart out, as only children can do. She must have been five or six, small for her age. She was sitting on the ground, tears pouring down her cheeks. He sat down with her and asked what had happened but she couldn't talk, sobbing took all her breath. She must have been struck or her favourite toy broken or something which she wanted denied by a harsh word. The mother came out, shook the child and carried her in. She barely looked at him for they were strangers. A few days later, walking along the same lane, the child came out of her house, full of smiles, and walked with him a little way. The mother must have given her permission to go with a stranger. He walked often in that shaded lane and the girl with her brother and sister would come out and greet him. Will they ever forget their hurts and their sorrows or will they gradually build for themselves escapes and resistances? To keep these hurts seems to be the nature of human beings and from this their actions become twisted. Can the human mind never be hurt or wounded? Not to be hurt is to be innocent. If you are not hurt you will naturally not hurt another. Is this possible? The culture in which we live does deeply wound the mind and heart. The noise and the pollution, the aggression and competition, the violence and the education all these and more contribute to the agony. Yet we have to live in this

мире жестокости и сопротивления: мы – это мир, а мир – это мы. Что же именно в человеке может быть уязвлено? Мысленный образ, представление, которое каждый создал о себе самом, – вот что ранимо. Как ни странно, эти представления повсюду в мире одни и те же, лишь с некоторыми видоизменениями. Сущность представления, которое имеете вы, – та же, что и у человека за тысячу миль от вас. Так что вы и

есть тот мужчина или та женщина. Ваши обиды и раны – это обиды и раны тысяч: вы есть другой.

Возможно ли никогда не испытывать обиды? Там, где есть душевная рана, нет любви. Там, где есть обида, любовь – не более чем наслаждение (удовольствие). Лишь когда вы открываете для себя красоту того, чтобы никогда не обижаться, все прошлые обиды и раны исчезают. В полноте настоящего прошлое перестаёт быть бременем.

Он никогда не обижался, хотя многое пришлось ему испытать: лесть и оскорбления, угрозы и опеку. Это не означает, что он был невосприимчивым, несознающим: у него не было представления о самом себе, не было умозаключений, не было идеологии. Мысленный образ означает сопротивление, и когда его нет, уязвимость есть, но нет обиды, уязвлённости. Не следует искать уязвимости, высокой чувствительности, так как то, чего вы добьётесь и что обретёте, будет другой формой того же представления, того же образа. Поймите это целостное движение, не просто на уровне слов, постарайтесь проникнуть в самую его суть. Важно осознать целостную структуру этого без каких бы то ни было оговорок. Видение истины этого есть конец создающего образ. Пруд был переполнен, и тысячи мерцаний отражались в его водах. Стало темно, и небеса открылись.

world of brutality and resistance: we are the world and the world is us. what is the thing that is hurt? The image that each one has built about himself, that is what is hurt. Strangely these images, all over the world are the same, with some modifications. The essence of the image you have is the same as of the man a thousand miles away. So you are that man or woman. Your hurts are the hurts of thousands: you are the other.

Is it possible never to be hurt? where there is wound there is no love. where there is hurt, then love is mere pleasure. when you discover for yourself the beauty of never being hurt, then only do all the past hurts disappear. In the full present the past has lost its burden.

He has never been hurt though many things happened to him, flattery and insult, threat and security. It is not that he was insensitive, unaware: he had no image of himself, no conclusion, no ideology. Image is resistance and when that is not, there is vulnerability but no hurt. You may not seek to be vulnerable, highly sensitive, for that which is sought and found is another form of the same image. Understand this whole movement, not merely verbally, but have an insight into it. Be aware of the whole structure of it without any reservation. Seeing the truth of it is the ending of the image builder. The pond was overflowing and there were a thousand reflections on it. It became dark and the heavens were open.

22 сентября 1973

В соседнем доме пела женщина: у неё был чудесный голос, и те немногие, кто слышал её пение, были им зачарованы. Солнце садилось среди манговых деревьев и пальм, щедро позолоченных и зелёных. Женщина исполняла религиозные песнопения, и её голос становился всё более глубоким и нежным. Слушание – это искусство. Когда вы слушаете классическую западную музыку или пение этой женщины, сидящей на полу, вы либо впадаете в романтическое настроение, либо в вашей памяти всплывают картины прошлого, либо ваша мысль, создавая ассоциации, быстро изменяет ваше настроение, либо возникают предчувствия будущего. Или вы слушаете без всякого движения мысли. Вы слушаете из глубокой тишины, из полного безмолвия.

Слушание собственной мысли, или чёрного дрозда на ветке, или того, что говорится, без реакции мысли раскрывает смысл, совершенно отличный от того, который приносит движение мысли. Это есть искусство слушания, слушания с полным вниманием: нет центра, который слушает.

Безмолвие гор имеет глубину, которой нет в долинах. У всего есть своё особое безмолвие; безмолвие среди облаков и среди деревьев совершенно разное; безмолвие между двумя мыслями – вне времени; безмолвие удовольствия и страха ощущается вполне реально. Искусственное безмолвие, которое может создавать мысль, – это

смерть; безмолвие между шумами есть отсутствие шума, но это не безмолвие, так же как отсутствие войны не есть мир. Мрачное безмолвие собора, храма исходит от древности и красоты, которая в основном создана человеком; существует безмолвие прошлого и будущего, безмолвие музея и кладбища. Но всё это не является безмолвием.

Этот человек сидел неподвижно на берегу прекрасной реки; он находился здесь уже более часа. Он приходил

22 ND SEPTEMBER 1973

A woman was singing next door: she had a marvellous voice and the few who were listening to her were entranced. The sun was setting among the mango trees and palms, rich golden and green. She was singing some devotional songs and the voice was getting richer and mellower. Listening is an art. When you listen to classical western music or to this woman, sitting on the floor, you are either being romantic or there are remembrances of things past or thought with its associations swiftly changing your moods, or there are intimations of the future. Or you listen without any movement of thought. You listen out of complete quietness, out of total silence.

Listening to one's thought or to the blackbird on a branch or to what is being said, without the response of thought, brings about a wholly different significance from that which the movement of thought brings. This is the art of listening, listening with total attention: there is no centre which listens.

The silence of the mountains has a depth which the valleys have not. Each has its own silence; the silence among clouds and among trees is vastly different; the silence between two thoughts is timeless; the silence of pleasure and of fear are tangible. The artificial silence which thought can manufacture is death; the silence between noises is the absence of noise but it is not silence, as the absence of war is not peace. The dark silence of a cathedral, of the temple, is of age and beauty, especially constructed by man; there is the silence of the past and of the future, the silence of the museum and the cemetery. But all this is not silence.

The man had been sitting there on the bank of the beautiful river, motionless; he was there for over an hour. He would come

сюда каждое утро; искупавшись, он некоторое время повторял нараспев тексты на санскрите и сразу же погружался в свои мысли; солнце его, видимо, не беспокоило, по крайней мере, утреннее солнце. Однажды он пришёл и начал говорить о медитации. Он не принадлежал к какой-либо школе медитации, считал их бесполезными, не имеющими существенного значения. Он был одинок, не женат и давно отошёл от мирской жизни. Он мог контролировать свои желания, управлял мышлением и вёл одинокую жизнь. В нём не было ожесточения, самодовольства или равнодушия; уж годы прошли, как он забыл обо всём этом. Медитация и реальность были его жизнью. Пока он говорил и подбирал подходящие слова, солнце садилось, и на нас сошло глубокое безмолвие. Он перестал говорить. Через некоторое время, когда звёзды засияли совсем близко от земли, он сказал: "Вот то безмолвие, которого я всюду искал, в книгах, у учителей и в самом себе. Я многое нашёл, но не это. Оно пришло непрошеным, незваным. Не растратил ли я свою жизнь на вещи, не имеющие значения? Вы не представляете себе, через какие испытания я прошёл: посты, самоотречение и всяческая практика. Я давно понял их тщетность, но никогда я этого безмолвия не постигал. Что мне следует делать, чтобы в нём остаться, удержать его в своём сердце? Я думаю, вы бы сказали, что ничего не надо делать, так как его невозможно вызвать. Но следует ли мне странствовать по стране, продолжая эту практику, этот контроль? Сидя здесь, я ощущаю это святое безмолвие; сквозь него я гляжу на звёзды, на деревья, на эту реку. Хотя я всё это вижу и чувствую, в действительности меня здесь нет. Как вы на днях сказали, наблюдающий есть наблюдаемое. Теперь я понимаю, что это значит. Это благословение, которого я искал, не может быть обретено в поиске. Мне время идти".

there every morning, freshly bathed, he would chant in Sanskrit for some time

and presently he would be lost in his thoughts; he didn't seem to mind the sun, at least the morning sun. One day he came and began to talk about meditation. He did not belong to any school of meditation; he considered them useless, without any real significance. He was alone, unmarried and had put away the ways of the world long ago. He had controlled his desires, shaped his thoughts and lived a solitary life. He was not bitter, vain or indifferent; he had forgotten all these some years ago. Meditation and reality were his life. As he talked and groped for the right word, the sun was setting and deep silence descended upon us. He stopped talking. After a while, when the stars were very close to the earth, he said: "That is the silence I have been looking for everywhere, in the books, among the teachers and in myself. I have found many things but not this. It came unsought, uninvited. Have I wasted my life in things that did not matter? You have no idea what I have been through, the fastings, the self-denials and the practices. I saw their futility long ago but never came upon this silence. What shall I do to remain in it, to maintain it, to hold it in my heart? I suppose you would say do nothing, as one cannot invite it. But shall I go on wandering over this country, with this repetition, this control? Sitting here I am conscious of this sacred silence; through it I look at the stars, those trees, the river. Though I see and feel all this, I am not really there. As you said the other day, the observer is the observed. I see what it means now. The benediction I sought is not to be found in the seeking. It is time for me to go."

Река стала тёмной, и воды её близ берегов отражали звёзды. Шум дня постепенно затихал, и стали слышны мягкие шорохи ночи. Вы наблюдали звёзды и тёмную землю, и мир был далеко. Красота, которая есть любовь, казалось, нисходила на землю и на всё, что было на ней.

23 сентября 1973

Он стоял один на низком берегу реки; река была не очень широка, и он мог видеть людей на противоположном берегу. Если их разговор становился громким, то он мог почти всё слышать. В сезон дождей река достигала моря. И благодаря обильным дождям, не прекращавшимся уже несколько дней, она смогла прорваться через пески к ожидавшему её морю. После сильных дождей она снова стала чистой, и в ней можно было спокойно плавать. Река была достаточно широка, чтобы вместить длинный узкий остров, с зелёным кустарником, несколькими невысокими деревцами и небольшой пальмой. Когда вода была не слишком глубока, в ней бродил скот и переходил на остров, чтобы там пастись. Река была приветливой и дружелюбной, и это особенно ощущалось в то утро.

Он стоял один, вблизи не было никого, – одинокий, ни к чему не привязанный и далёкий от всего. Ему было лет четырнадцать или несколько меньше. Совсем недавно нашли его и его брата, и значение, придаваемое этому событию, и вся эта шумиха и внезапная значимость, придаваемая ему, ещё витали над ним. [5 – Кришнамурти в этой записи говорит в годах своего отрочества, проведенных в Адьяре, близ Мадраса.] Он был центром внимания и поклонения, и в ближайшие годы ему предстояло стать главой организаций и обладателем больших владений. Всё это и отказ от всего этого были ещё впереди. То, как он стоял здесь в одиночестве, потерянный и странно

The river became dark and the stars were reflected on its waters near the banks. Gradually the noises of the day were coming to an end and the soft noises of the night began. You watched the stars and the dark earth and the world was far away. Beauty, which is love, seemed to descend on the earth and the things of it.

23 RD SEPTEMBER 1973

He was standing by himself on the low bank of the river; it was not very wide and he could see some people on the other bank. If the talk was loud he could almost hear them. In the rainy season the river met the open waters of the sea. It had been raining for days and the river had broken through the sands to the

waiting sea. With the heavy rains it was clean again and one could swim in it safely. The river was wide enough to hold a long narrow island green with bushes, a few short trees and a small palm. When the water was not too deep cattle would wade across to graze on it. It was a pleasant and friendly river and it was particularly so on that morning.

He was standing there with no one around, alone, unattached and far away. He was about fourteen or less. They had found his brother and himself quite recently and all the fuss and sudden importance given to him was around him.[6 - Krishnamurti is writing here about his own boyhood at Adyar, near Madras] He was the centre of respect and devotion and in the years to come he would be the head of organizations and great properties. All that and the dissolution of them still lay ahead. Standing there alone, lost and strangely

отчуждённый, было его первым и отчётливым воспоминанием о тех днях и событиях. Он не помнил своего детства, занятий в школе и наказаний. Тот самый учитель, который почти каждый день бил его палкой, много лет спустя рассказал ему об этом. Он плакал, и его выгоняли на веранду, а когда школу надо было закрывать, выходил учитель и говорил ему, чтобы он шёл домой, иначе ему придётся остаться на веранде одному. Его наказывали палкой, говорил этот человек, потому что он ничего не мог заучить или запомнить из того, что читал или что ему говорили. Позднее этот учитель не мог поверить, что тот мальчик – это человек, беседу которого он слушал. Он был чрезвычайно изумлён и излишне почтителен. Все эти годы прошли, не оставив шрамов, воспоминаний в его уме; узы дружбы, любви, даже те годы, когда люди жестоко с ним обращались, – так или иначе, ни одно из этих событий, дружественное или жестокое отношение не оставило в нём никаких следов. Однажды один писатель спросил, не может ли он вспомнить все эти весьма странные события, как он и его брат были найдены, и некоторые другие случаи; когда же он ответил, что не может их вспомнить и может лишь повторить то, что рассказали ему другие, этот человек с явной насмешкой заявил, что он лишь притворяется, что забыл, и использует это как отговорку. Он никогда сознательно не старался устранить из памяти какие-либо события, приятные или неприятные. Они приходили и уходили, не оставляя следа.

Сознание – это его содержание: содержание составляет сознание. Эти двое неразделимы. Не существует вас и другого, а лишь то содержание, которое составляет сознание как «я» и «не-я». Содержание различается в зависимости от культуры, расовой принадлежности склада, техники и приобретенных способностей. Они разделяются на художника, учёного, и так далее. Характерные особенности являются отражением обусловленности, а

aloof, was his first and lasting remembrance of those days and events. He doesn't remember his childhood, the schools and the caning. He was told years later by the very teacher who hurt him that he used to cane him practically every day; he would cry and be put out on the verandah until the school closed and the teacher would come out and ask him to go home, otherwise he would still be on the verandah, lost. He was caned, this man said because he couldn't study or remember anything he had read or been told. Later the teacher couldn't believe that boy was the man who had given the talk he had heard. He was greatly surprised and unnecessarily respectful. All those years passed without leaving scars, memories, on his mind; his friendships, his affections, even those years with those who had ill-treated him somehow none of these events, friendly or brutal, have left marks on him. In recent years a writer asked if he could recall all those rather strange events, how he and his brother were discovered and the other happenings, and when he replied that he could not remember them and could only repeat what others had told him, the man openly, with a sneer, stated that he was putting it on and pretending. He never consciously blocked any happening, pleasant or unpleasant, entering into his mind. They came, leaving no mark and passed away.

Consciousness is its content: the content makes up consciousness. The two are indivisible. There is no you and another, only the content which makes up consciousness as the «me» and the not «me». The contents vary according to the culture, the racial accumulations, the techniques and capacities acquired. These are broken up as the artist, the scientist and so on. Idiosyncrasies are the response of the conditioning and

обусловленность – это то, что присуще человеку. Эта обусловленность есть содержание, сознание. Это вновь разделяется его на сознаваемое и скрытое. Скрытое становится важным, потому что мы никогда не смотрим на это как на целое. Эта фрагментация имеет место, когда наблюдающий не является наблюдаемым, когда переживающий воспринимается как нечто отличное от переживаемого. Скрытое подобно открытому, сознаваемому; наблюдение, слушание открытого – есть видение скрытого. Видение – это не анализ. В анализе существуют анализирующий и анализируемое, существует фрагментация, которая ведет к бездействию, парализует. В видении же наблюдающего нет, и поэтому действие является непосредственным (немедленным), нет интервала, который всегда существует между идеей и действием. Идея, умозаключение есть наблюдающий, – видящий отделен от того, что он видит. Отождествление является действием мысли, а мысль – это фрагментация.

Остров, река и море по-прежнему здесь, как и пальмы, и строения. Солнце вышло из массы облаков, плывущих сомкнутыми рядами и парящих в небесах. Рыбаки в одних только набедренных повязках забрасывали сети, чтобы поймать какую-то жалкую, мелкую рыбу. Бедность, не являющаяся добровольной, – это вырождение. Поздно вечером приятно находиться среди манговых деревьев и благоухающих цветов. Как прекрасна земля.

24 сентября 1973

Новое сознание и совершенно новая мораль необходимы, чтобы радикально изменить современную культуру и социальную структуру. Это вполне очевидно, тем не менее и левые, и правые, и революционеры, видимо, не принимают этого во внимание. Любая догма, любая формулировка, любая идеология представляют собой часть старого сознания; они – выдумки мысли, деятельность

the conditioning is the common factor of man. This conditioning is the content, consciousness. This again is broken up as the conscious and the hidden. The hidden becomes important because we have never looked at it as a whole. This fragmentation takes place when the observer is not the observed, when the experiencer is seen as different from the experience. The hidden is as the open; the observation the hearing of the open is the seeing of the hidden. Seeing is not analysing. In analysing there is the analyser and the analysed, a fragmentation which leads to inaction, a paralysis. In seeing, the observer is not, and so action is immediate; there is no interval between the idea and action. The idea, the conclusion, is the observer the seer separate from the thing seen. Identification is an act of thought and thought is fragmentation.

The island, the river and the sea are still there, the palms and the buildings. The sun was coming out of masses of clouds, serried and soaring to the heavens. In only a loin cloth the fishermen were throwing their nets to catch some measly little fishes. Unwilling poverty is a degradation. Late in the evening it was pleasant among the mangoes and scented flowers. How beautiful is the earth.

24 TH SEPTEMBER 1973

A new consciousness and a totally new morality are necessary to bring about a radical change in the present culture and social structure. This is obvious, yet the left and the right and the revolutionary seem to disregard it. Any dogma, any formula, any ideology, is part of the old consciousness; they are the fabrications of thought whose activity

которой есть фрагментация – левые, правые, центр. Эта деятельность неизбежно ведёт к пролитию крови правых или левых, ведёт к тоталитаризму. Это как раз то, что происходит сейчас вокруг нас. Человек видит необходимость социальной, экономической и моральной перемены, но его реакция исходит из старого сознания, где мысль играет главную роль. Неразбериха, смятение и беды, в которых оказались люди, находятся в сфере старого сознания, и без коренного его изменения всякая человеческая деятельность – политическая, экономическая или религиозная – будет

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
приносить нам лишь уничтожение друг друга и всей земли. Это очевидно для
здорового ума.

Человек должен быть светом для самого себя; этот свет является законом. Другого закона не существует. Все другие законы созданы мыслью и поэтому они фрагментарны и противоречивы. Быть светом для себя – значит не следовать свету другого, каким бы разумным, логичным, исторически обоснованным и убедительным он ни казался. Вы не можете быть светом для себя, если пребываете в мрачной тени авторитета, догмы, умозаключения. Нравственность не складывается мыслью, она – не результат давления окружения, не порождение вчерашнего дня и традиции. Нравственность – дитя любви, а любовь – не желание и не наслаждение. Сексуальное или чувственное наслаждение – это не любовь.

Высоко в горах едва ли могли жить какие-то птицы, разве лишь вороны; там были олени и изредка встречался медведь. Всюду виднелись гигантские секвойи, безмолвные, резко выделявшиеся на фоне остальных деревьев. Это была чудесная страна, полная тишины и мира, ибо здесь охота была запрещена. Каждое животное, каждое дерево и цветок охранялись. Сидя под одним из этих огромных деревьев, сознаёшь историю человека и красоту земли. Толстая рыжая белка проследовала мимо с необычайным изяществом, остановилась в нескольких футах,

is fragmentation the left, the right, the centre. This activity will inevitably lead to bloodshed of the right or of the left or to totalitarianism. This is what is going on around us. One sees the necessity of social, economic and moral change but the response is from the old consciousness thought being the principle actor. The mess, the confusion and the misery that human beings have got into within the area of the old consciousness, and without changing that profoundly, every human activity, political, economic and religious, will only bring us to the destruction of each other and the earth. This is so obvious to the sane.

One has to be a light to oneself; this light is the law. There is no other law. All the other laws are made by thought and so fragmentary and contradictory. To be a light to oneself is not to follow the light of another, however reasonable, logic, historical, and however convincing. You cannot be a light to yourself if you are in the dark shadows of authority, of dogma, of conclusion. Morality is not put together by thought; it is not the outcome of environmental pressure, it is not of yesterday, of tradition. Morality is the child of love and love is not desire and pleasure. Sexual or sensory enjoyment is not love.

High in the mountains there were hardly any birds, there were some crows, there were deer and an occasional bear. The huge redwoods, the silent ones, were everywhere, dwarfing all the other trees. It was a magnificent country and utterly peaceful, for no hunting was allowed. Every animal, every tree and flower was protected. Sitting under one of those massive redwoods, one was aware of the history of man and the beauty of earth. A fat red squirrel passed by most elegantly, stopping a few feet away,

присматриваясь и интересуясь, что вы здесь делаете. Земля была сухая, хотя невдалеке протекал ручей. Ни один листок не шелохнулся, и красота безмолвия пребывала среди деревьев. Медленно двигаясь по узкой тропе, из-за поворота появилась медведица с четырьмя медвежатами, величиной с больших кошек. Они умчались карабкаться по деревьям, а мать в упор смотрела на человека, без движения, без звука. Около пятидесяти футов разделяло нас; она была огромная, бурая, готовая броситься. Человек тотчас же повернулся к ней спиной и ушёл. Оба понимали, что не было ни страха, ни намерения причинить вред, но всё же человек был рад, очутившись под защитой деревьев, белок и крикливых соек.

Быть свободным означает быть светом для самого себя; тогда свобода – не абстракция, не плод воображения, рождённый мыслью. Подлинная свобода – это свобода от зависимости, привязанности, от жажды переживания. Свобода от самой структуры мысли означает быть светом самому себе. Всякое действие совершается в этом свете, и потому оно никогда не содержит противоречия. Противоречие существует только тогда, когда этот закон, этот свет, отделён от действия, когда действующий существует отдельно от действия. Идеал, принцип, есть бесплодное движение мысли и не может сосуществовать с этим светом; одно отрицает другое.

Этот свет, этот закон, существует отдельно от вас; там, где есть наблюдающий, этого света, этой любви, нет. Структура наблюдающего сложена мыслью, которая никогда не бывает новой, никогда не бывает свободной. Не существует никакого «как», никакой системы, никакой практики. Существует только видение, которое есть действие. Вы должны видеть, но не глазами другого. Этот свет, этот закон, – не ваш и не чей-то ещё. Есть просто свет. Это – любовь.

watching and wondering what you were doing there. The earth was dry, though there was a stream nearby. Not a leaf stirred and the beauty of silence was among the trees. Going slowly along the narrow path, round the bend was a bear with four cubs as large as big cats. They rushed off to climb up trees and the mother faced one without a movement, without a sound. About fifty feet separated us; she was enormous, brown, and prepared. One immediately turned one's back on her and left. Each understood that there was no fear and no intention to hurt, but all the same one was glad to be among the protecting trees, squirrels and the scolding jays.

Freedom is to be a light to oneself; then it is not an abstraction, a thing conjured by thought. Actual freedom is freedom from dependency, attachment, from the craving for experience. Freedom from the very structure of thought is to be a light to oneself. In this light all action takes place and thus it is never contradictory. Contradiction exists only when that law, light, is separate from action, when the actor is separate from action. The ideal, the principle, is the barren movement of thought and cannot co-exist with this light; one denies the other. This light, this law, is separate from you; where the observer is, this light, this love, is not. The structure of the observer is put together by thought, which is never new, never free. There is no «how», no system, no practice. There is only the seeing which is the doing. You have to see, not through the eyes of another. This light, this law, is neither yours nor that of another. There is only light. This is love.

25 сентября 1973

Он глядел из окна на гряде зелёных холмов и на тёмный лес в лучах утреннего солнца. Было чудесное утро. За лесом плыли, высоко вздымаясь, величественные облака, белые, с меняющимися очертаниями. Неудивительно, что древние считали облака и горы обителью богов. Всюду вокруг были эти огромные массы облаков на ослепительно ярком голубом небе. У него не было ни единой мысли, и он лишь глядел на красоту мира. Должно быть, он простоял у окна довольно долго, и нечто произошло неожиданно, без приглашения. Вы не можете призывать или желать подобное неосознанно или сознательно. Всё как бы отдалилось, уступая место тому, что не имеет имени. Вам не найти этого ни в каком храме, ни в мечети или церкви, ни на какой печатной странице. Вам этого не найти нигде, а то, что вы найдёте, не будет этим.

В обширном здании близ Золотого Рога (Стамбул) вместе со многими другими он сидел около нищего в лохмотьях, который произносил, склонив голову, какую-то молитву. Какой-то человек запел по-арабски. У него был великолепный голос; он заполнил всё пространство огромного зала и, казалось, сотрясал его стены. Он производил удивительное действие на всех присутствующих; люди, как зачарованные, с великим почтением внимали словам и звучанию незнакомого голоса. Этот человек был среди них чужой; они глядели на него, а потом о нём забыли. Мощное звучание, наполнившее огромный зал, вскоре смолкло, и наступила тишина. Люди совершали свой обряд и один за другим уходили. Остались только он и нищий; затем нищий также ушёл. Огромный купол был безмолвен, здание опустело, шум жизни отдалился.

Если вам когда-нибудь случится одному бродить высоко в горах, среди сосен и скал, оставив всё в долине далеко внизу, когда не слышно шелеста листвы и всякая мысль затихает, тогда к вам может прийти иное,

25 TH SEPTEMBER 1973

He was looking out of the window on to the green rolling hills and dark woods with the morning sun on them. It was a pleasant and lovely morning, there were

magnificent clouds beyond the woods, white with billowing shapes. No wonder the ancients said the gods had their abode among them and the mountains. All around there were these enormous clouds against a blue and dazzling sky. He had not a single thought and was only looking at the beauty of the world. He must have been at that window for some time and something took place, unexpected, uninvited. You cannot invite or desire such things, unknowingly or consciously. Everything seemed to withdraw and be giving space only to that, the unnameable. You won't find it in any temple, mosque or church or on any printed page. You will find it nowhere and whatever you find, it is not that.

With so many others in that vast structure near the Golden Horn (Istanbul) he was sitting next to a beggar with torn rags, head lowered, uttering some prayer. A man began to sing in Arabic. He had a marvellous voice, the entire dome and great edifice was filled with it, it seemed to shake the building. It had a strange effect on all those who were there; they listened to the words and to the voice with great respect and were at the same time enchanted. He was a stranger amongst them; they looked at him and then forgot him. The vast hall was filled and presently there was a silence; they went through their ritual and one by one and then they left. Only the beggar and he remained; then the beggar too left. The great dome was silent and the edifice became empty, the noise of life was far away.

If you ever walk by yourself high in the mountains among the pines and rocks, leaving everything in the valley far below you, when there is not a whisper among the trees and every thought has withered away, then it may come to you, the otherness.

отличное. Если попытаетесь его удержать, оно никогда не придёт вновь; то, что вы удерживаете, – лишь воспоминание о том, что умерло и ушло. То, что вы удерживаете, – не реальность; ваши сердце и ум слишком малы, они могут удерживать лишь то, что рождено мыслью, а это бесплодно. Уходите дальше от долины, как можно дальше, всё оставив там. Вы можете вернуться и всё подобрать, если захотите, но оно уже утратит смысл. Вы никогда не станете прежним снова.

После долгого, длившегося несколько часов подъёма выше границы деревьев, он оказался среди скал и безмолвия, какое бывает только в горах; здесь росло лишь несколько уродливых сосен. Ветра не было, и всё пребывало в абсолютной тишине. На обратном пути, спускаясь от одной скалы к другой, он вдруг услышал угрожающий звук и отскочил. В нескольких футах от него была гремучая змея, толстая и почти чёрная. Свернувшаяся в кольцо, грозно предупреждавшая, она была готова к броску. Треугольная голова с раздвоенным языком, который мелькал, мгновенно высываясь и втягиваясь в пасть, колючие, тёмные, напряжённо следившие глаза – она была готова броситься, если бы он сделал к ней хоть малейшее движение. В продолжение получаса или даже ещё дольше она пристально глядела, устремив на человека немигающий взгляд: её глаза не имели век. Медленно разворачиваясь, держа голову и хвост направленными на него, она начала отползать, изогнувшись пополам, но когда он сделал движение, чтобы приблизиться, она мгновенно свернулась в кольцо, готовая к броску. Мы продолжали эту игру ещё некоторое время; змея заметно устала, и он дал ей уползти своей дорогой. Она была по-настоящему устрашающая, толстая и смертоносная.

Вы должны бывать наедине с деревьями, лугами и ручьями. Вы никогда не бываете один, если с вами плоды вашей мысли, её образы и проблемы. Ум не должен быть

If you hold it, it will never come again; what you hold is the memory of it dead and gone. What you hold is not the real; your heart and mind are too small, they can hold only the things of thought and that is barren. Go further away from the valley, far away, leaving everything down there. You can come back and pick them up if you want to but they will have lost their weight. You will never be the same again.

After a long climb of several hours, beyond the tree line, he was there among rocks and the silence mountains have; there were a few misshaped pines. There was no wind and everything was utterly still. Walking back, moving from rock to rock, he suddenly heard a rattler and jumped. A few feet away was the snake, fat and almost black. With the rattle in the middle of the coils, it was ready to

strike. The triangled head with its forked tongue flickering in and out, its dark sharp eyes watching, it was ready to strike if he moved nearer. During all that half hour or more it never blinked, it stared at you, it had no eyelids. Uncoiling slowly, keeping its head and tail towards him, it began to move away in a U-shape and when he made a move to get nearer it coiled up instantly ready to strike. We played this game for a little while; it was getting tired and he left it to go its own way. It was a really frightening thing, fat and deadly.

You must be alone with the trees, meadows and streams. You are never alone if you carry the things of thought, its images and problems. The mind must not be

заполнен и картинами природы, скалами и облаками земли. Он должен быть пустым, как новый сосуд. Тогда вы смогли бы увидеть что-то полностью, что-то, чего никогда не было. Вы не можете это видеть, если вы присутствуете; вы должны умереть, чтобы увидеть это. Вы можете считать, что представляете собой нечто важное в мире, но это не так. Вы можете обладать всем, что объединила мысль, но всё это старо, ветхо и начинает рассыпаться.

В долине было удивительно прохладно, и возле хижины белки ожидали своих орехов: их каждый день кормили в хижине на столе. Они были очень дружелюбны, но если вы не приходили к положенному времени, то они начинали ворчать, а синие сойки шумели, дожидаясь чуть поодаль.

27 сентября 1973

Это был полуразрушенный храм, с длинными коридорами без крыши, с вратами, статуями без голов и пустынными двориками. Он стал убежищем для птиц и обезьян, попугаев и голубей. Некоторые из этих массивных статуй ещё не утратили красоты, они всё ещё хранили величие. Здесь было удивительно чисто, и можно было, сидя на земле, наблюдать обезьян и щебечущих птиц. Когда-то, в давние времена, это, вероятно, был процветающий храм, с тысячами прихожан, с гирляндами, курением благовоний и богослужением. Здесь ещё чувствовалась атмосфера их надежд, страхов и их благоговейный трепет. Святая обитель погибла давно. Теперь, когда становилось жарко, обезьяны исчезли, но у попугаев и голубей были гнёзда в углублениях и трещинах высоких стен. Этот старый полуразрушенный храм был расположен слишком далеко от деревни, так что её жители не могли приходить и разрушать его ещё больше. Если бы они пришли, они осквернили бы его пустоту.

filled with the rocks and clouds of the earth. It must be empty as the newly-made vessel. Then you would see something totally, something that has never been. You can't see this if you are there; you must die to see it. You may think you are the important thing in the world but you are not. You may have everything that thought has put together but they are all old, used and begin to crumble.

In the valley it was surprisingly cool and near the huts the squirrels were waiting for their nuts. They had been fed every day in the cabin on the table. They were very friendly and if you weren't there on time they began their scolding and the bluejays waited noisily outside.

27 TH SEPTEMBER 1973

It was a temple in ruins, with its roofless long corridors, gates headless statues and deserted courtyards. It had become a sanctuary for birds and monkeys, parrots and doves. Some of the headless statues were still massive in their beauty; they had a still dignity. The whole place was surprisingly clean and one could sit on the ground to watch the monkeys and chattering birds. Once very long ago, the temple must have been a flourishing place with thousands of worshippers, with garlands, incense and prayer. Their atmosphere was still there, their hopes, fears and their reverence. The holy sanctuary was gone long ago. Now the monkeys disappeared as it was growing hot but the parrots and doves had their nests in the holes and crevices of the high walls. This old ruined temple was too far away for the villagers to further destroy it. Had they come

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
they would have desecrated the emptiness.

Религия стала суеверием и поклонением образу, верованием и ритуалом. Она утратила красоту истины; курение фимиама заняло место реальности. Место непосредственного восприятия заняло изображение, созданное рукой или умом. Единственной заботой религии является полное преобразование человека. А весь цирк, происходящий вокруг этого, не имеет никакого смысла. Вот почему истину невозможно найти в храме, церкви или мечети, какими бы прекрасными они ни были. Красота истины и красота камня – совершенно разные вещи. Первая открывает дверь в неизмеримое, а вторая делает человека узником; первая ведёт к свободе, вторая делает рабом мысли. Романтизм и сентиментальность отрицают истинную сущность религии, не является религия и игрушкой интеллекта. Знание необходимо в сфере деятельности, чтобы она была эффективной и соответствующей цели, но знание не является средством преобразования человека; знание есть структура мысли, а мысль – это тупое повторение известного, пусть даже видоизменённое и расширенное. Нельзя прийти к свободе с помощью мысли, известного. Длинная змея лежала очень спокойно вдоль сухой борозды рисовых полей, необычайно зелёных и сверкающих в лучах утреннего солнца. Она, возможно, отдыхала или поджидала появления деликатесом. Змея была длинная, желтоватая и очень спокойная; она была почти одного цвета с сухой землёй, и её было трудно разглядеть, но свет дня отражался в её тёмных глазах. Единственное, что двигалось, – это её чёрный язык, который то высовывался, то втягивался внутрь. Она не могла заметить наблюдателя, который стоял чуть позади её головы. Смерть была повсюду в то утро. Она была слышна в деревне в громких рыданиях, когда увозили обёрнутое в ткань тело; коршун с быстротой молнии кидался на птицу; убивали какое-то животное

Religion has become superstition and image-worship, belief and ritual. It has lost the beauty of truth; incense has taken the place of reality. Instead of direct perception there is in its place the image carved by the hand or the mind. The only concern of religion is the total transformation of man. And all the circus that goes on around it is nonsense. That's why the truth is not to be found in any temple, church or mosque, however beautiful they are. Beauty of truth and the beauty of stone are two different things. One opens the door to the immeasurable and the other to, the imprisonment of man; the one to freedom and the other to the bondage of thought. Romanticism and sentimentality deny the very nature of religion, nor is it a plaything of the intellect. Knowledge in the area of action is necessary to function efficiently and objectively, but knowledge is not the means of the transformation of man; knowledge is the structure of thought and thought is the dull repetition of the known, however modified and enlarged. There is no freedom through the ways of thought, the known. The long snake lay very still along the dry ridge of the rice fields, lusciously green and bright in the morning sun. Probably it was resting or waiting for some careless frog. Frogs were being shipped then to Europe to be eaten as a delicacy. The snake was long and yellowish; and very still; it was almost the colour of the dry earth, hard to see but the light of day was in its dark eyes. The only thing that was moving, in and out, was its black tongue. It could not have been aware of the watcher who was somewhat behind its head. Death was everywhere that morning. You could hear it in the village; the great sobs as the body, wrapped in a cloth was being carried out; a kite was streaking down on a bird; some animal was being killed;

и был слышен его предсмертный крик. Так продолжалось день за днём: смерть всегда повсюду, как и печаль.

Красота истины и её утончённость не присутствуют в веровании и догме; они никогда не находятся там, где человек может их найти, потому что к этой красоте нет пути; это не какой-то фиксированный пункт, спасительная гавань. Эта красота имеет свою собственную нежность, любовь которой не может быть измерена, её невозможно удерживать, переживать. Она не имеет рыночной стоимости для того чтобы использовать и отложить. Она здесь, когда ум и сердце пусты от того, что создано мыслью. От неё далеки и монах, и бедный, и богатый; её не могут коснуться ни умный, ни талантливый. Тот, кто говорит, что он знает, никогда и не приближался к ней. Будьте далеки от мира и всё же живите ею.

В то утро попугаи хрипло кричали и летали вокруг тамариндового дерева; они рано начали свою неугомонную деятельность, прилетая и улетаая. Зелёные, с сильными, изогнутыми красными клювами, они весело проносились с быстротой молний. Они никогда не летали прямо, а всегда зигзагами, испуская пронзительные крики во время полета. Время от времени они садились на парапет веранды, тогда можно было наблюдать за ними, но не долго, так как они снова устремлялись в свой беспорядочный и шумный полёт. Казалось, что их единственный враг – человек. Он сажает их в клетку.

28 сентября 1973

Большая чёрная собака только что задушила козу; её жестоко наказали и посадили на цепь; теперь она жалобно скулила и лаяла. Дом был обнесён высоким забором, но каким-то образом коза забрела во двор; собака погналась за ней и задушила её. Владелец дома урегулировал конфликт, принесся извинения и уплатив деньги. Это был

you heard its agonizing cries. So it went on day after day: death is always everywhere, as sorrow is.

The beauty of truth and its subtleties are not in belief and dogma, they never are where man can find them for there is no path to its beauty; it is not a fixed point, a haven of shelter. It has its own tenderness whose love is not to be measured nor can you hold it, experience it. It has no market value to be used and put aside. It is there when the mind and heart are empty of the things of thought. The monk or the poor man are not near it, nor the rich; neither the intellectual nor the gifted can touch it. The one who says he knows has never come near it. Be far away from the world and yet live it.

The parrots were screeching and fluttering around the Tamarind tree that morning; they begin early their restless activity, with their coming and going. They were bright streaks of green with strong, red, curved beaks. They never seemed to fly straight but always zig-zagging, shrieking as they flew. occasionally they would come to sit on the parapet of the verandah; then you could watch them, but not for long; they would be off again with their crazy and noisy flight. Their only enemy seemed to be man. He puts them in a cage.

28 TH SEPTEMBER 1973

The big black dog had just killed a goat; it had been punished severely and tied up and it was now whining and barking. The house had a high wall around it but somehow the goat had wandered in and the dog had chased and killed it. The owner of the house made amends with words and silver. It was

большой дом, его окружали деревья, но газон никогда не был полностью зелёным, как бы обильно его ни поливали. Солнце нещадно палило, и все цветы и кусты приходилось поливать дважды в день; почва была скудная, и дневной зной иссушал зелень. Но деревья хорошо разрослись, давали приятную тень, и можно было сидеть под ними ранним утром, пока солнце ещё было за деревьями. Это было хорошее место, если вам хотелось спокойно посидеть и погрузиться в медитацию, но под этими деревьями нельзя было бы грезить наяву и предаваться приятным иллюзиям. В тени этих деревьев была слишком большая суровость, слишком большая требовательность, поскольку всё место было как бы предназначено именно для такого рода спокойного созерцания. Вы могли позволить себе приятные фантазии, но вскоре вы бы обнаружили, что место не располагает к построению мысленных образов.

Он сидел, прикрыв голову, и плакал; только что умерла его жена. Он не хотел, чтобы дети видели его слезы; они тоже плакали, не вполне понимая, что произошло. Мать многих детей сначала нехорошо себя почувствовала, а потом тяжело заболела; отец не отходил от неё, а однажды после каких-то церемоний мать вынесли. Дом как-то странно опустел, лишённый того благоухания, которое придавала ему мать; и никогда больше дом не станет таким, как прежде, потому что теперь в нём поселилась печаль. Отец знал это; дети утратили кого-то навсегда, но они пока

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
ещё не осознавали, что означает печаль.

Она всегда здесь; вы не можете просто о ней забыть или скрыть её в какой-то форме развлечения, религиозного или иного. Вы можете бежать от неё, но она будет там, чтобы встретить вас снова. Можете самозабвенно чему-нибудь поклоняться, углубиться в молитву или с головой уйти в какое-то удобное верование, но она непрошено явится вновь. Печаль вырастает, рождая горечь, цинизм

a large house with trees around it and the lawn was never completely green however much it was watered. The sun was cruelly strong and all the flowers and bushes had to be watered twice a day; the soil was poor and the heat of the day almost withered the greenery. But the trees had grown large and gave comforting shadows and you could sit there in the early morning when the sun was well behind the trees. It was a good place if you wanted to sit quietly and lose yourself in meditation, but not if you wanted to daydream or lose yourself in some satisfying illusion. It was too severe there in those shadows, too demanding, for the whole place was given over to that kind of quiet contemplation. You could indulge in your friendly fantasies but you would soon find out that the place did not invite the images of thought.

He was sitting with a cloth over his head, weeping; his wife had just died. He did not want to show his tears to his children; they too were crying, not quite understanding what had happened. The mother of many children had been unwell and lately very sick; the father sat at her bedside. He never seemed to go out, and one day, after some ceremonies, the mother was carried out. The house had strangely become empty, without the perfume that the mother had given to it, and it was never the same again for there was sorrow in the house now. The father knew it; the children had lost someone forever but as yet they did not know the meaning of sorrow.

It is always there, you cannot just forget it, you cannot cover it up through some form of entertainment, religious or otherwise. You may run away from it but it will be there to meet you again. You may lose yourself in some worship, prayer or in some comforting belief but it will appear again, unbidden. The flowering of sorrow is bitterness, cynicism

или невротическое поведение. Вы можете стать агрессивным, способным на насилие и опасным в своём поведении, но печаль всегда будет рядом с вами. Вы можете обладать властью, высоким положением, иметь много денег, но она всегда будет в вашем сердце, ожидая и готовясь. Что бы вы ни делали, вы не можете убежать от неё. Любовь, которая у вас есть, в печали приходит к концу; печаль – это время, печаль – это мысль.

Срубили дерево, и вы проливаете слезу; ради вашей склонности убили животное; земля разрушается ради вашего удовольствия; вас так воспитывают, чтобы убивать, уничтожать, человек против человека. Новая технология и машины избавляют человека от тяжёлого труда, но никакая созданная мыслью вещь не может прекратить вашей печали. Любовь – это не наслаждение.

Она пришла, доведённая до отчаяния своей печалью; она говорила, изливая своё горе, обо всём, что ей пришлось пережить, – смерть, несерьёзность её детей, их политическая деятельность, их разводы, их разочарование, крушение надежд, горечь и абсолютная пустота и бессмысленность всей жизни. Она была немолода; в молодости она просто веселилась, некоторое время интересовалась политикой, более серьёзно – экономикой, а в общем жила примерно так, как живут почти все люди. Её муж недавно умер, и все печали, казалось, обрушились на неё. Пока мы разговаривали, она стала спокойнее.

– Всякое движение мысли усиливает печаль. Мысль, с её воспоминаниями, образами удовольствия и боли, с её одиночеством и слезами, жалостью к себе и раскаянием, – это почва для печали. Слушайте то, что говорится. Просто слушайте – не отголоски прошлого, не то, как превозмочь свою печаль или как убежать от её мук, – а слушайте вашим сердцем, всем вашим существом то, что сейчас говорится. Ваши зависимость и привязанности подготовили почву для вашей печали. Ваше пренебрежение

or some neurotic behaviour. You may be aggressive, violent and nasty in your conduct but sorrow is where you are. You may have power, position and the pleasures of money but it will be there in your heart, waiting and preparing. Do what you will you cannot escape from it. The love that you have ends in sorrow; sorrow is time, sorrow is thought.

The tree is cut down and you shed a tear; an animal is killed for your taste; the earth is being destroyed for your pleasure; you are being educated to kill, to destroy, man against man. The new technology and machines are taking over the toil of man but you may not end sorrow through the things that thought has put together. Love is not pleasure.

She came desperate in her sorrow; she talked, pouring out all the things she had been through, death, the inanities of her children, their politics, their divorces, their frustrations, bitterness and the utter futility of all life that had no meaning. She was not young any more; in her youth she had just enjoyed herself, had a passing interest in politics, a degree in economics and more or less the kind of life that almost everyone leads. Her husband had died recently and all sorrow seemed to descend upon her. She became quiet as we talked.

Any movement of thought is the deepening of sorrow. Thought with its memories, with its images of pleasure and pain, with its loneliness and tears, with its self-pity and remorse, is the ground of sorrow. Listen to what is being said. Just listen not to the echoes of the past, to the overcoming of sorrow or how to escape from its torture but listen with your heart, with your whole being to what is now being said. Your dependence and attachment have prepared the soil for your sorrow. Your neglect

изучением себя и красотой, которую это изучение приносит, питает вашу печаль; вся ваша эгоцентрическая деятельность ведёт вас к этой печали. Просто слушайте то, что говорится, оставайтесь с печалью, не уходите от неё. Всякое движение мысли усиливает печаль. Мысль – это не любовь. В любви нет печали.

29 сентября 1973

Дожди почти прекратились, и на горизонте клубились, меня очертания, белые и золотистые облака; они высоко парили в голубом и зелёном небе. Все листья на кустах были чисто вымыты и ранним утром сверкали на солнце. Было прекрасное утро, земля ликовала, и казалось, что в воздухе пребывало благословение. Из этой высоко расположенной комнаты были видны синее море, вливающаяся в него река, пальмы и манговые деревья. Дух захватывало перед этим чудом земли и громадами облаков. Было рано, спокойно, и шум дня ещё не начался; транспорта на мосту почти не было, только длинная вереница гружённых сеном повозок, запряжённых волами. Пройдут годы, и здесь появятся автобусы, а вместе с ними – загрязнение воздуха и шум. Было чудесное утро, всё пело и радовалось.

Два брата ехали в машине в близлежащую деревню повидать отца, которого они не видели около пятнадцати лет или больше. Им пришлось небольшое расстояние пройти пешком по дороге, которая содержалась в весьма плохом состоянии. Они подошли к искусственному водоёму, в котором накапливалась вода; со всех сторон он имел каменные ступени, по которым можно было спускаться за чистой водой. На одном конце водоёма стоял небольшой храм с высокой квадратной башней, суживающейся кверху; вокруг неё были высечены барельефы. На веранде храма, выходящей к большому пруду, было несколько человек, погружённых в медитацию, совершенно неподвижных, как каменные изваяния на барельефах

of the study of yourself and the beauty it brings, have given nourishment to your sorrow; all your self-centred activities have led you to this sorrow. Just listen to what is being said: stay with it, don't wander off. Any movement of thought is the strengthening of sorrow. Thought is not love. Love has no sorrow.

29 TH SEPTEMBER 1973

The rains were nearly over and the horizon was flowing with billowing white and golden clouds; they were soaring up to the blue and green heavens. All the leaves of every bush were washed clean and they were sparkling in the early morning sun. It was a morning of delight, the earth was rejoicing and there seemed to be benediction in the air. High up in that room you saw the blue sea, the river running into it, the palms and the mangoes. You held your breath at the wonder of the earth and the immense shape of the clouds. It was early, quiet and the noise of the day had not yet begun; across the bridge there was hardly any traffic, only a long line of bullock carts, laden with hay. Years later buses would come with their pollution and bustle. It was a lovely morning, full of song and bliss.

The two brothers were driven in a car to a village nearby to see their father whom they had not seen for nearly fifteen years or more. They had to walk a little distance on an ill-kept road. They came to a tank, a storage of water; all its sides had stone steps leading down to the clear water. At one end of it there was a small temple with a small square tower, quite narrow at the top; there were many images of stone all round it. On the verandah of the temple, overlooking the big pond, were some people, absolutely still, like those images on the tower, lost in meditation.

башни. За водоёмом, позади немногих других домов, находился дом, в котором жил их отец. Когда братья приблизились к дому, отец вышел, и они приветствовали его, полностью распростёршись на земле и касаясь его стоп. Они были робки и ждали, чтобы он заговорил, как велел обычай. Прежде чем что-нибудь сказать, он вошёл в дом вымыть ноги, к которым прикоснулись сыновья. Он был очень ортодоксальным брамином, никто не мог прикасаться к нему кроме браминов, а два его сына были осквернены, общаясь с людьми, не принадлежавшими к их сословию, и ели пищу, приготовленную не-браминами. Поэтому он вымыл ноги и сел на землю, не слишком близко к своим осквернённым сыновьям. Они разговаривали в продолжение некоторого времени, а когда приблизился час трапезы, он велел им уйти, потому что не мог есть с ними; они больше не были браминами. Он, видимо, любил их, они ведь были его сыновьями, и он не видел их так много лет. Если бы их мать была жива, она, возможно, накормила бы их, но сама, конечно, не стала бы есть со своими сыновьями. Они, бесспорно, были очень привязаны к своим детям, но ортодоксальность и традиция исключали какой бы то ни было физической контакт с ними. Традиция очень сильна, она сильнее, чем любовь.

Традиция войны сильнее, чем любовь; традиция убивать для пищи и убивать так называемого врага препятствует человеческой нежности и привязанности; традиция многочасового труда порождает действительную жестокость; традиция брака скоро превращается в рабскую зависимость; традиции богатых и бедных удерживают их обособленность; каждая профессия имеет свою особенную традицию, свою элиту, что порождает зависть и вражду. Традиционные церемонии и ритуалы в местах поклонения по всему свету отделили человека от человека, а слова и жесты не имеют вовсе никакого значения. Тысяча

Beyond the water, just behind some other houses, was the house where the father lived. He came out as the two brothers approached and they greeted him by prostrating fully, touching his feet. They were shy and waited for him to speak, as was the custom. Before he said anything he went inside to wash his feet, as the boys had touched them. He was a very orthodox Brahmanah, no one could touch him except another Brahmanah, and his two sons had been polluted by mixing with others who were not of his class and had eaten food cooked by non-Brahmanahs. So he washed his feet and sat down on the ground, not too close to his polluted sons. They talked for some time and the hour when food is eaten approached. He sent them away for he could not eat with them; they were no longer Brahmanahs. He must have had affection for them, for after all they were his sons whom he had not seen for so many years. If their mother were alive she might have given them food but she would certainly not have eaten with her sons. They must have had a deep affection for their children but orthodoxy and tradition forbade any physical contact with them. Tradition is very strong, stronger than love.

The tradition of war is stronger than love; the tradition of killing for food and killing the so-called enemy denies human tenderness and affection; the

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
tradition of long hours of labour breeds efficient cruelty; the tradition of marriage soon becomes a bondage; the traditions of the rich and the poor keep them apart; each profession has its own tradition, its own elite which breeds envy and enmity. The traditional ceremonies and rituals in the places of worship, the world over, have separated man from man and the words and gestures have no meaning at all. A thousand

вчераших дней, как бы они ни были ценны и прекрасны, препятствуют любви.

Вы переходите по шаткому мосту на другую сторону узкого, мутного ручья, который течёт в большую широкую реку, и попадаете в маленькую деревню, построенную из глины и высушенных на солнце кирпичей. Тут множество детей, пронзительно кричащих и играющих; те, кто постарше, заняты на полях или на рыбной ловле или работают в расположенном поблизости городе. В небольшой темной комнате окном служило отверстие в стене, – мухи не летят в эту темноту. В комнате было прохладно. В этом тесном пространстве работал ткач на большом ткацком станке; он не умел читать, но был по-своему воспитан, вежлив и полностью поглощён произведениями своего труда. Он ткал восхитительную ткань из золота и серебра с прекрасными узорами. В любого цвета ткань из шерсти или шёлка, которую он изготавливал, он мог вплетать традиционные узоры, самые тонкие и прекрасные. Он был рождён для этой традиции – небольшого роста, кроткий, он с радостью показывал свой изумительный талант. Вы наблюдали, как он создавал из шелковых нитей тончайшую ткань и в вашем сердце были изумление и любовь. Это был кусок ткани изумительной красоты, рождённый традицией.

30 сентября 1973

Длинная желтоватая змея переползала дорогу под деревом баньяна. Он совершил долгую прогулку и возвращался назад, когда увидел змею. Он шёл за ней совсем близко, по обочине дороги; змея заглядывала в каждую ямку и совсем его не замечала, хотя он чуть ли не наступал на нее. Она была довольно толстая; в середине ее тела было большое утолщение. Крестьяне, возвращавшиеся домой, прекратили разговаривать и глядели; один из них сказал ему, что это кобра и что ему лучше быть осторожнее.

yesterdays, however rich and beautiful, deny love.

You cross over a rickety bridge to the other side of a narrow, muddy stream which joins the big wide river; you come to a small village of mud and sun-dried bricks. There are quantities of children, screaming and playing; the older people are in the fields or fishing, or working in the nearby town. In a small dark room an opening in the wall is the window; no flies would come into this darkness. It was cool in there. In that small space was a weaver with a large loom; he could not read but was educated in his own way, polite and wholly absorbed in his labours. He turned out exquisite cloth of gold and silver with beautiful patterns. In whatever colour of cloth or silk he could weave into traditional patterns, the finest and the best. He was born to that tradition; he was small, gentle and eager to show his marvellous talent. You watched him, as he produced from silken threads the finest of cloths, with wonder and love in your heart. There was the woven piece of great beauty, born of tradition.

30 TH SEPTEMBER 1973

It was a long yellowish snake crossing the road under a banyan tree. He had been for a long walk and was coming back when he saw the snake. He followed it, quite closely, up a mound; it peered into every hole; it was totally unaware of him, though he was almost on top of it. It was quite fat; there was a large bulge in the middle of its length. The villagers on their way home had stopped talking and watched; one of them told him that it was a cobra and that he had better be careful.

Кобра скрылась в норе, а он пошёл дальше. Намереваясь встретить кобру снова на

том же месте, он вернулся туда на следующий день. Змеи там не было, но крестьяне поставили там неглубокий горшок молока, положили несколько ноготков, большой камень, посыпанный золой, и некоторые другие цветы. Это место стало священным, и каждый день тут будут свежие цветы; все жители кругом знали, что это место стало священным. Он вернулся на это место через несколько месяцев; тут было свежее молоко, свежие цветы, и камень был заново украшен. А баньян стал немного старше.

Храм возвышался над синим Средиземным морем; он был в руинах остались только мраморные колонны. Во время войны он был разрушен, но по-прежнему был священным храмом. Однажды вечером, когда мрамор был освещен золотыми лучами солнца, ты почувствовал атмосферу святости; ты был один, не было вокруг туристов с их нескончаемой болтовнёй. Колонны сияли чистым золотом, а море далеко внизу было ярко-синим. Там находилась статуя богини, охраняемая и содержащаяся под замком, её можно было видеть лишь в определённые часы, и она теряла красоту святости. Синее море пребывало неизменным.

Это был милый коттедж в сельской местности с газоном, за которым хорошо ухаживали, подстригали и пропалывали сорняки многие годы. Всё вокруг выглядело хорошо ухоженным, процветающим, радостным. За домом был небольшой огород; это было чудесное место с тихим ручьём, почти беззвучно струившимся поблизости. Дверь открыли и припёрли её статуей Будды, которую ногой подпихнули к двери. Хозяин совершенно не сознавал, что он делал; для него это был просто удобный предмет для удерживания двери. Интересно, обращался бы он так же со статуей, которую он глубоко чтит, будучи христианином? Вы отвергаете священные вещи

The cobra disappeared into a hole and he resumed his walk. Intent on seeing the cobra again at the same spot, he returned the next day. There was no snake there but the villagers had put a shallow pot of milk, some marigolds and a large stone with some ashes on it and some other flowers. That place had become sacred and every day there would be fresh flowers; the villagers all around knew that that place had become sacred. He returned several months later to that place; there was fresh milk, fresh flowers and the stone was newly decorated. And the banyan was a little older.

The temple overlooked the blue Mediterranean; it was in ruins and only the marble columns remained. In a war it was destroyed but it was still a sacred sanctuary. One evening, with the golden sun on the marble, you felt the holy atmosphere; you were alone, with no visitors about and their endless chatter. The columns were becoming pure gold and the sea far below was intensely blue. A statue of the goddess was there, preserved and locked up; you could only see her at certain hours and she was losing the beauty of sacredness. The blue sea remained.

It was a nice cottage in the country with a lawn that had been rolled, mown and weeded for many a year. The whole place was well looked after, prosperous and joyful; behind the house was a small vegetable garden; it was a lovely place with a gentle stream running beside, making hardly a sound. The door opened and it was held back by a statue of the Buddha, kicked into place. The owner was totally unaware of what he was doing; to him it was a door-stop. You wondered if he would do the same with a statue he revered, for he was a Christian. You deny the sacred things

другого, но бережно относитесь к своим; верования другого – это суеверия, но ваше собственное – разумно и истинно. Что же свяленно?

Он сказал, что нашёл это на взморье; это был отшлифованный морем кусок дерева в форме человеческой головы, кусок твёрдого дерева, которому эту форму придали морские волны, омывая его долгие годы. Он принёс его домой и поставил над каминном; время от времени он взглядывал на этот предмет и восторгался тем, что сделал. Однажды он положил около этой деревянной головы цветы, а потом это стало случаться каждый день; ему было не по себе, если около неё не было свежих цветов, и постепенно этот кусок отшлифованного дерева приобрёл очень важное значение в его жизни. Он никому кроме себя не позволял дотрагиваться до этой вещи; другие люди могли осквернить её; сам же, прежде чем её коснуться, мыл руки. Эта деревянная голова стала для него святой, священной, и он единственный был её высочайшим служителем, её представителем; она говорила ему такие вещи,

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
которых сам он никогда не знал. Его жизнь заполнилась этим, и он был, по его словам, несказанно счастлив.

Что есть священное? Не вещи, созданные умом, руками или морем. Символ никогда не является реальностью; слово «трава» – это не трава, которая растёт на лугу; слово «бог» не является богом. Слово никогда не содержит в себе целого, каким бы искусным ни было описание. Слово «священный» не имеет никакого значения само по себе; оно приобретает священность только в своем отношении к чему-то, что иллюзорно или реально. Реальное – это не слова, идущие от ума; реальность, истина, есть нечто такое, к чему мысль не может прикоснуться. Там, где есть воспринимающий, нет истины. Мыслящий и его мысль должны прийти к концу, чтобы истина была. Тогда то, что есть, является священным – тот древний мрамор в золоте солнечных лучей, та змея и тот крестьянин. Где

of another but you keep your own; the beliefs of another are superstitions but your own are reasonable and real. what is sacred?

He had picked it up, he said, on a beach; it was a piece of sea-washed wood in the shape of a human head. It was made of hard wood, shaped by the waters of the sea, cleansed by many seasons. He had brought it home and put it on the mantelpiece; he looked at it from time to time and admired what he had done. One day, he put some flowers round it and then it happened every day; he felt uncomfortable if there were not fresh flowers every day and gradually that piece of shaped wood became very important in his life. He would allow no one to touch it except himself; they might desecrate it; he washed his hands before he touched it. It had become holy, sacred, and he alone was the high priest of it; he represented it; it told him of things he could never know by himself. His life was filled with it and he was, he said, unspeakably happy.

What is sacred? Not the things made by the mind or hand or by the sea. The symbol is never the real; the word grass is not the grass of the field; the word god is not god. The word never contains the whole, however cunning the description. The word sacred has no meaning by itself; it becomes sacred only in its relationship to something, illusory or real. What is real is not the words of the mind; reality, truth, cannot be touched by thought. Where the perceiver is, truth is not. The thinker and his thought must come to an end for truth to be. Then that which is, is sacred that ancient marble with the golden sun on it, that snake and the villager. Where there's

нет любви, там нет ничего священного. Любовь целостна, и в ней нет никакого дробления, никакой фрагментации.

2 октября 1973

Сознание есть его содержание; содержание есть сознание. Всякое действие фрагментарно, когда содержание сознания раздроблено. Такая деятельность порождает конфликт, страдание и смятение; тогда неминуема печаль.

С высоты полёта можно было видеть зелёные поля, каждое отличалось от других формой, размером и цветом. Поток стремился к морю, а далеко за ним были горы, покрытые снегами. Всюду по земле были рассыпаны большие, всё разраставшиеся города, деревни; на холмах стояли замки, церкви и дома, а за ними тянулись огромные пустыни – бурые, золотые и белые. Потом снова синее море и пространства суши, покрытые густыми лесами. Земля была обильна и прекрасна.

Он был там, надеясь встретить тигра, и встретил. Крестьяне приходили сказать хозяину дома (где он гостил), что предыдущей ночью тигр загрыз молодую корову и непременно вернётся в ближайшую ночь к своей жертве. Хотели бы они его увидеть? На дереве будет сооружена площадка, и оттуда можно будет видеть крупного хищника, а кроме того они привяжут к дереву козу, чтобы быть уверенными, что тигр придёт. Он сказал, что не хотел бы видеть козу, растерзанную ради его удовольствия. Этим вопрос был исчерпан. Но вечером, когда солнце скрылось за бугристым холмом, его хозяин выразил желание поехать покататься, надеясь, что может представиться случай увидеть тигра, растерзавшего корову. Они проехали по

лесу несколько миль; стало совсем темно, и с включёнными фарами они повернули назад. На обратном пути они потеряли всякую надежду увидеть тигра. Но тут как

no love there is nothing sacred. Love is whole and in it there's no fragmentation.

2 ND OCTOBER 1973

Consciousness is its content; the content is consciousness. All action is fragmentary when the content of consciousness is broken up. This activity breeds conflict, misery and confusion; then sorrow is inevitable.

From the air at that height you could see the green fields, each separate from the other in shape, size and colour. A stream came down to meet the sea; far beyond it were the mountains, heavy with snow. All over the earth there were large, spreading towns, villages; on the hills there were castles, churches and houses, and beyond them were the vast deserts, brown, golden and white. Then there was the blue sea again and more land with thick forests. The whole earth was rich and beautiful.

He walked there, hoping to meet a tiger, and he did. The villagers had come to tell his host that a tiger had killed a young cow the previous night and would come back that night to the kill. Would they like to see it? A platform on a tree would be built and from there one could see the big killer and also they would tie a goat to the tree to make sure that the tiger would come. He said he wouldn't like to see a goat killed for his pleasure. So the matter was dropped. But late that afternoon, as the sun was behind a rolling hill, his host wished to go for a drive, hoping that they might by chance see the tiger that had killed the cow. They drove for some miles into the forest; it became quite dark and with the headlights on they turned back. They had given up every hope of seeing the tiger as they drove back. But just as

раз, делая крутой поворот, они оказались перед тигром, сидящим на задних лапах посреди дороги, огромным, полосатым, с глазами, сверкавшими в свете фар. Машина остановилась, и тигр, зарывав, пошел им навстречу. Его рычание сотрясало машину; он был удивительно огромен, и его длинный хвост с чёрным кончиком медленно двигался из стороны в сторону. Зверь был раздражён. Окно машины было открыто, и когда тигр, рыча, проходил мимо, он протянул руку, чтобы погладить этот громадный сгусток энергии леса, но хозяин быстро рванул назад его руку, объяснив позднее, что хищник мог оторвать её. Это было великолепное животное, полное величия и мощи.

Там, внизу, на земле существовали тираны, лишаящие человека свободы; идеологи, формирующие ум человека; священники с их вековыми традициями и верой, превращающие человека в раба; политики с их бесконечными обещаниями, приносящие растление и рознь. Там, внизу, человек захвачен в сети бесконечного конфликта, печали и ярких огней удовольствия. Это всё так ужасающе бессмысленно – страдание, труд и сентенции философов. Смерть, несчастья и тяжкий труд, человек против человека.

Это сложное многообразие, все эти различные изменения в формах удовольствия и страдания представляют собой содержание человеческого сознания, которое сформировано и обусловлено взрастившей его культурой с её религиозным и экономическим давлением. В пределах такого сознания свобода невозможна; то, что принято считать свободой, в действительности является тюрьмой, ставшей до некоторой степени приемлемой для жизни благодаря техническому прогрессу. В этой тюрьме происходят войны, которые наука и прибыль делают всё более разрушительными. Свобода – не в смене тюрем, и не в какой-либо смене гуру, с их абсурдным авторитетом.

they turned a corner, there it was, sitting on its haunches in the middle of the road, huge, striped, its eyes bright in the headlamps. The car stopped and it came towards them growling and the growls shook the car; it was surprisingly large and its long tail with its black tip was moving slowly from side to side.

It was annoyed. The window was open and as it passed growling, he put out his hand to stroke this great energy of the forest, but his host hurriedly snatched his arm back, explaining later that it would have torn his arm away. It was a magnificent animal, full of majesty and power.

Down there on that earth, there were tyrants denying freedom to man, ideologists shaping the mind of man, priests with their centuries of tradition and belief enslaving man; the politicians with their endless promises were bringing corruption and division. Down there man is caught in endless conflict and sorrow and in the bright lights of pleasure. It is all so utterly meaningless the pain, the labour and the words of philosophers. Death and unhappiness and toil, man against man.

This complex variety, modified changes in the pattern of pleasure and pain, are the content of man's consciousness, shaped and conditioned by the culture in which it has been nurtured, with its religious and economic pressures. Freedom is not within the boundaries of such a consciousness; what is accepted as freedom is in reality a prison made somewhat livable in through the growth of technology. In this prison there are wars, made more destructive by science and profit. Freedom doesn't lie in the change of prisons, nor in any change of gurus, with their absurd authority.

Авторитет не приносит разумного порядка. Напротив, он порождает беспорядок, и это та почва, на которой вырастает авторитет. Свобода не существует во фрагментах. Нефрагментированный, целостный ум пребывает в свободе. Он не знает, что он свободен; то, что известно, – в сфере времени, – прошлого, через настоящее переходящего в будущее. Всякое движение есть время, а время не является фактором свободы. Свобода выбора отрицает свободу, выбор существует лишь там, где смятение, неразбериха. Ясность восприятия, проникновения в суть – это свобода от страдания выбора. Абсолютный порядок – это свет свободы. Этот порядок – не дитя мысли, ибо вся деятельность мысли – это культивирование фрагментации. Любовь – не фрагмент мысли, наслаждения. Осознание этого – разумность. Любовь и разумность неразделимы, и из этого проистекает действие, которое не вызывает страдания. Порядок – основа такого действия.

3 октября 1973

Ранним утром в аэропорту было ещё довольно холодно; солнце едва начинало всходить. Все были тепло закутаны, а бедные носильщики дрожали от холода; в аэропорту стоял обычный шум, рёв взлетающих реактивных самолётов, громкая болтовня, слова прощания и взлёт. Самолёт был переполнен туристами, бизнесменами и другими пассажирами, направлявшимися в священный город, грязный и кишевший людьми. Вскоре обширная гряда Гималаев стала розоветь в лучах утреннего солнца; мы летели на юго-восток, и на протяжении сотен миль эти огромные горные пики, прекрасные и величественные, казалось, висели в воздухе. Пассажир, сидевший рядом, был погружён в чтение газеты; женщина по другую сторону прохода погрузилась в молитву, перебирая чётки; туристы громко разговаривали и фотографировали друг друга и далёкие горы; каждый был занят своими делами и

Authority does not bring the sanity of order. On the contrary it breeds disorder and out of this soil grows authority. Freedom is not in fragments. A non-fragmented mind, a mind that is whole is in freedom. It does not know it is free; what is known is within the area of time, the past through the present to the future. All movement is time and time is not a factor of freedom. Freedom of choice denies freedom; choice exists only where there is confusion. Clarity of perception, insight, is the freedom from the pain of choice. Total order is the light of freedom. This order is not the child of thought for all activity of thought is to cultivate fragmentation. Love is not a fragment of thought, of pleasure. The perception of this is intelligence. Love and intelligence are inseparable and from this flows action which does not breed pain. Order is its ground.

3 RD OCTOBER 1973

It was quite cold at the airport so early in the morning; the sun was just coming up. Everyone was wrapped up and the poor porters were shivering; there was the usual noise of an airport, the roars of the jets, the loud chatter, the farewells and the take-off. The plane was crowded with tourists, business men and others going to the holy city, with its filth and teeming people. Presently the vast range of the Himalayas became pink in the morning sun; we were flying south-east and for hundreds of miles these immense peaks seemed to be hanging in the air with beauty and majesty. The passenger in the next seat was immersed in a newspaper; there was a woman across the aisle who was concentrating on her rosary; the tourists were talking loudly and taking photographs of each other and of the distant mountains; everyone was busy with their things and

не замечал ни это чудо земли с извивающейся священной рекой, ни таинственную красоту огромных вершин, которые становились розовыми.

В конце прохода между рядами сидел мужчина, которому оказывалось особое уважение; он был не молод, с лицом учёного, с быстрыми движениями и чисто одет. Интересно, сознавал ли он когда-нибудь подлинное величие этих гор? Вскоре он встал и подошёл к пассажиру, занимавшему место рядом (с Кришнамурти), и спросил, не согласится ли тот поменяться с ним местами. Он сел, представился и спросил, не мог ли бы он со мной побеседовать. По-английски он говорил запинаясь, тщательно выбирая слова, как человек, не достаточно хорошо владеющий этим языком; у него был чистый мягкий голос и приятные манеры. Сначала он сказал, что для него большая удача лететь со мной в одном самолёте и что он рад нашей беседе. "Конечно, я знал о вас с юности, а на днях слушал вашу последнюю беседу. медитация и наблюдающий. Я учёный, пандит, практикующий свою собственную систему медитации и дисциплины". Горы отступали дальше к востоку, и под нами широко и приветливо извивалась река.

"Вы сказали, что наблюдающий есть наблюдаемое, медитирующий есть медитация, и что медитация имеет место только тогда, когда нет наблюдающего. Мне хотелось бы в этом разобраться. Для меня медитация до сих пор была контролем мысли, фиксацией ума на абсолюте".

– Тот, кто контролирует, есть контролируемое, не так ли? Мыслящий – это его мысли; без слов, образов, мыслей разве существует мыслящий? Переживающий есть то, что он переживает; без переживания нет переживающего. Контролирующий мысль создан мыслью; он является одним из фрагментов мысли, назовите его как вам угодно; внешний фактор, каким бы возвышенным он ни был, –

had no time to observe the marvel of the earth and its meandering sacred river nor the subtle beauty of those great peaks which were becoming rose-coloured.

There was a man further down the aisle to whom considerable respect was being paid; he was not young, seemed to have the face of a scholar, was quick in movement and cleanly dressed. One wondered if he ever saw the actual glory of those mountains. Presently he got up and came towards the passenger in the next seat; he asked if he might change places with him. He sat down, introducing himself, and asked if he might have a talk with us. He spoke English rather hesitantly, choosing his words carefully for he was not too familiar with this language; he had a clear, soft voice and was pleasant in his manners. He began by saying he was most fortunate to be travelling on the same plane and to have this conversation. "Of course I have heard of you from my youth and only the other day I heard your last talk, meditation and the observer. I am a scholar, a pundit, practising my own kind of meditation and discipline." The mountains were receding further east and below us the river was making wide and friendly patterns.

"You said the observer is the observed, the meditator is the meditation and there's meditation only when the observer is not. I would like to be informed about this. For me meditation has been the control of thought, fixing the mind on the absolute."

The controller is the controlled, is it not? The thinker is his thoughts; without words, images, thoughts, is there a thinker? The experiencer is the

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
experience; without experience there's no experienter. The controller of thought is made up of thought; he's one of the fragments of thought, call it what you will; the outside agency however sublime is

это по-прежнему продукт мысли; деятельность мысли всегда внешняя и ведёт к фрагментации.

"Можно ли прожить жизнь без контроля? В нем суть дисциплины".

– Когда то, что контролирующийся является контролируемым, осознается как безусловный факт, как истина, приходит совершенно иной вид энергии, который преобразует то, что есть. Контролирующийся никогда не может изменить то, что есть; он может это контролировать, подавлять, видоизменять или убежать от этого прочь, но он никогда не может выйти за пределы и возвыситься над тем, что есть. Жизнь может и должна быть прожита без контроля. Контролируемая жизнь никогда не бывает разумной; она порождает нескончаемый конфликт, страдание и смятение.

"Это совершенно новая концепция".

– Если мне можно указать, это – не абстракция, не формулировка. Это только то, что есть. Печаль – не абстракция; из нее можно вывести умозаключение, создать концепцию, словесное построение, но это не будет тем, что есть, т. е. печалью. Идеологии не имеют реальности; существует только то, что есть. Оно никогда не может быть преобразовано, если наблюдающий отделяет себя от наблюдаемого.

"Является ли это вашим непосредственным опытом?"

– Было бы совершенно бесполезно и глупо сводить это просто к словесным структурам мысли; говорить о подобных вещах было бы лицемерием.

"Мне хотелось получить от вас разъяснение, что такое медитация, но теперь у нас нет времени, так как мы начинаем приземляться".

По прибытии нас встречали гирляндами, и зимнее небо было ярко-голубым.

still a product of thought; the activity of thought is always outward and brings about fragmentation.

"Can life ever be lived without control? It's the essence of discipline."

When the controller is the controlled, seen as an absolute fact as truth, then there comes about a totally different kind of energy which transforms what is. The controller can never change what is; he can control it, suppress it, modify it or run away from it but can never go beyond and above it. Life can and must be lived without control. A controlled life is never sane; it breeds endless conflict, misery and confusion.

"This is a totally new concept."

If it may be pointed out, it is not an abstraction, a formula. There's only what is. Sorrow is not an abstraction; one can draw a conclusion from it, a concept, a verbal structure but it is not what is, sorrow. Ideologies have no reality; there is only what is. This can never be transformed when the observer separates himself from the observed.

"Is this your direct experience?"

It would be utterly vain and stupid if it were merely verbal structures of thought; to talk of such things would be hypocrisy.

"I would have liked to find out from you what is meditation but now there's no time as we are about to land."

There were garlands on arrival and the winter sky was intensely blue.

4 октября 1973

Мальчиком он, бывало, сидел один под большим деревом вблизи пруда, в котором росли лотосы; они были розовые, от них шёл сильный аромат. Сидя в тени этого огромного дерева, он наблюдал за тонкими зелёными змейками и хамелеонами, лягушками и водяными змеями. Его брат с другими детьми обычно приходил, чтобы позвать его домой. [7 – Кришнамурти описывает свое детство.] Это было приятное место – под деревом, с рекой и прудом. Казалось, было так много пространства, но это дерево создавало в нём своё собственное пространство. Всё нуждается в пространстве. Все эти птицы на телеграфных проводах, сидящие в тихий вечер с такими равными промежутками, создают пространство для неба.

Два брата вместе с другими сидели в комнате с картинами; вначале звучало пение на санскрите, а затем наступало полное молчание; это была вечерняя медитация. Младший брат обычно засыпал, переворачиваясь, и просыпался лишь тогда, когда другие поднимались, чтобы уйти. Комната было не слишком большая, и на её стенах были картины, изображающие то, что священо. В узких границах храма или церкви человек задаёт форму безбрежному движению пространства. Так происходит всюду; в мечети оно удерживается в изящном начертании слов. Любовь нуждается в громадном пространстве.

К этому пруду приползали змеи, и изредка приходили люди; каменные ступени вели вниз к воде, где росли лотосы. Пространство, которое создаёт мысль, измеримо и поэтому ограничено; культуры и религии – продукт мысли. Но ум наполнен мыслью и составлен из мысли; его сознание есть структура мысли, имеющая в себе мало пространства. А это пространство есть движение времени, отсюда – туда, от его центра – в направлении к

4 TH OCTOBER 1973

As a young boy, he used to sit by himself under a large tree near a pond in which lotuses grew; they were pink and had a strong smell. From the shade of that spacious tree, he would watch the thin green snakes and the chameleons, the frogs and the watersnakes. His brother, with others, would come to take him home. [8 – Krishnamurti is describing his own childhood.] It was a pleasant place under the tree, with the river and the pond. There seemed to be so much space, and in this the tree made its own space. Everything needs space. All those birds on telegraph wires, sitting so equally spaced on a quiet evening, make the space for the heavens.

The two brothers would sit with many others in the room with pictures; there would be a chant in Sanskrit and then complete silence; it was the evening meditation. The younger brother would go to sleep and roll over and wake up only when the others got up to leave. The room was not too large and within its walls were the pictures, the images of the sacred. Within the narrow confines of a temple or church, man gives form to the vast movement of space. It is like this everywhere; in the mosque it is held in the graceful lines of words. Love needs great space.

To that pond would come snakes and occasionally people; it had stone steps leading down to the water where grew the lotus. The space that thought creates is measurable and so is limited; cultures and religions are its product. But the mind is filled with thought and is made up of thought; its consciousness is the structure of thought, having little space within it. But this space is the movement of time, from here to there, from its centre towards

внешним границам сознания, узкого или расширяющегося. Пространство, создаваемое центром для самого себя, – это его собственная тюрьма. Его отношения исходят из этого узкого пространства, но для того, чтобы жить, требуется пространство; пространство ума отрицает жизнь. Жизнь в узких границах центра – это борьба, страдание и печаль, но не жизнь. Пространство, расстояние между вами и деревом – это слово, знание, которое есть время. Время – это наблюдающий, который создаёт расстояние между собой и деревьями, между собой и тем, что есть. Без наблюдающего расстояние исчезает. отождествление с деревьями, с другим человеком или с формулировкой есть действие мысли в её стремлении к защищённости, к

безопасности. Существует расстояние от одной точки до другой, и чтобы преодолеть это расстояние, необходимо время; расстояние существует только там, где имеется направление, обращённое внутрь или вовне. Наблюдающий создаёт разделение, расстояние между собой и тем, что есть; от этого возрастают конфликт и печаль. Преобразование того, что есть, имеет место лишь тогда, когда нет разделения, нет времени между видящим и видимым. У любви нет расстояния.

Брат умер, и не было движения от скорби ни в каком направлении. Это не-движение есть прекращение времени. Река начиналась среди холмов и тенистой зелени и с ревом вливалась в море и в беспредельность горизонта. Человек живёт в каких-то коробках с множеством отделений, они занимают много места, но в них нет пространства; они насильственны, жестоки, агрессивны и злобны; они обособлены и разрушают друг друга. Река – это земля, и земля – это река; и они не могут существовать друг без друга.

Нет конца словам, но общение бывает словесное и не-словесное. Слушание слов – это одно, а слушание без слов – совсем другое; первое – несущественно, поверхностно,

its outer lines of consciousness, narrow or expanding. The space which the centre makes for itself is its own prison. Its relationships are from this narrow space but there must be space to live; that of the mind denies living. Living within the narrow confines of the centre is strife, pain and sorrow and that is not living. The space, the distance between you and the tree, is the word, knowledge which is time. Time is the observer who makes the distance between himself and the trees, between himself and what is. Without the observer, distance ceases. Identification with the trees, with another or with a formula, is the action of thought in its desire for protection, security. Distance is from one point to another and to reach that point time is necessary; distance only exists where there is direction, inward or outward. The observer makes a separation, a distance between himself and what is; from this grows conflict and sorrow. The transformation of what is takes place only when there is no separation, no time, between the seer and the seen. Love has no distance.

The brother died and there was no movement in any direction away from sorrow. This non-movement is the ending of time. It was among the hills and green shadows that the river began and with a roar it entered the sea and the endless horizons. Man lives in boxes with drawers, acres of them and they have no space; they are violent, brutal, aggressive and mischievous; they separate and destroy each other. The river is the earth and the earth is the river; each cannot exist without the other.

There are no ends to words but communication is verbal and non-verbal. The hearing of the word is one thing and the hearing of no word is another; the one is irrelevant, superficial,

ведёт к бездействию; а второе – нефрагментированное действие, цветение добра. Слова могут дать прекрасные стены, но не пространство. Воспоминание, воображение – это страдание наслаждения, а любовь – не наслаждение.

Длинная тонкая зелёная змея была там в это утро; она была изящная и почти сливалась с зелёными листьями; она обычно лежала неподвижно, затаившись, ожидая и следя. Показалась большая голова хамелеона; он вытянулся на ветке и часто менял свою окраску.

6 октября 1973

Единственное дерево стоит на зелёном лугу, занимающем целый акр; оно старое и весьма уважаемо всеми другими деревьями на холме. В своём уединении оно возвышается над шумным потоком, холмами и над коттеджем за деревянным мостом. Ты любишь его, когда проходишь мимо, а на обратном пути разглядываешь его более обстоятельно, неторопливо; ствол его очень большой, глубоко вросший в землю, крепко, не поддаётся разрушению; длинные ветви, тёмные и изгибающиеся, дают хорошую тень. Вечером дерево погружено в себя, недоступно, но в дневные часы оно

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
открытое и приветливое. Всё оно целое, не тронутое топором или пилой. В
солнечный день ты сидел под ним, ты ощущал его почтенный возраст, и поскольку ты
был наедине с ним, ты осознавал глубину и красоту жизни.

Старый крестьянин устало прошёл мимо тебя, когда ты сидел на мосту, глядя на
закат солнца; он был почти слеп и шёл прихрамывая, с узлом в одной руке и с
палкой в другой. Это был один из тех вечеров, когда краски заката горели на
каждом камне, на деревьях и ветвях; трава и поля, казалось, светились своим
собственным внутренним светом. Солнце село за круглым холмом, и среди этой
феерии красок зажглась вечерняя звезда. Крестьянин

leading to inaction; the other is non-fragmentary action, the flowering of
goodness. words have given beautiful walls but no space. Remembrance,
imagination, are the pain of pleasure, and love is not pleasure.

The long, thin, green snake was there that morning; it was delicate and almost
among the green leaves; it would be there, motionless, waiting and watching. The
large head of the chameleon was showing; it lay along a branch; it changed its
colours quite often.

6 TH OCTOBER 1973

There is a single tree in a green field that occupies a whole acre; it is old
and highly respected by all the other trees on the hill. In its solitude it
dominates the noisy stream, the hills and the cottage across the wooden bridge.
You admire it as you pass it by but on your return you look at it in a more
leisurely way; its trunk is very large, deeply embedded in the earth, solid and
indestructible; Its branches are long, dark and curving; it has rich shadows. In
the evening it is withdrawn into itself, unapproachable, but during the daylight
hours it is open and welcoming. It is whole, untouched by an axe or saw. On a
sunny day you sat under it, you felt its venerable age, and because you were
alone-with it you were aware of the depth and the beauty of life.

The old villager wearily passed you by, as you were sitting on a bridge looking
at the sunset; he was almost blind, limping, carrying a bundle in one hand and
in the other a stick. It was one of those evenings when the colours of the
sunset were on every rock, tree and bush; the grass and the fields seemed to
have their own inner light. The sun had set behind a rounded hill and amidst
these extravagant colours there was the birth of the evening star The villager

остановился перед тобой, поглядел на эти поразительные краски и на тебя. Вы
посмотрели друг на друга, и не сказав ни слова, он с трудом двинулся дальше. В
этом общении было тёплое чувство приязни, нежность и уважение, не какое-то
глупое уважение, а то, которое испытывают друг к другу религиозные люди. В тот
момент все время, и мысль остановились. Вы и он были истинно религиозны, но
испорчены верованием, образом, словом бедность. Вы часто встречались на той
дороге среди каменных холмов и всякий раз, когда вы глядели друг на друга,
ощущалась радость полного прозрения.

Он шёл с женой из храма через дорогу. Оба были молчаливы, глубоко взволнованы
песнопениями и богослужением. Вам случилось идти позади них, и вы уловили их
чувство благоговения, силу их решимости вести религиозную жизнь. Но эта
решимость скоро исчезнет, когда они снова ощутят ответственность перед своими
детьми, которые помчатся к ним навстречу. Он имел какую-то профессию, был,
видимо, способным человеком, так как у него был большой дом. Тяжесть
существования снова захватит его, и хотя он часто будет ходить в храм, борьба
будет продолжаться.

Слово – не вещь; образ, символ – не реальность. Реальность, истина, – не слово.
Попытка выразить её в словах полностью её стирает, и её место занимает иллюзия.
Интеллект может отвергать всю структуру идеологии, верования, и все внешние
атрибуты и власть, идущие с ними, но рассудок способен оправдать любое
верование, любую идеологию. Рассудок – это порядок мысли, а мысль – это ответ
внешнего. Являясь внешним, мысль создаёт внутреннее. Никто никогда не может жить
только внешним, и внутреннее становится необходимым. Это разделение – та основа,

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
на которой происходит борьба «я» и «не-я». Внешнее – это бог религий и идеологий;

stopped in front of you, looked at those startling colours and at you. You looked at each other and without a word he trudged on. In that communication there was affection, tenderness and respect, not the silly respect but that of religious men. At that moment all time and thought had come to an end. You and he were utterly religious, uncorrupted by belief, image, by word or poverty. You often passed each other on that road among the stony hills and each time, as you looked at one another, there was the joy of total insight.

He was coming, with his wife, from the temple across the way. They were both silent, deeply stirred by the chants and the worship. You happened to be walking behind them and you caught the feeling of their reverence, the strength of their determination to lead a religious life. But it would soon pass away as they were drawn into their responsibility to their children, who came rushing towards them. He had some kind of profession, was probably capable, for he had a large house. The weight of existence would drown him and although he would go to the temple often, the battle would go on.

The word is not the thing; the image, the symbol is not the real Reality, truth, is not a word. To put it into words wipes it away and illusion takes its place. The intellect may reject the whole structure of ideology, belief and all the trappings and power that go with them, but reason can justify any belief, any ideation. Reason is the order of thought and thought is the response of the outer. Because it is the outer, thought puts together the inner. No man can ever live only with the outer, and the inner becomes a necessity. This division is the ground on which the battle of «me» and "not me" takes place. The outer is the god of religions and ideologies;

внутреннее пытается соответствовать этим образам, и это порождает конфликт.

Не существует ни внешнего, ни внутреннего, есть только целое. Переживающий есть переживаемое. Фрагментация – это безумие. Целостность – не просто слово; она существует, когда разделение на внешнее и внутреннее абсолютно исчезает. Мыслящий есть мысль.

Когда вы идёте один, без единой мысли, просто наблюдая без наблюдающего, вы вдруг осознаёте священное, то, что мысль никогда не сможет постичь. Вы останавливаетесь, смотрите на деревья, на птиц и на прохожего; это не иллюзия, не то, чем ум сам себя обманывает. Это – в ваших глазах, во всём вашем существе. Цвет бабочки – это бабочка.

Краски заката блекли, и прежде чем небо совсем потемнело, показался робкий молодой месяц и скрылся за холмом.

7 октября 1973

Это был один из тех горных дождей, которые длятся три или четыре дня, принося с собой похолодание. Земля пропиталась водой, стала вязкой, и все горные тропинки были скользкими; маленькие ручейки сбегали по крутым склонам, и работа на террасных полях приостановилась. Деревья и чайные плантации поникли от сырости; уже более недели не показывалось солнце, и стало совсем прохладно. Горы с гигантскими остроконечными вершинами, покрытые снегами, были расположены к северу. флаги возле храмов стали тяжёлыми от дождя; колыхающиеся от слабого ветра, они утратили свою прелесть, свои весёлые краски. Гремел гром, сверкали молнии, и грохот перекачивался из долины в долину; густой туман скрывал яркие вспышки света.

На следующее утро небо было прозрачно-голубое, ласковое, и величественные горные пики, безмолвные и

the inner tries to conform to those images and conflict ensues.

There is neither the outer nor the inner but only the whole. The experiencer is the experienced. Fragmentation is insanity. This wholeness is not merely a word; it is when the division as the outer and inner utterly ceases. The thinker is the thought.

Suddenly, as you were walking along, without a single thought but only observing without the observer, you became aware of a sacredness that thought has never been able to conceive. You stop, you observe the trees, the birds and the passer-by; it is not an illusion or something with which the mind deludes itself. It is there in your eyes, in your whole being. The colour of the butterfly is the butterfly.

The colours which the sun had left were fading, and before dark the shy new moon showed itself before it disappeared behind the hill.

7 TH OCTOBER 1973

It was one of those mountain rains that lasts three or four days, bringing with it cooler weather. The earth was sodden and heavy and all the mountain paths were slippery; small streams were running down the steep slopes and labour in the terraced fields had stopped. The trees and the tea plantations were weary of the dampness; there had been no sun for over a week and it was getting quite chilly. The mountains lay to the north, with their snow and gigantic peaks. The flags around the temples were heavy with rain; they had lost their delight, their gay colours fluttering in the breeze. There was thunder and lightning and the sound was carried from valley to valley; a thick fog hid the sharp flashes of light.

The next morning there was the clear blue, tender sky, and the great peaks, still and

неподвластные времени, сияли в первых лучах утреннего солнца. Между деревней и высокими горами лежала глубокая долина; она была полна тёмного синего тумана. Прямо впереди возвышался в ясном небе второй по высоте пик Гималаев. Казалось, что до пика можно почти дотронуться, но до него было много миль; расстояние забывалось, потому что он был здесь, во всём своём величии, во всей чистоте и неизмеримости. К концу утра пик исчез, скрытый темнеющими облаками, поднимающимися из долины. Только ранним утром он показывался и исчезал через несколько часов. Неудивительно, что древние видели своих богов в этих горах, в громе и облаках. Божественность их жизни была в благословении, скрытом в этих недоступных снегах.

Его ученики пришли, чтобы пригласить вас посетить их гуру; вы вежливо отказывались, но они приходили снова и снова, надеясь, что вы измените своё решение или примете приглашение, устав от их настойчивости. Было решено, что их гуру придёт с несколькими, по своему выбору, учениками.

Это была шумная маленькая улица; дети играли на ней в крикет; у них была одна бита и несколько разрозненных кубиков. С криками и смехом они весело играли, останавливаясь лишь чтобы пропустить машину, когда водители притормаживали, чтобы не помешать их игре. Они так играли день за днём, а в то утро особенно много кричали, когда пришёл гуру, держа в руках небольшую отшлифованную трость.

Некоторые из нас сидели на тонком тюфяке на полу, и когда он вошёл в комнату, мы встали, предложив ему тюфяк. Он сел, скрестив ноги, и положил свою трость перед собой. Этот тонкий тюфяк, казалось, придавал ему авторитета. Он обрёл истину, пережил её и потому он, который узнал, открывал дверь для нас. То, что он говорил, было законом для него и для других; вы были просто

timeless, were alight with the early morning sun. A deep valley ran down between the village and the high mountains; it was filled with dark blue fog. Straight ahead, towering in the clear sky was the second highest peak of the Himalayas. You could almost touch it but it was many miles away; you forgot the distance for it was there, in all its majesty so utterly pure and measureless. By late

morning it was gone, hidden in the darkening clouds from the valley. Only in the early morning it showed itself and disappeared a few hours later. No wonder the ancients looked to their gods in these mountains, in thunder and in the clouds. The divinity of their life was in the benediction that lay hidden in these unapproachable snows.

His disciples came to invite you to visit their guru; you politely refused but they came often, hoping that you would change your mind or accept their invitation, becoming weary of their insistence. So it was decided that their guru would come with a few of his chosen disciples.

It was a noisy little street; the children played cricket there; they had a bat and the stumps were a few odd bricks. With shouts and laughter they played cheerfully as long as they could, only stopping for a passing car as the driver respected their play. They would play day after day and that morning they were particularly noisy when the guru came, carrying a small, polished stick.

Several of us were sitting on a thin mattress on the floor when he entered the room and we got up and offered him the mattress. He sat cross-legged, putting his cane in front of him; that thin mattress seemed to give him a position of authority. He had found truth, experienced it and so he, who knew, was opening the door for us. What he said was law to him and to others; you were merely

ищущим, тогда как он уже нашёл. Вы могли заблудиться в своём поиске, и он мог бы помочь вам продвигаться по пути, но вы должны ему повиноваться. Вы спокойно ответили, что всякое искание и нахождение не имеют значения, если ум не свободен от своей обусловленности; эта свобода есть первый и последний шаг, а подчинение любому авторитету в вопросах, касающихся ума, означает, что вы пойманы в иллюзии, означает действие, порождающее печаль. Он глядел на вас с жалостью, озабоченностью и с тенью раздражения, как если бы вы были немного не в своем уме. Потом он сказал: "Самый великий и решающий опыт был дан мне, и ни один ищущий не может отвергать это".

– Если реальность или истина переживается как опыт, то это всего лишь проекция вашего ума. То, что переживается, – не истина, но создание вашего собственного ума.

Его ученики беспокойно заерзали. Последователи губят своих учителей и самих себя. Он поднялся и вышел, сопровождаемый учениками. Дети все ещё играли на улице, кто-то был выбит из игры, вызвав дикие аплодисменты и возгласы одобрения.

Не существует пути к истине, исторического или религиозного. Истина не может быть пережита или найдена с помощью диалектики; она не может быть обретена в меняющихся взглядах и верованиях. Вы натолкнётесь на неё, когда ум будет свободен от всего того, что он собрал. Этот величественный горный пик – тоже чудо жизни.

8 октября 1973

Обезьяны были всюду в это тихое утро: на веранде, на крыше и на манговом дереве – целая стая обезьян; это была разновидность бурых краснолицых обезьян. Малыши гонялись друг за другом среди деревьев, не слишком далеко от матерей, а большой самец сидел один,

a seeker, whereas he had found. You might be lost in your search and he would help you along the way, but you must obey. Quietly you replied that all the seeking and the finding had no meaning unless the mind was free from its conditioning; that freedom is the first and last step, and obedience to any authority in matters of the mind is to be caught in illusion and action that breeds sorrow. He looked at you with pity, concern, and with a flair of annoyance, as though you were slightly demented. Then said, "The greatest and final experience has been given to me and no seeker can refuse that."

If reality or truth is to be experienced, then it is only a projection of your own mind. What is experienced is not truth but a creation of your own mind.

His disciples were getting fidgety. Followers destroy their teachers and themselves. He got up and left, followed by his disciples. The children were still playing in the street, somebody was bowled out, followed by wild clapping and cheers.

There is no path to truth, historically or religiously. It is not to be experienced or found through dialectics; it is not to be seen in shifting opinions and beliefs. You will come upon it when the mind is free of all the things it has put together. That majestic peak is also the miracle of life.

8 TH OCTOBER 1973

The monkeys were all over the place that quiet morning; on the verandah, on the roof and in the mango tree – a whole troop of them; they were the brownish red-faced variety. The little ones were chasing each other among the trees, not too far from their mothers, and the big male was sitting by himself,

не спуская глаз со всей стаи; их было, наверное, около двадцати. Обезьяны действовали достаточно разрушительно, но поскольку солнце поднялось выше, они постепенно скрылись в более густом лесу, подальше от человеческого жилья; вожак удалился первым, и за ним тихо последовали остальные. Теперь возвратились попугаи и вороны с обычной трескотнёй, возвещавшей об их прибытии. Была одна ворона, которая обычно начинала каркать хриплым пронзительным голосом всегда в одно и то же время, и это карканье продолжалось без остановки, пока ворону не прогоняли. Она устраивала этот концерт изо дня в день; её карканье проникало вглубь комнаты и казалось, что все другие шумы прекращались. Эти вороны не допускают ожесточённых ссор в своей среде, они быстры, осторожны и хорошо выживают. Обезьяны, кажется, их не любят. День предстоял славный.

Это был худой, жилистый человек, с красивой головой, и по глазам его было видно, что он любил смеяться. Мы сидели на скамье, обращённой к реке, в тени тамариндового дерева, населённого многочисленными попугаями и парой маленьких сов сипух, которые грелись в лучах утреннего солнца.

Он сказал: "Я провёл много лет в медитации, контролируя свои мысли, постясь и ограничиваясь одной трапезой в день. Я работал в сфере социальной помощи, но уже давно отказался от неё, когда увидел, что такого рода деятельность не решает серьёзных человеческих проблем. Многие ещё продолжают работать в этой области, но эта деятельность уже не для меня. Мне важно понять всё значение и всю глубину медитации. Каждая школа медитации придерживается какой-то формы контроля; я практиковал различные системы, но этому, кажется, нет конца".

– Контроль означает разделение на контролирующего и предмет контроля; это разделение, как и всякое разделение, вносит конфликт и искажение в действие и

keeping an eye over the whole troop; there must have been about twenty of them. They were rather destructive, and as the sun rose higher they slowly disappeared into the deeper wood, away from human habitation; the male was the first to leave and the others followed quietly. Then the parrots and crows came back with their usual clatter announcing their presence. There was a crow that would call or whatever it does, in a raucous voice, usually about the same time, and keep it up endlessly till it was chased away. Day after day it would repeat this performance; its caw penetrated deeply into the room and somehow all other noises seemed to have come to an end. These crows prevent violent quarrels amongst themselves, are quick, very watchful and efficient in their survival. The monkeys don't seem to like them. It was going to be a nice day.

He was a thin, wiry man, with a well-shaped head and eyes that had known laughter. We were sitting on a bench overlooking the river in the shade of a tamarind tree, the home of many parrots and a pair of small screech-owls which were sunning themselves in the early morning sun.

He said: "I have spent many years in meditation, controlling my thoughts, fasting and having one meal a day. I used to be a social worker but I gave it up

long ago as I found that such work did not solve the deep human problem. There are many others who are carrying on with such work but it is no longer for me. It has become important for me to understand the full meaning and depth of meditation. Every school of meditation advocates some form of control; I have practised different systems but somehow there seems to be no end to it."

Control implies division, the controller and the thing to be controlled; this division, as all division, brings about conflict and distortion in action and

поведение. Эта фрагментация есть работа мысли, один фрагмент пытается контролировать другие части, назовите этот фрагмент контролирующим или как вам угодно. Это разделение является искусственным и вредным. В действительности контролирующий есть контролируемое. Мысль по своей сути фрагментарна, и это является причиной смятения и печали. Мысль разделила мир на национальности, идеологии и религиозные секты, большие и малые. Мысль – это ответ памяти, опыта и знания, накопленных в мозге; она может функционировать эффективно, здраво лишь тогда, когда существуют безопасность, порядок. Чтобы выжить физически, мысль должна защищать себя от всякой опасности; необходимость внешнего выживания легко понять, но психологическое выживание, выживание образа, составленного мыслью, – это совсем другое дело. Мысль разделила существование на внешнее и внутреннее, и от этого разделения происходят конфликт и контроль. Для выживания внутреннего – веры, идеологии, богов, национальностей – становятся необходимыми умозаключения, а это ведёт к бесчисленным войнам, насилию и печали. Желание внутреннего выживания, с множеством его образов, – это болезнь, дисгармония. Мысль есть дисгармония. Все её образы, идеологии, её истины сами по себе противоречивы и разрушительны. Если не говорить о технических достижениях, мысль – как внутренне, так и внешне – принесла хаос и удовольствия, которые быстро оборачиваются страданиями. Замечать всё это в вашей повседневной жизни, слышать и видеть движение мысли означает ту трансформацию (то изменение), которую приносит медитация. Это изменение заключается не в том, что «я» становится высшим «я», но в изменении содержания сознания; сознание – это его содержание. Сознание мира – это ваше сознание; вы – это мир, а мир – вы. Медитация есть

behaviour. This fragmentation is the work of thought, one fragment trying to control the other parts, call this one fragment the controller or whatever name you will. This division is artificial and mischievous. Actually, the controller is the controlled. Thought in its very nature is fragmentary and this causes confusion and sorrow. Thought has divided the world into nationalities, ideologies and into religious sects, the big ones and the little ones. Thought is the response of memories experience and knowledge, stored up in the brain; it can only function efficiently, sanely, when it has security, order. To survive physically it must protect itself from all dangers; the necessity of outward survival is easy to understand but the psychological survival is quite another matter, the survival of the image that thought has put together. Thought has divided existence as the outer and the inner and from this separation conflict and control arise. For the survival of the inner, belief, ideology, gods, nationalities, conclusions become essential and this also brings about untold wars, violence and sorrow. The desire for the survival of the inner, with its many images, is a disease, is disharmony. Thought is disharmony. All its images, ideologies, its truths are self-contradictory and destructive. Thought has brought about, apart from its technological achievements, both outwardly and inwardly, chaos and pleasures that soon become agonies. To read all this in your daily life, to hear and see the movement of thought is the transformation that meditation brings about. This transformation is not the «me» becoming the greater «me» but the transformation of the content of consciousness; consciousness is its content. The consciousness of the world is your consciousness; you are the world and the world is you. Meditation is the complete transformation of thought and its activities. Harmony is

полное изменение мысли и её деятельности. Гармония – не плод мысли; она приходит с восприятием целого.

Утренний ветер стих, и не шевелился ни один листочек; река стала совершенно спокойной и через широкую водную гладь доносились все шумы с противоположного берега. Даже попугаи затихли.

9 октября 1973

Вы ехали по узкоколейной дороге поездом, который останавливался почти на каждой станции, где продавцы горячего кофе и чая, одеял и фруктов, сладостей и игрушек громко кричали, предлагая свои товары. Заснуть было почти невозможно, а утром все пассажиры перебрались на судно, которое должно было перевезти их по этой неглубокой части моря на остров. Там уже ждал вас поезд, чтобы довезти в столицу, проезжая мимо деревень. Это была приветливая и счастливая земля. У моря было жарко и сыро, но на холмах, где раскинулись плантации чая, было прохладно, и в воздухе ощущался аромат тех давних дней, когда еще не было перенаселённости и жизнь была проста. В городе, как во всех городах, были шум, грязь, убогость нищеты и пошлость денег; в гавани стояли суда со всего мира.

Дом был в уединённом месте, и в него нескончаемым потоком шли люди, чтобы приветствовать его гирляндами цветов и фруктами. Один человек как-то спросил, не хотел бы он посмотреть на недавно родившегося слонёнка, и мы, разумеется, пошли посмотреть на него. Ему было около двух недель, и нам сказали, что его мать, огромная слониха, очень возбуждена и очень ревностно оберегает малыша. Из города мы ехали в машине мимо нищеты и грязи до реки с коричневой водой, на берегу её была деревня, которую окружали высокие и густые деревья. Там находилась огромная темнокожая слониха со слонёнком. Он провёл там несколько часов, пока слониха не

not the fruit of thought; it comes with the perception of the whole.

The morning breeze had gone and not a leaf was stirring; the river had become utterly still and the noises on the other bank came across the wide waters. Even the parrots were quiet.

9 TH OCTOBER 1973

You went by a narrow-gauge train that stopped at almost every station where vendors of hot coffee and tea, blankets and fruit, sweets and toys, were shouting their wares. Sleep was almost impossible and in the morning all the passengers got into a boat that crossed the shallow waters of the sea to the island. There a train was waiting to take you to the capital, through green country of jungles and palms, tea plantations and villages. It was a pleasant and happy land. By the sea it was hot and humid but in the hills where the tea plantations were it was cool and in the air there was the smell of ancient days, uncrowded and simple. But in the city, as in all cities, there was noise, dirt, the squalor of poverty and the vulgarity of money; in the harbour there were ships from all over the world.

The house was in a secluded part and there was a constant flow of people who came to greet him with garlands and fruit. One day, a man asked if he would like to see a baby elephant and naturally we went to see it. It was about two weeks old and the big mother was nervous and very protective, we were told. The car took us out of town, past the squalor and dirt to a river with brown water, with a village on its bank; tall and heavy trees surrounded it. The big dark mother and the baby were there. He stayed there for several hours till the mother

привыкла к нему; потом он был ей представлен, и слониха разрешила ему погладить её длинный хобот и угостить её фруктами и сахарным тростником. Подвижный кончик хобота просил ещё, и яблоки и бананы были отправлены в её большой рот. Новорожденный слонёнок, помахивая своим крошечным хоботом, стоял между ног матери. Слонёнок был совершенной её копией. Наконец, мать позволила дотронуться до её малыша. Его кожа была не слишком жёсткой, а хобот непрерывно двигался, он был самой подвижной частью его маленького тела. Слониха всё время была настороже, и служителю время от времени приходилось её успокаивать. Слонёнок был очень игривый.

Женщина, вошедшая в небольшую комнату, была в глубоком горе. Её сын был убит на войне. "Я его очень любила, и он был моим единственным ребёнком; он был хорошо

воспитан, и в нём чувствовалось много добра и большой талант. Его убили – почему так должно было случиться именно с ним и со мной? Мы так любили и так были привязаны друг к другу. То, что произошло, слишком жестоко". Она рыдала, и, казалось, не было конца её слезам. Она взяла его руку и вскоре достаточно успокоилась, чтобы слушать.

Мы тратим так много средств на обучение своих детей; мы так заботимся о них; мы сильно к ним привязываемся; они заполняют нашу одинокую жизнь; в них мы видим осуществление собственных надежд, продолжение собственной жизни. Для чего нам нужно образование? Чтобы стать машинами? Чтобы проводить свои дни в тяжёлом труде и умереть от несчастного случая или мучительной болезни? Это та жизнь, которую принесла нам наша культура, наша религия. Всюду в мире жёны или матери льют слезы; война или болезнь лишила их сына или мужа. Является ли любовь привязанностью? Является ли она слезами и мукой утраты, одиночеством и

got used to him; he had to be introduced, was allowed to touch her long trunk and to feed her some fruit and sugar cane. The sensitive end of the trunk was asking for more, and apples and bananas went into her wide mouth. The newly-born baby was standing, waving her tiny trunk, between her mother's legs. She was a small replica of her big mother. At last the mother allowed him to touch her baby; its skin was not too rough and its trunk was constantly on the move, much more alive than the rest of it. The mother was watching all the time and her keeper had to reassure her from time to time. It was a playful baby.

The woman came into the small room deeply distressed. Her son was killed in the war: "I loved him very much and he was my only child; he was well-educated and had the promise of great goodness and talent. He was killed and why should it happen to him and to me? There was real affection, love between us. It was such a cruel thing to happen." She was sobbing and there seemed to be no end to her tears. She took his hand and presently she became quiet enough to listen.

We spend so much money on educating our children; we give them so much care; we become deeply attached to them; they fill our lonely lives; in them we find our fulfilment, our sense of continuity. Why are we educated? To become technological machines? To spend our days in labour and die in some accident or with some painful disease? This is the life our culture, our religion, has brought us. Every wife or mother is crying all over the world; war or disease has claimed the son or the husband. Is love attachment? Is it tears and the agony of loss? Is it loneliness and

печалью, жалостью к себе и болью расставания? Если бы вы любили вашего сына, вы бы заботились, чтобы ни один сын не был убит на войне. Были тысячи войн, а матери и жёны никогда полностью не отвергали пути, ведущие к войне. Вы будете, страдая, лить слезы и сами того не желая поддерживать системы, которые порождают войну. Любовь не знает насилия.

Мужчина объяснил, почему он разошёлся с женой. "Мы были очень молоды, когда поженились, и через несколько лет жизнь разладилась во всех отношениях, сексуально, ментально, и мы оказались совершенно разными людьми. Вначале мы любили друг друга, но постепенно наша любовь перешла в ненависть; развод стал необходим, и юристы так считают".

Любовь – это наслаждение, настойчивое желание? Это физическое ощущение? А влечение и его удовлетворение – любовь ли это? Является ли любовь продуктом мысли? Или же это нечто случайное, вызываемое обстоятельствами? Является ли любовь чувством товарищества, доброты и дружбы? Если хоть что-нибудь из всего этого выходит на первое место, то это не любовь. Любовь является такой же окончательной и решающей, как и смерть.

Тропа, ведущая к вершинам гор, проходит через леса, луга и открытые пространства. Там, где начинается подъём, стоит скамейка, и на ней сидит старая супружеская пара, глядя вниз на залитую солнцем долину. Они приходят сюда очень часто. Сидят без слов, тихо созерцая красоту земли. Они ждут смерти. А тропа идёт дальше, вглубь снегов.

10 октября 1973

Дожди прошли, и огромные валуны блестели под утренним солнцем. В сухих руслах рек появилась вода, и земля снова радовалась; почва стала более красной, и каждый куст, каждая травинка стали зеленее, и на деревьях,

sorrow? Is it self-pity and the pain of separation? If you loved your son, you would see to it that no son was ever killed in a war. There have been thousands of wars, and mothers and wives have never totally denied the ways that lead to war. You will cry in agony and support, unwillingly, the systems that breed war. Love knows no violence.

The man explained why he was separating from his wife. "We married quite young and after a few years things began to go wrong in every way, sexually, mentally, and we seemed so utterly unsuited to each other. We loved each other, though, at the beginning and gradually it is turning into hate; separation has become necessary and the lawyers are seeing to it."

Is love pleasure and the insistence of desire? Is love physical sensation? Is attraction and its fulfilment love? Is it a commodity of thought? A thing put together by an accident of circumstances? Is it of companionship, kindness and friendship? If any of these take precedence then it is not love. Love is as final as death.

There is a path that goes into the high mountains through woods, meadows and open spaces. And there is a bench before the climb begins and on it an old couple sit, looking down on the sunlit valley; they come there very often. They sit without a word, silently watching the beauty of the earth. They are waiting for death to come. And the path goes on into the snows.

10 TH OCTOBER 1973

The rains had come and gone and the huge boulders were glistening in the morning sun. There was water in the dry riverbeds and the land was rejoicing once again; the earth was redder and every bush and blade of grass was greener and the которые корнями уходили глубоко в землю, появились свежие листочки. Скот становился тучнее, а крестьяне – менее тощими. Эти холмы так же стары, как земля, и огромные валуны, казалось, нашли здесь своё надёжное, прочное место. Один из холмов, расположенный к востоку, имеет форму большой площадки, на которой был построен квадратный храм. Деревенским детям надо было ходить за несколько миль, чтобы учиться читать и писать. Маленькая девочка с сияющим лицом совершенно самостоятельно шла в школу в ближайшую деревню; в одной руке у неё была книга, в другой какая-то еда. Она остановилась, когда мы подошли, робкая и любопытная; если бы она постояла подольше, то опоздала бы в школу. Рисовые поля были поразительно зелёными. Это утро было долгое, тихое.

Две вороны повздорили в воздухе, каркая и набрасываясь друг на друга; в воздухе не было достаточной опоры, так что они, схватившись друг с другом, опустились на землю. На земле полетели перья, и битва начала принимать серьёзный оборот. Вдруг около дюжины других ворон налетели на них и прекратили драку. После продолжительного карканья и перебранки все они исчезли в листве деревьев.

Склонность к насилию наблюдается всюду, среди людей высоко образованных и крайне примитивных, среди интеллектуалов и сентиментальных людей. Ни образование, ни организованные религии не способны укротить человека; они, напротив, сами ответственны за войны, пытки, концентрационные лагеря и за истребление животных на суше и на море. Чем больше человек продвигается вперед, тем более жестоким он, по-видимому, становится. Политика превратилась в гангстеризм, одна группировка против другой; национализм привёл к войне; происходят экономические войны; всюду проявляются ненависть и насилие. Ни опыт, ни знание, кажется, не

deep-rooted trees were putting out new leaves. The cattle were getting fatter and the villagers less thin. These hills are as old as the earth and the huge boulders appear to have been carefully balanced there. There is a hill towards

the east that has the shape of a great platform on which a square temple has been constructed. The village children walked several miles to learn to read and write; here was one small child, all by herself, with shining face, going to a school in the next village, a book in one hand and some food in the other. She stopped as we went by, shy and inquisitive; if she stayed longer she would be late for her school. The rice fields were startlingly green. It was a long, peaceful morning.

Two crows were squabbling in the air, cawing and tearing at each other; there was not enough foothold in the air, so they came down to the earth, struggling with each other. On the ground feathers began to fly and the fight began to be serious. Suddenly about a dozen other crows descended upon them and put an end to their fight. After a lot of cawing and scolding they all disappeared into the trees.

Violence is everywhere, among the highly educated and the most primitive, among the intellectuals and the sentimentalists. Neither education nor organized religions have been able to tame man; on the contrary, they have been responsible for wars, tortures, concentration camps and for the slaughter of animals on land and sea. The more he progresses the more cruel man seems to become. Politics have become gangsterism, one group against another; nationalism has led to war; there are economic wars; there are personal hatreds and violence. Man doesn't seem to learn from experience and knowledge,

учат человека, и насилие во всех его формах продолжается. Каково место знания в преобразовании человека и его общества?

Энергия, затраченная на накопление знания, не изменила человека, она не прекратила насилие. Энергия затраченная на тысячи объяснений, почему человек так агрессивен, груб, бесчувствен не положила конца его жестокости. Энергия, затраченная на анализ причин его бессмысленного разрушения, его наслаждения насилием, садизма, бандитизма – отнюдь не сделала человека внимательным к другому и добрым. Несмотря на все слова и книги, угрозы и наказания человек по-прежнему продолжает свое насилие.

Насилие заключается не только в убийстве, в бомбе, в революционной перемене через кровопролитие; это нечто гораздо более глубокое и тонкое. Следование (подчинение) и подражание – признаки насилия; навязывание авторитета и подчинение ему – признак насилия; честолюбие и соревнование – это выражение агрессивности и жестокости, а сравнение порождает зависть с присущими ей враждебностью и ненавистью. Где существует конфликт, внутренний или внешний, там есть почва для насилия. Разделение во всех его формах приносит конфликт и страдание.

Вы знаете всё это; вы читали об актах насилия, сталкивались с ним в самих себе и вокруг, вы слышали о нем, однако же насилие не прекратилось. Почему? Объяснения и причины подобного поведения не имеют реального значения. Если вы потворствуете им, то попусту тратите энергию, которая вам необходима, чтобы выйти за пределы насилия. Вам нужна вся ваша энергия, чтобы встретить и превзойти ту энергию, которая расточается в насилии. Контролирование насилия – это другая форма насилия, так как контролирующей есть контролируемое. При полном внимании, суммирующем всю энергию, насилие

and violence in every form goes on. what place has knowledge in the transformation of man and his society?

The energy that has gone into the accumulation of knowledge has not changed man; it has not put an end to violence. The energy that has gone into a thousand explanations of why he's so aggressive, brutal, insensitive, has not put an end to his cruelty. The energy which has been spent in analysis of the causes of his insane destruction, his pleasure in violence, sadism, the bullying activity, has in no way made man considerate and gentle. In spite of all the words and books, threats and punishments, man continues his violence.

Violence is not only in the killing, in the bomb, in revolutionary change through bloodshed; it is deeper and more subtle. Conformity and imitation are

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosofff.org
the indications of violence; imposition and the accepting of authority are an indication of violence; ambition and competition are an expression of this aggression and cruelty, and comparison breeds envy with its animosity and hatred. Where there's conflict, inner or outer, there is the ground for violence. Division in all its forms brings about conflict and pain.

You know all this; you have read about the actions of violence, you have seen it in yourself and around you and you have heard it, and yet violence has not come to an end. Why? The explanations and the causes of such behaviour have no real significance. If you are indulging in them, you are wasting your energy which you need to transcend violence. You need all your energy to meet and go beyond the energy that is being wasted in violence. Controlling violence is another form of violence, for the controller is the controlled. In total attention, the summation of all energy, violence

во всех его формах прекращается. Внимание – это не слово, не мысленная абстракция, а дело повседневной жизни. Действие – это не идеология, но если действие вытекает из идеологии, то оно ведёт к насилию.

После дождей река разливается всюду, омывая каждый валун, каждый город и деревню, и как бы это её ни загрязняло, она самоочищается и течёт в долины, ущелья и луга.

12 октября 1973

Снова один известный гуру пришёл встретиться с ним. Мы сидели в красиво огороженном саду; зелёный газон был в хорошем состоянии, на нём росли розы, душистый горошек, ярко-жёлтые ноготки и другие цветы восточного севера. Ограда и деревья защищали от шума немногих проезжавших автомашин; воздух был полон аромата множества цветов. Вечером из потайного убежища под деревом обычно выходила семья шакалов; они вырыли большую нору, где мать прятала троих щенков. Они выглядели здоровыми, и вскоре после захода солнца мать выходила с ними, держась ближе к деревьям. За домом складывались кухонные отходы, и в более поздние часы шакалы отправлялись туда. Здесь жила также семья мангустов. Каждый вечер мать с розовым носом и длинным толстым хвостом выходила из своей норы; за ней шли друг за другом два малыша, стараясь держаться поближе к ограде. Они тоже уходили за дом к кухне, где иногда оставляли для них корм. Благодаря им в саду не было змей. Их пути, кажется, никогда не пересекались с путями шакалов, но если они встречались, то как будто не замечали друг друга.

Гуру за несколько дней сообщил о своём желании сделать визит. Он прибыл, а несколько позже вереницей последовали его ученики. Они, как обычно, прикасались к его стопам в знак глубокого уважения. Они хотели

in all its forms comes to an end. Attention is not a word, an abstract formula of thought, but an act in daily life. Action is not an ideology, but if action is the outcome of it then it leads to violence.

After the rains, the river goes around every boulder, every town and village and however much it is polluted, it cleanses itself and runs through valleys, gorges and meadows.

12 TH OCTOBER 1973

Again a well-known guru came to see him. We were sitting in a lovely walled garden; the lawn was green and well kept, there were roses, sweet peas, bright yellow marigolds and other flowers of the oriental north. The wall and the trees kept out the noise of the few cars that went by; the air carried the perfume of many flowers. In the evening, a family of jackals would come out from their hiding place under a tree; they had scratched out a large hole where the mother had her three cubs. They were a healthy looking lot and soon after sunset the mother would come out with them, keeping close to the trees. Garbage was behind the house and they would look for it later. There was also a family of

mongooses; every evening the mother with her pink nose and her long fat tail would come out from her hiding place followed by her two kits, one behind the other, keeping close to the wall. They too came to the back of the kitchen where sometimes things were left for them. They kept the garden free of snakes. They and the jackals seemed never to have crossed each other, but if they did they left each other alone.

The guru had announced a few days before that he wished to pay a call. He arrived and his disciples came streaming in afterwards, one by one. They would touch his feet as a mark of great respect. They wanted

прикоснуться также к стопам другого человека, но он этого не позволил; он сказал им, что это унижительно, однако традиция и надежда на небесное блаженство были в них слишком сильны. Гуру не захотел войти в дом, так как он дал обет никогда не входить в дома женатых людей. В то утро небо было ярко-голубым, а тени были длинными.

"Вы отрицаете, что вы – гуру, но вы – гуру всех гуру. Я следил за вами с вашей юности, и то, что вы говорите, – истина, которую лишь немногие смогут понять. А для множества остальных мы необходимы, иначе они сбились бы с правильного пути; наш авторитет спасает неразумных. Мы – толкователи. Нам был дан наш опыт: мы знаем. Традиция – это защита, она служит оплотом: лишь очень немногие могут держаться в одиночестве и видеть обнажённую реальность. Вы относитесь к тем, кто имеет на себе благословение, но нам приходится идти с толпой, петь её песни, чтить святые имена, кропить святой водой, что не означает, что мы совершенные лицемеры. Люди нуждаются в помощи и мы здесь для того, чтобы её оказывать. В чём заключается, если мне будет позволено спросить, переживание этой абсолютной реальности?"

Ученики всё ещё продолжали подходить и уходили, не проявив интереса к беседе, равнодушные к тому, что их окружало, к красоте цветка и дерева. Некоторые из них сидели на траве и слушали, надеясь, что они не будут слишком потревожены. У человека есть недовольство культурой, в которой он воспитан.

– Реальность – не то, что может быть переживаемо. К ней нет пути, и не существует слов, которые могли бы обозначать её; она – не то, что можно искать и находить. Нахождение после поиска – это искажение ума. Само слово «истина» не есть истина; описание не является тем, что оно описывает.

to touch the other man's feet too but he would not have it; he told them that it was degrading but tradition and hope of heaven were too strong in them. The guru would not enter the house as he had taken a vow never to enter a house of married people. The sky was intensely blue that morning and the shadows were long.

"You deny being a guru but you are a guru of gurus. I have observed you from your youth and what you say is the truth which few will understand. For the many we are necessary, otherwise they would be lost; our authority saves the foolish. We are the interpreters. We have had our experiences; we know. Tradition is a rampart and only the very few can stand alone and see the naked reality. You are among the blessed but we must walk with the crowd, sing their songs, respect the holy names and sprinkle holy water, which does not mean that we are entirely hypocrites. They need help and we are there to give it. What, if one may be allowed to ask, is the experience of that absolute reality?"

The disciples were still coming and going, uninterested in the conversation and indifferent to their surroundings, to the beauty of the flower and the tree. A few of them were sitting on the grass listening, hoping not to be too disturbed. A cultured man is discontented with his culture.

Reality is not to be experienced. There's no path to it and no word can indicate it; it is not to be sought after and to be found. The finding, after seeking, is the corruption of the mind. The very word truth is not truth; the description is not the described.

"Древние поведали о своих переживаниях, о своём блаженстве в медитации, о своем сверхсознании, о своей священной реальности. Да будет позволено спросить: должен ли человек оставаться в стороне от всего этого, в стороне от их высокого примера?"

– Любой авторитет в медитации сам по себе есть её отрицание. Всяческому знанию, представлениям, примерам в медитации нет места. Полное исключение медитирующего, переживающего, мыслящего – вот самая суть медитации. Эта свобода есть повседневное действие медитации. Наблюдающий – это прошлое, его основой является время, его мысли, образы, тени связаны временем. Знание – это время, и свобода от известного есть расцвет медитации. Не существует никакой системы и, стало быть, не может быть никакого указания в отношении истинности или красоты медитации. Следовать другому, его примеру, его слову – значит изгонять истину. Только в зеркале отношения вы видите лицо того, что есть. Видящий есть видимое. Без порядка, который приносит добродетель, медитация и бесконечные притязания других не имеют ни малейшего значения, они абсолютно неуместны. Истина не имеет традиции, она не может быть воспринята от другого. На солнце аромат душистого горошка был очень сильным.

13 октября 1973

Мы плавно летели на высоте тридцати семи тысяч футов, и самолёт был полон. Мы пролетели над морем и приближались к суше; далеко под нами были море и земля; пассажиры, кажется, не переставали разговаривать, пить или перелистывать страницы журналов; потом демонстрировался фильм. Это была шумная группа людей, которых надо было развлекать и кормить; они спали, храпели, держались за руки. Земля, вскоре скрывшаяся под массой облаков от горизонта до горизонта, пространство,

"The ancients have told of their experiences, their bliss in meditation, their super consciousness, their holy reality. If one may be allowed to ask, must one set aside all this and their exalted example?"

Any authority on meditation is the very denial of it. All the knowledge, the concepts, the examples have no place in meditation. The complete elimination of the meditator, the experiencer, the thinker, is the very essence of meditation. This freedom is the daily act of meditation. The observer is the past, his ground is time, his thoughts, images, shadows, are time-binding. Knowledge is time, and freedom from the known is the flowering of meditation. There is no system and so there is no direction to truth or to the beauty of meditation. To follow another, his example, his word, is to banish truth. Only in the mirror of relationship do you see the face of what is. The seer is the seen. Without the order which virtue brings, meditation and the endless assertions of others have no meaning whatsoever; they are totally irrelevant. Truth has no tradition, it cannot be handed down.

In the sun the smell of sweet peas was very strong.

13 TH OCTOBER 1973

We were flying at thirty-seven thousand feet smoothly and the plane was full. We had passed the sea and were approaching land; far below us was the sea and the land; the passengers never seemed to stop talking or drinking or flipping over the pages of a magazine; then there was a film. They were a noisy group to be entertained and fed; they slept, snored and held hands. The land was soon covered over by masses of clouds from horizon to horizon, space

высота и шум разговоров. Между землёй и самолётом – бесконечные белые облака, а над нами – нежно-голубое небо. Сидя в углу у окна, вы были бдительны, наблюдая за изменением формы облаков и белым сиянием над ними.

Обладает ли сознание какой-то глубиной или это всего лишь трепещущая поверхность? Мысль может вообразить свою глубину, может утверждать, что она имеет глубину, или считать, что она – всего лишь рябь на поверхности. Имеет ли

мысль как таковая вообще какую-либо глубину? Сознание состоит из его содержания; содержание сознания – это его предел. Мысль есть деятельность внешнего, и в некоторых языках мысль означает внешнее. Значение, придаваемое скрытым слоям сознания, по-прежнему поверхностно, глубины оно не имеет. Мысль может придать себе центр, в виде эго, «я», но этот центр вообще не имеет никакой глубины; слова, как бы ловко и тонко они ни были подобраны, неглубоки. «Я» – это выдумка мысли в виде слова и отождествления; «я», ищущее глубину в действии, в существовании, вообще не имеет никакого значения; все его попытки создать глубину в отношениях кончаются тем, что оно множит свои собственные образы, тени которых считает глубокими. Деятельность мысли не имеет глубины; её удовольствия, её страхи, её печаль находятся на поверхности. Само слово «поверхность» показывает, что под нею что-то есть, большой объем воды или очень мелкий. Неглубокий или глубокий ум – это слова мысли, а мысль сама по себе поверхностна. За мыслью, создавая объём, стоят опыт, знание, память – те вещи, которые ушли, чтобы вновь быть вызванными и оказывать или не оказывать воздействие. Там, далеко под нами, на земле катил свои воды широкая река, делая большие изгибы среди рассыпанных вокруг ферм, а по петляющим дорогам ползали муравьи. Горы были покрыты снегом, а долины были зелёными, с

us and depth and the noise of chatter. Between the earth and the plane were endless white clouds and above was the blue gentle sky. In the corner seat by a window you were widely awake watching the changing shape of the clouds and the white light upon them.

Has consciousness any depth or only a surface fluttering? Thought can imagine its depth, can assert that it has depth or only consider the surface ripples. Has thought itself any depth at all? Consciousness is made up of its content; its content is its entire frontier. Thought is the activity of the outer and in certain languages thought means the outside. The importance that is given to the hidden layers of consciousness is still on the surface, without any depths. Thought can give to itself a centre, as the ego, the «me», and that centre has no depth at all; words, however cunningly and subtly put together, are not profound. The «me» is a fabrication of thought in word and in identification; the «me», seeking depth in action, in existence, has no meaning at all; all its attempts to establish depth in relationship end in the multiplications of its own images whose shadows it considers are deep. The activities of thought have no depth; its pleasures, its fears, its sorrow are on the surface. The very word surface indicates that there is something below, a great volume of water or very shallow. A shallow or a deep mind are the words of thought and thought in itself is superficial. The volume behind thought is experience, knowledge, memory, things that are gone, only to be recalled, to be or not to be acted upon. Far below, down on the earth, a wide river was rolling along, with wide curves amid scattered farms, and on the winding roads were crawling ants. The mountains were covered with snow and the valleys were green with

глубокими тенями. Солнце было прямо перед нами и садилось в море, когда самолёт приземлялся среди дыма и шума растущего города.

Есть ли глубина в жизни, в существовании вообще? Все ли отношения поверхностны? Может ли мысль когда-либо это выяснить? Мысль – это единственный инструмент, который человек развил и отточил, и когда она отвергнута в качестве средства для понимания глубины жизни, ум ищет другие средства. Поверхностная жизнь скоро становится утомительной, скучной, лишённой значения, и это порождает постоянную погоню за удовольствием, страхи, конфликт и насилие. Видеть фрагменты, которые создала мысль, и их деятельность как целое – это конец мысли. Восприятие целого возможно только тогда, когда наблюдающий, который представляет собой один из фрагментов мысли, не действует. Тогда действие есть отношение, [9 – Relationship – отношение, взаимоотношение, взаимосвязь, связь, родство (слово «отношение» здесь употреблено не в смысле отношения к чему-то, а в смысле взаимосвязи с чем-то)] и оно никогда не ведёт к конфликту и печали.

Лишь безмолвие имеет глубину, как и любовь. Безмолвие, как и любовь, не является движением мысли. Только тогда слова, глубокие или поверхностные, утрачивают своё значение. Любовь и безмолвие неизмеримы. Что измеримо – это мысль и время; мысль есть время. Измерение необходимо, но когда мысль привносит его в действие и отношение, возникают зло и беспорядок. Порядок неизмерим, измерить можно только

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
беспорядок. На море и в доме царила тишина, и холмы, усыпанные весенними
полевыми цветами, были безмолвны.

deep shadows. The sun was directly ahead and went down into the sea as the plane
landed in the fumes and noise of an expanding city.

Is there depth to life, to existence at all? Is all relationship shallow? Can
thought ever discover it? Thought is the only instrument that man has cultivated
and sharpened, and when that's denied as a means to the understanding of depth
in life, then the mind seeks other means. To lead a shallow life soon becomes
wearying, boring, meaningless and from this arises the constant pursuit of
pleasure, fears, conflict and violence. To see the fragments that thought has
brought about and their activity, as a whole, is the ending of thought.
Perception of the whole is only possible when the observer, who is one of the
fragments of thought, is not active. Then action is relationship and never leads
to conflict and sorrow.

Only silence has depth, as love. Silence is not the movement of thought nor is
love. Then only the words, deep and shallow, lose their meaning. There is no
measurement to love nor to silence. What's measurable is thought and time;
thought is time. Measure is necessary but when thought carries it into action
and relationship, then mischief and disorder begin. Order is not measurable,
only disorder is. The sea and the house were quiet, and the hills behind them,
with the wild flowers of spring, were silent.

РИМ

17 октября 1973

Стояло жаркое, сухое лето со случайными ливнями; газоны порыжели, но высокие
деревья с густой листвой выглядели счастливыми, и цветы продолжали цвести.
Такого лета в стране не было уже много лет, и фермеры были довольны. В городах
было очень плохо – загрязнённый воздух, жара, обилие людей на улицах; каштаны
начали уже приобретать коричневую окраску, и парки были полны людей с детьми,
бегавшими всюду с громкими криками. За городом было чудесно; там всегда царила
тишина, и небольшая узкая речка с лебедями и дикими утками была полна
очарования. Романтизм и сентиментальность были надёжно заперты в городах, а
здесь, в сельской местности, среди деревьев, лугов и ручьёв, пребывали красота и
очарование. Дорога, протянувшаяся через леса и испещрённая тенями, и каждый
листок хранят эту красоту, каждый увядающий листок и былинка травы. Красота – не
слово, не эмоциональная реакция; она не настолько податлива, чтобы мысль её
искажала и придавала ей форму. Когда существует красота, всякое движение и
действие в любом отношении целостно, разумно и свято. Когда этой красоты, этой
любви нет, мир становится безумным.

С небольшого экрана проповедник, пользуясь изысканными жестами и словами,
говорил, что он знал своего спасителя, единственного спасителя, который жил на
земле, и что если бы он не жил, мир был бы лишён всякой надежды. Агрессивный
взмах его руки отметал прочь всякое сомнение, всякое стремление что-то выяснить,
ибо он знает, а вы должны отстаивать то, что он знает, так как

РОМЕ

17 TH OCTOBER 1973

It had been a hot, dry summer with occasional showers; the lawns were turning
brown but the tall trees, with their heavy foliage, were happy and the flowers
were blooming. The land had not seen such a summer for years and the farmers
were pleased. In the cities it was dreadful, the polluted air, the heat and the
crowded street; the chestnuts were already turning slightly brown and the parks
were full of people with children shouting and running all over the place. In

the country it was very beautiful; there is always peace in the land and the small narrow river with swans and ducks brought enchantment. Romanticism and sentimentality were safely locked up in cities, and here deep in the country, with trees, meadows and streams, there was beauty and delight. There's a road that goes through the woods, and dappled shadows and every leaf holds that beauty, every dying leaf and blade of grass. Beauty is not a word, an emotional response; it is not soft, to be twisted and moulded by thought. When beauty is there, every movement and action in every form of relationship is whole, sane and holy. When that beauty, love, doesn't exist, the world goes mad.

On the small screen the preacher, with carefully cultivated gesture and word, was saying that he knew his saviour, the only saviour, was living; if he was not living, there would be no hope for the world. The aggressive thrust of his arm drove away any doubt, any enquiry, for he knew and you must stand up for what he knew, for

его знание – это ваше знание, ваше убеждение. Рассчитанные движения его рук и убеждающее слово вселяли уверенность и воодушевляли аудиторию, которая внимала ему, молодые и старые, с открытым ртом, зачарованная и преклоняющаяся перед мысленным образом, существующим в собственном уме. Только что началась война, но это не тревожило ни проповедника, ни его многочисленную аудиторию, ибо войны должны происходить, и к тому же они составляют часть их культуры.

На этом экране несколько позднее показывали, над чем работают учёные, их замечательные изобретения, их выдающиеся открытия в освоении космоса, мир завтрашнего дня, новые сложные машины; показывали, как формируются клетки, эксперименты, проводимые над животными, червями и мухами. Подробно и занимательно рассказывалось об изучении поведения животных. Благодаря этому изучению профессора могли лучше понять поведение человека. Рассматривались остатки древней культуры; раскопки, сосуды, бережно хранимые мозаики и руины древних стен; этот удивительный мир прошлого, его храмы, его великолепие. Много, много томов написано о сокровищах, о живописи, о жестокостях и величии прошлого, его царях и его рабах.

Немного позднее была показана реально происходящая война, которая бушевала в пустыне и среди зелёных холмов, огромные танки и летящие на небольшой высоте реактивные самолёты, грохот и намеренное массовое убийство; и политики, говорящие о мире, но в каждой стране поддерживающие войну. Были показаны плачущие женщины и тяжелораненые, дети, размахивающие флагами, и священники, нараспев произносящие благословения.

Слезы человечества не смыли человеческое желание убивать. Ни одна религия не остановила войну; все они, напротив, вдохновляли её, благословляли оружие войны,

his knowledge is your knowledge, your conviction. The calculated movement of his arms and the driven word were substance and encouragement to his audience, which was there with its mouth open, both young and old, spellbound and worshipping the image of their mind. A war had just begun and neither the preacher nor his large audience cared, for wars must go on and besides it is part of their culture.

On that screen, a little later, there was shown what the scientists were doing, their marvellous inventions, their extraordinary space control, the world of tomorrow, the new complex machines; the explanations of how cells are formed, the experiments that are being made on animals, on worms and flies. The study of the behaviour of animals was carefully and amusingly explained. With this study the professors could better understand human behaviour. The remains of an ancient culture were explained; the excavations, the vases, the carefully preserved mosaics and the crumbling walls; the wonderful world of the past, its temples, its glories. Many, many volumes have been written about the riches, the paintings, the cruelties and the greatness of the past, their kings and their slaves.

A little later there was shown the actual war that was raging in the desert and among the green hills, the enormous tanks and the low-flying jets, the noise and the calculated slaughter; and the politicians talking about peace but

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
encouraging war in every land. The crying women were shown and the desperately wounded, the children waving flags and the priests intoning blessings.

The tears of mankind have not washed away man's desire to kill. No religion has stopped war; all of them, on the contrary, have encouraged it, blessed the weapons of war;

сеяли рознь между людьми. Правительства обособлены и оберегают свою обособленность. Учёные зависят от правительств. Проповедник запутался в своих словах и образах.

Вы будете лить слезы, но будете воспитывать своих детей, чтобы убивать и быть убитыми. Вы принимаете это как образ жизни; вы привязаны к вашей собственной безопасности; она ваш бог и ваше горе. Ваша забота о собственных детях так старательна и щедра, но потом вы с таким энтузиазмом желаете, чтобы они были убиты. На экране показали детёнышей морских котиков, с огромными глазами; их убивали.

Функция культуры заключается в том, чтобы полностью преобразить человека.

По реке плавали оранжевые утки, они плескались, гонялись друг за другом, а на воде были тени деревьев.

18 октября 1973

На санскрите есть длинная молитва о мире. Она была написана много, много столетий тому назад кем-то, кому мир был абсолютно необходим, и возможно на этом основывалась его повседневная жизнь. Молитва была написана, когда ещё не вкрался яд национализма, когда не было ещё этой аморальной власти денег и той довлеющей поглощённости человека мирскими делами, которую принесла индустриализация. Это молитва о непреходящем мире: Да будет мир среди богов, в небесах и среди звёзд; да будет мир на земле среди людей и четвероногих животных; да не причиним мы вреда друг другу; да будем великодушными друг с другом; да обретём мы разум, который станет направлять нас в нашей жизни и действии; да будет мир в нашей молитве, на наших устах и в наших сердцах.

В этом мире нет упоминания о личности; это пришло значительно позднее. В нем есть только мы – наш

they have divided the people. Governments are isolated and cherish their insularity. The scientists are supported by governments. The preacher is lost in his words and images.

You will cry, but educate your children to kill and be killed. You accept it as the way of life; your commitment is to your own security; it is your god and your sorrow. You care for your children so carefully, so generously, but then you are so enthusiastically willing for them to be killed. They showed on the screen baby seals, with enormous eyes, being killed.

The function of culture is to transform man totally.

Across the river mandarin ducks were splashing and chasing each other and the shadows of the trees were on the water.

18 TH OCTOBER 1973

There is in Sanskrit a long prayer to peace. It was written many, many centuries ago by someone to whom peace was an absolute necessity, and perhaps his daily life had its roots in that. It was written before the creeping poison of nationalism, the immorality of the power of money and the insistence on worldliness that industrialism has brought about. The prayer is to enduring peace: May there be peace among the gods, in heaven and among the stars; may there be peace on earth, among men and four-footed animals; may we not hurt each

other; may we be generous to each other; may we have that intelligence which will guide our life and action; may there be peace in our prayer, on our lips and in our hearts.

There is no mention of individuality in this peace; that came much later. There is only ourselves our

мир, наш разум, наше знание, наше просветление. Звучание санскритских песнопений, казалось, обладало удивительным воздействием. Когда в храме сливалось в единый звук пятьдесят голосов, казалось, что дрожали стены.

Тропинка шла через зелёное, сверкающее поле, через залитый солнцем лес и дальше. Вряд ли кто-либо приходит в эти леса, полные света и теней. В них очень мирно, спокойно и уединённо. Тут много белок, и иногда встретится олень, робкий, настороженный, и умчится прочь; белки наблюдают за тобой из ветвей и иногда поворчат на тебя. В этих лесах ощущается аромат лета и запах сырой земли. Есть огромные деревья, старые и сильно замшелые; они приветливо тебя встречают, и ты ощущаешь теплоту этой приветливости. Каждый раз, когда ты там сидишь и глядишь сквозь ветви и листву на чудесное голубое небо, этот покой и приветливость ожидают тебя. Ты шёл с другими через этот лес, но в нём были отчуждённость и молчание; люди болтали, равнодушные и не сознающие царственного величия и великолепия этих деревьев; у этих людей не возникало взаимоотношений с деревьями, как и, по всей вероятности, не было отношений друг с другом. Взаимоотношения между деревьями и тобой возникали мгновенно и во всей полноте; они и ты были друзьями, и потому ты был другом каждого дерева, каждого куста и цветка на земле. Ты приходил не за тем, чтобы уничтожить, и между ними и тобой был мир.

Мир – это не промежуток времени между окончанием и началом конфликта, страдания и печали. Не существует правительства, которое может принести мир; его мир – это разложение и упадок; его организованное управление народом ведёт к вырождению, поскольку оно не проявляет заботы обо всех людях земли. Тирании никогда не могут удерживать мир, ибо они уничтожают свободу. мир и свобода шагают вместе. Убивать другого ради мира –

peace, our intelligence our knowledge, our enlightenment. The sound of Sanskrit chants seems to have a strange effect. In a temple, about fifty priests were chanting in Sanskrit and the very walls seemed to be vibrating.

There is a path that goes through the green, shining field, through a sunlit wood and beyond. Hardly anyone comes to these woods, full of light and shadows. It is very peaceful there, quiet and isolated. There are squirrels and an occasional deer, shyly watchful and dashing away; the squirrels watch you from a branch and sometimes scold you. These woods have the perfume of summer and the smell of damp earth. There are enormous trees, old and moss-laden; they welcome you and you feel the warmth of their welcome. Each time you sit there and look up through the branches and leaves at the wonderful blue sky, that peace and welcome are waiting for you. You went with others through the woods but there was aloofness and silence; the people were chattering, indifferent and unaware of the dignity and grandeur of the trees; they had no relationship with them and so in all probability, no relationship with each other. The relationship between the trees and you was complete and immediate; they and you were friends and thus you were the friend of every tree, bush and flower on earth. You were not there to destroy and there was peace between them and you.

Peace is not an interval between the ending and beginning of conflict, of pain and of sorrow. No government can bring peace; its peace is of corruption and decay; the orderly rule of a people breeds degeneration for it is not concerned with all the people of the earth. Tyrannies can never hold peace for they destroy freedom: peace and freedom go together. To kill another for peace is

идиотизм идеологий. Вы не можете купить мир; он не является изобретением интеллекта; он не может быть обретен с помощью молитвы или путём сделки. Мир не пребывает ни в каком священном здании, ни в какой книге, ни в каком человеке. Никто и ничто не может вас вести к миру, ни гуру, ни священник, ни символ.

В медитации мир есть. Сама медитация – это движение мира. Мир – не конечный результат, который может быть найден; он не создаётся мыслью или словом. Действие медитации – это разумность. Медитация не является ни чем из того, чему вы научились и что пережили. Избавление от всего, чему вы научились и что пережили – это медитация. Медитация – это свобода от переживающего. Когда нет мира в отношениях, его нет и в медитации; это тогда лишь уход в иллюзию и причудливые грёзы. Мир не может быть продемонстрирован или описан. Вы не можете о нём судить. Вы осознаете, если он настанет, в процессе вашей повседневной жизни, в порядке, добродетельности вашей жизни.

Утро было туманным, и плыли тяжёлые облака; собирался дождь. Только через несколько дней можно будет снова увидеть голубое небо. Но как только ты входил в лес, там был всё тот же мир и та же приветливость. Там стояла полная тишина, и ощущался тот же непостижимый мир. Белки попрыгали, смолкли кузнечики на лугах, а за холмами и долинами волновалось море.

19 октября 1973

Лес спал; тропа была тёмная и извилистая. Не было никакого движения; долгие сумерки заканчивались, и безмолвие ночи опускалось на землю. Маленький журчащий ручей, такой звонкий в течение дня, смолкал в тишине наступающей ночи. Сквозь просвет в листве показались звёзды, яркие и очень близкие. Темнота ночи так же необходима, как и свет дня. Приветливые деревья были

the idiocy of ideologies. You cannot buy peace; it is not the invention of an intellect; it is not to be purchased through prayer, through bargaining. It is not in any holy building, in any book, in any person. No one can lead you to it, no guru, no priest, no symbol.

In meditation it is. Meditation itself is the movement of peace. It is not an end to be found; it is not put together by thought or word. The action of meditation is intelligence. Meditation is none of those things you have been taught or experienced. The putting away of what you have learnt or experienced is meditation. The freedom from the experiencer is meditation. When there is no peace in relationship, there is no peace in meditation; it is an escape into illusion and fanciful dreams. It cannot be demonstrated or described. You are no judge of peace. You will be aware of it, if it is there, through the activities of your daily life, the order, the virtue of your life.

Heavy clouds and mists were there that morning; it was going to rain. It would take several days to see the blue sky again. But as you came into the wood, there was no diminishing of that peace and welcome. There was utter stillness and incomprehensible peace. The squirrels were hiding and the grasshoppers in the meadows were silent and beyond the hills and valleys was the restless sea.

19 TH OCTOBER 1973

The wood was asleep; the path through it was dark and winding. There was not a thing stirring; the long twilight was just disappearing and the silence of the night was covering the earth. The small gurgling stream, so insistent during the day, was conceding to the quietness of the coming night. Through the small opening among the leaves were the stars, brilliant and very close. Darkness of the night is as necessary as the light of day. The welcoming trees were

погружены в себя и отделились; они все были рядом, но стали отчуждёнными, недостижимыми; они спали, не тревожимые ничем. В этой спокойной темноте происходили рост и цветение, всё набиралось сил, чтобы встретить трепещущий жизнью день; ночь и день насущно необходимы; оба они дают жизнь, энергию всему живому. Только человек расточает её.

Сон очень важен, сон без чрезмерного обилия сновидений и беспокойного метания. Во время сна многое происходит как в физическом организме, так и в мозгу (ум –

это мозг); оба они представляют собой единое движение. Для этой целостной структуры сон абсолютно необходим. Во время сна возникает порядок, происходит регулировка, настройка и более глубокое восприятие; чем спокойнее мозг, тем глубже постижение. Чтобы гармонично функционировать, без какого-либо трения, мозг нуждается в безопасности и порядке. Ночь это обеспечивает, и в течение спокойного сна имеют место движения, состояния, которых мысль никогда не может достичь. Сновидения нарушают покой; они искажают целостное восприятие. Во время сна ум восстанавливает себя, обновляется.

Но вы можете сказать, что сновидения необходимы; что при их отсутствии человеку грозит безумие; что они помогают, раскрывая нечто. Бывают поверхностные сновидения, не имеющие большого значения; бывают сновидения знаменательные, и бывает также сон без сновидений. Сновидения являются выражением в различных формах и символах нашей повседневной жизни. Если в повседневной жизни отношений нет гармонии, нет порядка, то сновидения являются продолжением этого беспорядка. В течение сна мозг пытается создать порядок из этого запутанного противоречия. В постоянной борьбе между порядком и беспорядком мозг снашивается. Но чтобы он вообще мог функционировать, ему необходимы безопасность и порядок, и тут становятся необходимыми

withdrawn into themselves and distant; they were all around but they were aloof and unapproachable; they were asleep, not to be disturbed. In this quiet darkness, there was growth and flowering, gathering strength to meet the vibrant day; night and day were essential; both gave life, energy, to all living things. Only man dissipates it.

Sleep is very important, a sleep without too many dreams, without tossing about too much. In sleep many things happen both in the physical organism and in the brain (the mind is the brain; they are one, a unitary movement. To this whole structure sleep is absolutely essential. In sleep order, adjustment and deeper perceptions take place; the quieter the brain the deeper the insight. The brain needs security and order to function harmoniously, without any friction. Night provides it and during quiet sleep there are movements, states, which thought can never reach. Dreams are disturbance; they distort total perception. In sleep the mind rejuvenates itself. But you might say dreams are necessary; if one doesn't dream one might go mad; they are helpful, revealing. There are superficial dreams, without much meaning; there are dreams that are significant and there is also a dreamless state. Dreams are the expression in different forms and symbols of our daily life. If there is no harmony, no order in our daily life of relationship, then dreams are a continuance of that disorder. The brain during sleep tries to bring about order out of this confusing contradiction. In this constant struggle between order and disorder the brain is worn out. But it must have security and order to function at all, and so beliefs, ideologies and other neurotic concepts become necessary.

верования, идеологии и другие невротические представления. Превращение ночи в день – одна из таких невротических привычек; глупости, которые продолжают происходить в современном мире после наступления темноты, – это бегство от дневной рутины и скуки.

Полное осознание беспорядка в отношениях, как в частных так и в общественных, в личных и в отдаленных, осознание того, что есть, без какого-либо выбора в часы бодрствования из беспорядка создаёт порядок. Тогда мозг не нуждается в том, чтобы искать порядок в течение сна. Сновидения тогда – только поверхностные, без значения. Порядок во всём сознании, а не только на его сознательном уровне, существует тогда, когда разделение между наблюдающим и наблюдаемым полностью прекратилось. То, что есть, оказывается преодоленным, когда наблюдающий, являющийся прошлым, являющийся временем, перестает существовать. Активное настоящее, то, что есть, в отличие от наблюдающего, не находится в плену времени.

Только когда ум, мозг и организм в течение сна находятся в этом полном порядке, существует осознание того состояния, которое вне слов, того движения, которое вне времени. Это не какой-то причудливый сон, абстрактный уход от жизни. Это подлинный итог медитации. Иначе говоря, мозг активен, независимо от того, бодрствует он или спит, а постоянный конфликт между порядком и беспорядком

изнашивает мозг. Порядок есть высочайшая форма добродетели, восприимчивости, разумности. Когда существует эта великая красота порядка, гармонии, мозг не является бесконечно действующим; определённые его части должны нести бремя памяти, но это очень малая часть; остальная часть мозга свободна от шума опыта. Эта свобода есть порядок, гармония безмолвия. Эта свобода и шум памяти движутся вместе; разум есть действие этого движения. Медитация – это свобода

Turning night into day is one of those neurotic habits; the inanities that go on in the modern world after nightfall are an escape from the daytime of routine and boredom.

The total awareness of disorder in relationship both private and public, personal and distant, an awareness of what is without any choice during conscious hours during the day, brings order out of disorder. Then the brain has no need to seek order during sleep. Then dreams are only superficial, without meaning. Order in the whole of consciousness, not merely at the conscious level, takes place when division between the observer and the observed ceases completely. What is, is transcended when the observer who is the past, who is time, comes to an end. The active present the what is, is not in the bondage of time as the observer is.

Only when the mind the brain and the organism during sleep has this total order, is there an awareness of that wordless state, that timeless movement. This is not some fanciful dream, an abstraction of escape. It is the very summation of meditation. That is, the brain is active, waking or sleeping, but the constant conflict between order and disorder wears down the brain. Order is the highest form of virtue, sensitivity, intelligence. When there is this great beauty of order, harmony, the brain is not endlessly active; certain parts of it have to carry the burden of memory but that is a very small part; the rest of the brain is free from the noise of experience. That freedom is the order, the harmony, of silence. This freedom and the noise of memory move together, intelligence is the action of this movement. Meditation is freedom

от известного, но всё же действует она в сфере известного. Не существует «я» как действующего. В состоянии сна или бодрствования эта медитация продолжается.

Тропа постепенно вывела из леса, и от горизонта до горизонта всё небо было полно звёзд. В полях не было ни малейшего движения.

20 октября 1973

Это дерево – старейшее из всего живого на земле. Оно огромно по своим размерам, по своей высоте и широченному стволу. Это дерево возвышается над всеми другими секвойями, тоже очень старыми; другие деревья были затронуты огнём, но на этом нет никаких его отметин. Оно одиноко выстояло и пережило все кошмары истории, все войны, бушевавшие в мире, все бедствия и человеческую скорбь, огонь и молнии, все ураганы времени и осталось незатронутым, величественным, сохранив достоинство. Тут происходили пожары, но кора деревьев секвойи оказалась способной не поддаваться им и выживать. Шумные туристы сюда пока ещё не добрались, и ты мог оставаться наедине с этим безмолвным гигантом; огромный и вечный, он был устремлён к небесам, когда ты сидел под ним. Сама его древность придавала ему достоинство безмолвия и отчуждённость глубокой старости. Дерево было так же безмолвно, как твой ум, так же спокойно, как твоё сердце, и оно жило без груза времени. Ты ощущал сострадание, не тронутое временем, и невинность, никогда не знавшую обиды и печали. Ты сидел, а время проходило мимо тебя, проходило, чтобы никогда не возвратиться. Тут пребывало бессмертие, потому что никогда не было смерти. Ничего не существовало кроме этого огромного дерева, облаков и земли. Ты приходил к этому дереву и садился рядом с ним, и каждый день в течение многих дней это было благословением, которое ты осознавал только когда уходил. Ты не мог к нему возвратиться,

from the known and yet operating in the field of the known. There is no "me" as the operator. In sleep or awake this meditation goes on.

The path came slowly out of the woods and from horizon to horizon the sky was filled with stars. In the fields not a thing moved.

20 TH OCTOBER 1973

It is the oldest living thing on the earth. It is gigantic in proportion, in its height and vast trunk. Among other redwood trees, which were also very old, this one was towering over them all; other trees had been touched by fire but this one had no marks on it. It had lived through all the ugly things of history, through all the wars of the world, through all the mischief and sorrow of man, through fire and lightning, through all the storms of time, untouched, majestic and utterly alone, with immense dignity. There had been fires but the bark of these redwood trees were able to resist them and survive. The noisy tourists had not come yet and you could be alone with this great silent one; it soared up to the heavens as you sat under it, vast and timeless. Its very years gave it the dignity of silence and the aloofness of great age. It was as silent as your mind was, as still as your heart, and living without the burden of time. You were aware of compassion that time had never touched and of innocence that had never known hurt and sorrow. You sat there and time passed you by and it would never come back. There was immortality, for death had never been. Nothing existed except that immense tree, the clouds and the earth. You went to that tree and sat down with it and every day for many days it was a benediction of which you were only aware when you wandered away. You could never come back to it

желая получить ещё больше; большего не существовало, большее было в долине, далеко внизу. Поскольку это не было святыней, созданной человеком, там пребывала непостижимая святость, которая никогда тебя не покинет, ибо она не твоя.

Ранним утром, когда солнце ещё не коснулось верхушек деревьев, тут были олени и медведь; мы глядели друг на друга широко открытыми глазами, с удивлением; земля была нам общей, и страха не было. Скоро появились голубые сойки и рыжие белки; одна белка – совсем ручная и дружелюбно настроенная. В кармане у тебя были орехи, и она брала их прямо с руки; когда белка уже достаточно съела, с веток соскочили две сойки, и их перебранка смолкла. И день начался.

Чувственность в мире удовольствий приобрела очень большое значение. Склонность (пристрастие), [10 – Taste – вкус; манера, стиль; склонность, пристрастие.] диктует, и скоро привычка к удовольствию овладевает человеком; и хотя это может причинить вред всему организму, удовольствие доминирует. Удовольствие, доставляемое чувствами, хитрой и тонкой мыслью, словами и образами, созданными умом и руками, – это культура образования, удовольствие от насилия и удовольствие от секса. Человек формируется по модели удовольствия, и всё существование, будь оно религиозным или иным, представляет собой погоню за ним. Дикое преувеличение роли удовольствия является результатом морального и интеллектуального подчинения. Когда ум не является свободным и осознющим, чувственность становится разлагающим фактором, и это то, что происходит в современном мире. Удовольствие, доставляемое деньгами и сексом, преобладает. Когда человек становится существом живущим из вторых рук, тогда его свобода – это выражение его чувственности. Тогда любовь – это удовольствие и желание.

asking for more; there was never the more, the more was in the valley far below. Because it was not a man-made shrine, there was unfathomable sacredness which would never again leave you, for it was not yours.

In the early morning when the sun had not yet touched the tops of the trees, the deer and the bear were there; we watched each other, wide-eyed and wondering; the earth was common to us and fear was absent. The blue jays and the red squirrels would come soon; the squirrel was tame and friendly. You had nuts in your pocket and it took them out of your hand; when the squirrel had had enough the two jays would hop down from the branches and the scolding would stop. And the day began.

Sensuality in the world of pleasure has become very important. Taste dictates and soon the habit of pleasure takes hold; though it may harm the whole organism, pleasure dominates. Pleasure of the senses, of cunning and subtle

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
thought, of words and of the images of mind and hand is the culture of education, the pleasure of violence and the pleasure of sex. Man is moulded to the shape of pleasure, and all existence, religious or otherwise, is the pursuit of it. The wild exaggerations of pleasure are the outcome of moral and intellectual conformity. When the mind is not free and aware, then sensuality becomes a factor of corruption which is what is going on in the modern world. Pleasure of money and sex dominate. When man has become a secondhand human being, the expression of sensuality is his freedom. Then love is pleasure and desire.

рганизованные развлечения, религиозные или коммерческие, ведут к социальной и личной аморальности; вы перестаёте быть ответственным. Целостно реагировать на любой вызов – значит быть ответственным, полностью ответственным.[11 - Committed – преданный, приверженный чему-л.; ярый, активно участвующий в чем-то.] Но это невозможно, когда самая сущность мышления фрагментарна, а погоня за удовольствием, во всех его явных и тонких формах, является основным проявлением (движением) существования. Удовольствие – это не радость; радость и удовольствие – совершенно разные вещи; радость приходит незваной, удовольствие – культивируется, воспитывается; радость является, когда нет «я», удовольствие связывает временем; где одно, там нет другого. Удовольствие, страх и насилие идут вместе; они – неразлучные спутники. Учение путём наблюдения является действием, это действие есть видение.

Вечером, когда приближалась темнота, сойки и белки уснули. Вечерняя звезда только что зажглась, а шумы дня и памяти затихли. Эти гигантские секвойи стояли недвижно. Они пребудут вне времени. Умирает лишь человек и печаль от этого.

21 октября 1973

Ночь была безлунной, и Южный Крест был отчётливо виден над пальмами. Солнце должно было взойти ещё нескоро, и в этой спокойной темноте все звёзды ярко сияли, казались очень близкими. Они излучали всепроникающий голубой свет, а река как будто их порождала. Южный Крест стоял обособленно, около него не было других звёзд. Не чувствовалось ни малейшего ветра, и земля, казалось, остановилась неподвижно, устав от деятельности человека. После сильных ливней следовало

Organized entertainment, religious or commercial, makes for social and personal immorality; you cease to be responsible. Responding wholly to any challenge is to be responsible, totally committed. This cannot be when the very essence of thought is fragmentary and the pursuit of pleasure, in all its obvious and subtle forms, is the principal movement of existence. Pleasure is not joy; joy and pleasure are entirely different things; the one is uninvited and the other cultivated, nurtured; the one comes when the «me» is not and the other is time-binding; where the one is the other is not. Pleasure, fear and violence run together; they are inseparable companions. Learning from observation is action, the doing is the seeing.

In the evening when the darkness was approaching, the jays and the squirrels had gone to bed. The evening star was just visible and the noises of the day and memory had come to an end. These giant sequoias were motionless. They will go on beyond time. Only man dies and the sorrow of it.

21 ST OCTOBER 1973

It was a moonless night and the Southern Cross was clear over the palm trees. The sun wouldn't be up for many hours yet; in that quiet darkness all the stars were very close to the earth and they were sparkingly bright; they were a penetrating blue and the river was giving birth to them. The Southern Cross was by itself without any other stars around it. There was no breeze and the earth seemed to stand still, weary of man's activity. It was going to be a lovely morning after the heavy rains

ждать чудесного утра, и на горизонте не было ни облачка. Орион уже не был виден, и на небе зажглась утренняя звезда. В роще, в ближнем пруду квакали лягушки; они смолкали на некоторое время, потом просыпались и начинали снова. В воздухе ощущался сильный аромат жасмина, и издали доносилось пение. В этот час на земле царил полное безмолвие с его нежной красотой. Медитация – движение этого безмолвия.

В саду за оградой начался шум дня. Купали маленького ребёнка; затем всё его тело тщательно смазывали маслами; особое масло для головы, другое для тела; каждое имело свой аромат, и оба масла были слегка подогреты. Ребёнку это нравилось; он тихонько что-то сам себе лепетал, и его полное маленькое тельце блестело от масла. Затем его обсушили особой ароматной пудрой. Ребёнок ни разу не заплакал, казалось, он был окружён такой любовью и заботой. Его вытерли и нежно запеленали в чистую белую ткань, накормили и уложили в постель, где он немедленно заснул. Он, наверное, вырастет, получит образование, его обучат работе, он примет традиции, новые или старые верования, у него появятся дети, и он будет жить, неся бремя печали, за смехом скрывая страдание.

Мать пришла однажды и спросила: "Что такое любовь? Забота, доверие, ответственность, или удовольствие, получаемое друг от друга мужчиной и женщиной? Или это боль привязанности и одиночества?"

Вы воспитываете своё дитя с такой заботой, с такой неутомимой энергией, отдавая свою жизнь и время. Вы чувствуете, быть может, не сознавая этого, ответственность. Вы любите его. Но вот начинает проявляться суживающее действие образования, наградой и наказанием побуждая приспособиться и войти в эту социальную структуру. Образование – общепризнанное средство обуславливания ума. Для чего даётся нам образование – чтобы бесконечно работать и умереть? Вы отдали ребёнку

and there wasn't a cloud on the horizon. Orion had already set and the morning star was on the far horizon. In the grove, frogs were croaking in the nearby pond; they would become silent for a while and wake up and begin again. The smell of jasmine was strong in the air and in the distance there was chanting. But at that hour there was a breathless silence and its tender beauty was on the land. Meditation is the movement of that silence.

In the walled garden the noise of the day began. The young baby was being washed; it was oiled with great care, every part of it; special oil for the head and another for the body; each had its own fragrance and both were slightly heated. The small child loved it; it was softly cooing to itself and its fat little body was bright with oil. Then it was cleaned with a special scented powder. The child never cried, there seemed to be so much love and care. It was dried and tenderly wrapped in a clean white cloth, fed and put to bed to fall asleep immediately. It would grow up to be educated, trained to work, accepting the traditions, the new or old beliefs, to have children, to bear sorrow and the laughter of pain.

The mother came one day and asked, "what is love? Is it care, is it trust, is it responsibility, is it pleasure between man and woman? Is it the pain of attachment and loneliness?"

You are bringing up your child with such care, with tireless energy, giving your life and time. You feel, perhaps unknowingly, responsible. You love it. But the narrowing effect of education will begin, will make it conform with punishment and reward to fit into the social structure. Education is the accepted means for the conditioning of the mind. What are we educated for – for endless work and to die? You have given

нежную заботу, привязанность, но разве ваша ответственность прекращается, когда начинается образование? Разве любовь пойдёт его воевать, чтобы быть убитым, после всей отданной ему заботы и щедрости? Ваша ответственность никогда не прекращается, но это означает вмешательство. Свобода есть тотальная ответственность не только перед вашим ребёнком, но перед всеми детьми на земле. Является ли любовь привязанностью и её болью? Привязанность рождает боль, ревность, ненависть. Привязанность происходит от нашей собственной

поверхностности, неполноценности, одиночества. Привязанность даёт ощущение принадлежности, отождествления с чем-то, даёт чувство реальности, ощущения бытия. Когда это оказывается под угрозой, возникают страх, гнев, ревность. Любовь ли всё это? Боль и печаль – это любовь? Чувственное наслаждение – любовь? Большинство достаточно разумных людей знает всё это на уровне слов, да это и не слишком сложно. Но они не дают всему этому проявиться; эти факты они превращают в идеи, а потом борются с этими абстрактными представлениями. Они предпочитают скорее жить с абстракциями, чем с реальностью, с тем, что есть.

В отрицании того, что не является любовью, есть любовь. Не бойтесь слова «отрицание». Отрицайте всё, что не является любовью, и тогда то, что есть, – это сострадание. То, что вы собой представляете, имеет чрезвычайно важное значение, потому что вы – это мир, а мир – это вы. Это и есть сострадание.

Постепенно приближалось утро; на востоке забрезжил слабый свет. Он разгорался, и Южный Крест начал бледнеть. Стали видны очертания деревьев, лягушки смолкли, утренняя звезда исчезла в более ярком свете, и новый день начался. Уже летали вороны, и слышались человеческие голоса, но благословение раннего утра всё ещё пребывало здесь.

tender care, affection, and does your responsibility cease when education begins? Is it love that will send him to war, to be killed after all that care and generosity? Your responsibility never ceases, which doesn't mean interference. Freedom is total responsibility, not only for your children but for all children on the earth. Is love attachment and its pain? Attachment breeds pain, jealousy, hatred. Attachment grows out of one's own shallowness, insufficiency, loneliness. Attachment gives a sense of belonging, identification with something, gives a sense of reality, of being. When that is threatened there is fear, anger, envy. Is all this love? Is pain and sorrow love? Is sensory pleasure love? Most fairly intelligent human beings know verbally all this and it is not too complicated. But they do not let all this go; they turn these facts into ideas and then struggle with the abstract concepts. They prefer to live with abstractions rather than with reality, with what is.

In the denial of what love is not, love is. Don't be afraid of the word negation. Negate all that is not love, then what is, is compassion. What you are matters enormously for you are the world and the world is you. This is compassion.

Slowly the dawn was coming; in the eastern horizon there was a faint light, it was spreading and the Southern Cross began to fade. The trees took on their shape, the frogs became silent, the morning star was lost in the greater light and a new day began. The flight of crows and the voices of man had begun but the blessings of that early morning were still there.

22 октября 1973

С маленькой лодки, плывущей по тихому, медленному течению реки, обозревался весь горизонт, с севера на юг и с востока на запад; ни один дом, ни одно дерево не заслоняли его, и в небе не было ни облачка. Берега были пологие, по обе стороны далеко уходившие в сушу, и они удерживали широкую реку. На реке было ещё несколько небольших рыбацких лодок, рыбаки собрались у одного края и вытаскивали свои сети; эти люди были необычайно терпеливы. Небо и земля соприкасались, создавая огромное пространство. В этом безмерном пространстве помещалась земля и все вещи, даже эта маленькая лодка, уносимая сильным течением. У излуины реки горизонт расширялся, насколько мог видеть глаз, неизмеримый и бескрайний. Пространство становилось беспредельным. Такое пространство должно существовать для красоты и сострадания. Всё нуждается в пространстве, живое и мертвое, камень на холме и птица в полёте. Отсутствие пространства – это смерть. Рыбаки пели, и звук их песни плыл по реке. Звук нуждается в пространстве. Звучанию слова нужно пространство; слово, правильно произнесённое, создаёт своё собственное пространство. Река и стоящее вдали дерево могут продолжать существовать, только когда они имеют пространство; без пространства всё гибнет. Река исчезала на горизонте, и рыбаки шли к берегу. Приближалась глубокая темнота ночи, земля отдыхала от утомительного дня, и звёзды заблестели на воде. Необъятное

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
пространство сузилось до небольшого дома, в котором много стен. Даже большие, роскошные дома, подобные дворцам, имеют стены, которые отгораживают это безмерное пространство, создавая своё собственное.

В картине должно присутствовать пространство, хотя она и заключена в раму; статуя может существовать только в пространстве; музыка создаёт необходимое для неё пространство; звук слова не только создаёт пространство:

22 ND OCTOBER 1973

In a small boat on the quiet slow current of the river all the horizon from north to south, east to west was visible; there wasn't a tree or house that broke the horizon; there was not a cloud floating by. The banks were flat, stretching on both sides far into the land and they held the wide river. There were other small fishing boats, the fishermen huddled at one end with their nets out; these men were immensely patient. The sky and the earth met and there was vast space. In this measureless space the earth and all things had their existence, even this small boat carried along by the strong current. Around the bend of the river the horizons extended as far as the eye could see, measureless and infinite. Space became inexhaustible. There must be this space for beauty and compassion. Everything must have space, the living and the dead, the rock on the hill and the bird on the wing. When there is no space there is death. The fishermen were singing and the sound of their song came down the river. Sound needs space. The sound of a word needs space; the word makes its own space, rightly pronounced. The river and the faraway tree can only survive when they have space; without space all things wither. The river disappeared into the horizon and the fishermen were going ashore. The deep darkness of the night was coming, the earth was resting from a weary day and the stars were on the waters. The vast space was narrowed down into a small house of many walls. Even the large, palatial houses have walls shutting out that immense space, making it their own.

A painting must have space within it even though it's put in a frame; a statue can only exist in space; music creates the space it needs; the sound of a word not only makes space:

он нуждается в нем, чтобы быть услышанным. Мысль может вообразить пространство между двумя точками, расстояние и измерение; промежуток между двумя мыслями – это пространство, которое создает мысль. Постоянное течение времени, движение и интервал между двумя движениями мысли нуждаются в пространстве. Сознание пребывает внутри (в пределах) движения времени и мысли. Мысль и время могут быть измерены между двумя точками, между центром и периферией. Сознание, широкое или узкое, существует там, где имеется центр, «я» и "не-я".

Всё нуждается в пространстве. Если крыс поместить в тесном пространстве, они уничтожат друг друга; маленькие птички, сидящие вечером на телеграфных проводах, имеют необходимое пространство между друг другом. Люди, живущие в перенаселённых городах, становятся склонными к насилию. Там, где нет пространства, внешнего и внутреннего, неизбежны всякое зло и вырождение. Обуславливание ума посредством так называемого образования, религии, традиции, культуры оставляет слишком малое пространство для цветения ума и сердца. Вера, соответствующий ей опыт, мнение, идеи, слово – это и есть «я», эго, центр, создающий это ограниченное пространство, внутри границ которого находится сознание. «Я» существует и действует внутри того малого пространства, которое оно создало для самого себя. Все его проблемы и печали, надежды и отчаяние находятся внутри его собственных границ, и там нет пространства. Известное занимает все его сознание. Сознание – это известное. В его границах не существует решения всех тех проблем, которые создали люди. И всё же они не сдаются; они цепляются за известное или изобретают неизвестное, надеясь, что оно разрешит их проблемы. Пространство, которое «я» построило для себя, – это его печаль и боль удовольствия. Боги не дают вам пространства, ибо у

it needs it to be heard. Thought can imagine the extension between two points, the distance and the measure; the interval between two thoughts is the space that thought makes. The continuous extension of time, movement and the interval

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosofff.org
between two movements of thought need space. Consciousness is within the movement of time and thought. Thought and time are measurable between two points, between the centre and the periphery. Consciousness, wide or narrow, exists where there is a centre, the «me» and the "not me".

All things need space. If rats are enclosed in a restricted space, they destroy each other; the small birds sitting on a telegraph wire, of an evening, have the needed space between each other. Human beings living in crowded cities are becoming violent. Where there is no space, outwardly and inwardly, every form of mischief and degeneration is inevitable. The conditioning of the mind through so-called education, religion, tradition, culture, gives little space to the flowering of the mind and heart. The belief, the experience according to that belief, the opinion, the concepts, the word is the «me», the ego, the centre which creates the limited space within whose border is consciousness. The «me» has its being and its activity within the small space it has created for itself. All its problems and sorrows, its hopes and despairs are within its own frontiers, and there is no space. The known occupies all its consciousness. Consciousness is the known. Within this frontier there is no solution to all the problems human beings have put together. And yet they won't let go; they cling to the known or invent the unknown, hoping it will solve their problems. The space which the «me» has built for itself is its sorrow and the pain of pleasure. The gods don't give you space, for

них оно ваше. Огромное, неизмеримое пространство лежит за пределами того, что может измерить мысль (измерения мысли), а мысль – это известное. Медитация – это освобождение сознания от его содержания, от известного, от "я".

Вёсла медленно двигали лодку вверх по спящей реке, а огонёк из дома указывал направление. Это был долгий вечер, закат солнца сиял золотым, зелёным и оранжевым светом, и по воде пролегла золотая дорожка.

24 октября 1973

Тропа, каменистая и неровная, вела вниз, в долину, где тускло мерцали огни маленькой деревни; было темно. На фоне звёздного неба вырисовывались волнистые очертания холмов, всё было погружено в темноту, и где-то поблизости выл койот. Тропа утратила свои знакомые очертания, и лёгкий ветерок веял из долины. Быть одному в таком уединённом месте – значит внимать голосу полной тишины и её великой красоте. Какое-то животное зашуршало в кустах, испугавшись или желая привлечь к себе внимание. Теперь стало уже совсем темно, и мир долины погрузился в глубокое безмолвие. В ночном воздухе ощущалась сложная смесь запахов кустарника, росшего на этих сухих холмах, – сильный запах кустарника, которому знакомо жаркое солнце. Дожди окончились много месяцев тому назад; теперь их не будет очень долго; тропа была сухая, пыльная и неровная. Великое безмолвие с его огромным пространством вошло в эту ночь, и всякое движение мысли затихало. Ум сам был этим неизмеримым пространством, и в этой глубокой тишине не было ничего, созданного мыслью. Быть абсолютно ничем – значит быть вне измерения. Тропа круто пошла под уклон, и маленький ручеек журчал о многом, наслаждаясь своим собственным звучанием. Ручеек несколько раз пересекал тропу, они точно играли друг с другом. Звёзды theirs is yours. This vast, measureless space lies outside the measure of thought, and thought is the known. Meditation is the emptying of consciousness of its content, the known, the «me».

Slowly the oars took the boat up the sleeping river and the light of a house gave it the direction. It had been a long evening and the sunset was gold, green and orange and it made a golden path on the water.

24 TH OCTOBER 1973

Way down in the valley were the dull lights of a small village; it was dark and the path was stony and rough. The waving lines of the hills against the starlit sky were deeply embedded in darkness and a coyote was howling somewhere nearby. The path had lost its familiarity and a small scented breeze was coming up the valley. To be alone in that solitude was to hear the voice of intense silence

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
and its great beauty. Some animal was making a noise among the bushes, frightened or attracting attention. It was quite dark by now and the world of that valley became deep in its silence. The night air had special smells, a blend of all the bushes that grow on the dry hills, that strong smell of bushes that know the hot sun. The rains had stopped many months ago; it wouldn't rain again for a very long time and the path was dry, dusty and rough. The great silence with its vast space held the night and every movement of thought became still. The mind itself was the immeasurable space and in that deep quietness there was not a thing that thought had built. To be absolutely nothing is to be beyond measure. The path went down a steep incline and a small stream was saying many things, delighted with its own voice. It crossed the path several times and the two were playing a game together. The stars

были совсем близко, и некоторые из них смотрели вниз с вершин холмов. Огни деревни мерцали всё ещё очень далеко, и звёзды стали исчезать за высокими холмами. Будь один, без слова и мысли, лишь наблюдая и слушая. Великое безмолвие показывало, что без этого жизнь утрачивает своё глубокое значение и красоту.

Быть светочем самому себе – значит отрицать всякое переживание. [12 – Experience – опыт, переживание (здесь и далее в зависимости от контекста можно употреблять и то и другое слово).] Тот, кто переживает, переживающий, нуждается в переживании, чтобы существовать, и независимо от того, глубоко оно или поверхностно, потребность в нём всё более возрастает. Переживание – это знание, традиция; переживающий разделяет самого себя, чтобы проводить различие между приятным и болезненным, между успокаивающим и беспокоящим. Верующий имеет переживания, которые соответствуют его вере, соответствуют его обусловленности. Эти переживания исходят от известного, ведь узнавание необходимо, без него не существует переживания. Всякое переживание оставляет след, если не завершается во время его возникновения (в то время, когда оно поднимается). Каждый ответ на вызов – это переживание, но когда ответ исходит от известного, вызов теряет свою новизну и жизненность; тогда имеют место конфликт, беспокойство и невротическая деятельность. Сама природа вызова толкает к сомнению, к вопросу, к обеспокоенности, к пробуждению, к пониманию. Но когда этот вызов истолкован в терминах прошлого, – настоящее игнорируется. Убежденность относительно переживания, является отрицанием исследования, выяснения. Разумность – это свобода выяснять, исследовать «я» и «не-я», внешнее и внутреннее. Вера, идеологии и авторитет препятствуют пронизательности (прозрению), которая приходит только со свободой. Желание любого

were very close and some were looking down from the hill tops. Still the lights of the village were a long way off and the stars were disappearing over the high hills. Be alone, without word and thought, but only watching and listening. The great silence showed that without it, existence loses its profound meaning and beauty.

To be a light to oneself denies all experience. The one who is experiencing as the experiencer needs experience to exist and, however deep or superficial, the need for it becomes greater. Experience is knowledge, tradition; the experiencer divides himself to discern between the enjoyable and the painful, the comforting and the disturbing. The believer experiences according to his belief, according to his conditioning. These experiences are from the known, for recognition is essential, without it there's no experience. Every experience leaves a mark unless there's an ending to it as it arises. Every response to a challenge is an experience but when the response is from the known, challenge loses its newness and vitality; then there's conflict, disturbance and neurotic activity. The very nature of challenge is to question, to disturb, to awaken, to understand. But when that challenge is translated into the past, then the present is avoided. The conviction of experience is the negation of enquiry. Intelligence is the freedom to enquire, to investigate the «me» and the "not me", the outer and the inner. Belief, ideologies and authority prevent insight which comes only with freedom. The desire for

рода переживания может быть только поверхностным или чувственным, успокаивающим или приятным, так как желание, каким бы сильным оно ни было, – это предшественник мысли, а мысль есть внешнее. Мысль может создавать внутреннее, но

она по-прежнему внешнее. Мысль никогда не может открыть нового, потому что она стара, она никогда не бывает свободной. Свобода – вне мысли. Вся деятельность мысли – это не любовь.

Быть светом себе – значит быть светом для всех остальных. Быть светом себе означает иметь ум, свободный от вызова и ответа, поскольку ум тогда полностью пробуждён, целиком внимателен. У этого внимания нет центра, нет того, кто внимателен, и поэтому нет границ. До тех пор пока существует центр, «я», должны быть вызов и ответ, адекватный или неадекватный, доставляющий удовольствие или приносящий страдание. Этот центр никогда не может быть светом себе; его свет – это искусственный свет мысли, в нём много теней. Сострадание – это не тень мысли, оно – свет, не твой и не кого-либо другого.

Тропа постепенно спустилась в долину; ручей струился мимо деревни, чтобы влиться в море. Но холмы оставались неизменными. Перекликались друг с другом совы. И было пространство для безмолвия.

25 октября 1973

Сидя на камне в апельсиновой роще, он видел широкую долину, простиравшуюся до самых гор и исчезающую где-то в горах. Было раннее утро, и на земле лежали длинные тени, мягкие и нежные. Перепела перекликались резко и требовательно, а тоскующий голубь ворковал тихо и нежно, и эти звуки в то утро казались грустной песней. Пересмешник, стремительно бросаясь вниз, описывал в воздухе кривые, переворачиваясь, кувыркаясь, довольный своим миром. Большой тарантул, тёмный и мохнатый, медленно выполз из-под камня, остановился, понюхал

experience of any kind must be superficial or sensory, comforting or pleasurable, for desire, however intense, is the forerunner of thought and thought is the outer. Thought may put together the inner but it is still the outer. Thought will never find the new for it is old, it is never free. Freedom lies beyond thought. All the activity of thought is not love.

To be a light to oneself is the light of all others. To be a light to oneself is for the mind to be free from challenge and response, for the mind then is totally awake, wholly attentive. This attention has no centre, the one who is attentive, and so no border. As long as there's a centre, the «me», there must be challenge and response, adequate or inadequate, pleasurable or sorrowful. The centre can never be a light to itself; its light is the artificial light of thought and it has many shadows. Compassion is not the shadow of thought but it is light, neither yours nor another's.

The path gradually entered the valley and the stream went by the village to join the sea. But the hills remained changeless and the hoot of an owl was the reply to another. And there was space for silence.

25 TH OCTOBER 1973

Sitting on a rock in an orange orchard the valley spread out and disappeared into the fold of mountains. It was early in the morning and the shadows were long, soft and open. The quails were calling with their sharp demand and the mourning dove was cooing, with soft, gentle lilt, a sad song so early in the morning. The mocking-bird was making swooping curves in the air, turning somersaults, delighted with the world. A big tarantula, hairy and dark, slowly came out from under the rock, stopped, felt

утренний воздух и неторопливо проследовал своей дорогой. Апельсиновые деревья стояли ровными длинными рядами, акр за акром, с яркими плодами и свежими цветами – плоды и цветы были одновременно на одном и том же дереве. Запах этих цветов тихо струился, а на жарком солнце он станет более интенсивным и стойким. Небо было очень голубым и нежным, а все холмы и горы всё ещё спали.

Было чудесное утро, прохладное и свежее, с той удивительной красотой, которую

человек не успел ещё погубить. Появились ящерицы, они искали тёплое местечко на солнце; они вытягивались, чтобы согреть свои брюшки, повернув в сторону свои длинные хвосты. Это было счастливое утро, и мягкий свет покрыл на землю и бесконечную красоту жизни. Медитация – суть этой красоты, выраженной или безмолвной. Выраженная, она обретает форму, субстанцию; безмолвная же не должна облекаться в слово, в форму или в цвет. Выражение или действие, вышедшие из безмолвия, обладают красотой и целостностью, а всякая борьба и конфликт исчезают. Ящерицы передвинулись в тень, а колибри и пчёлы летали среди цветов.

Без страсти нет созидания, нет творчества. Полный отказ приносит эту беспредельную страсть. Отказ, исходящий из мотива, – это одно, но отказ без цели, без расчёта – это совсем другое. Тот, что имеет цель, имеет направленность, живёт недолго, становится злым и коммерческим, вульгарным, пошлым. Но отказ, не движимый какой-либо причиной, намерением или выгодой, не имеет ни начала, ни конца. Такой отказ есть освобождение ума от «я», от собственной личности. [13 – Self – собственная личность, сам, эго, "я".] Это «я» может потерять себя в какой-то деятельности, в какой-то утешающей вере

the morning air and unhurriedly went its way. The orange trees were in long straight lines, acre upon acre, with their bright fruit and fresh blossom flower and fruit on the same tree at the same time. The smell of these blossoms was quietly pervasive and with the heat of the sun the smell would get deeper, more insistent. The sky was very blue and soft and all the hills and mountains were still dreaming.

It was a lovely morning, cool and fresh, with that strange beauty which man had not yet destroyed. The lizards came out and sought a warm spot in the sun; they stretched out to get their bellies warm and their long tails turned sideways. It was a happy morning and the soft light covered the land and the endless beauty of life. Meditation is the essence of this beauty, expressed or silent. Expressed, it takes form, substance; silent it's not to be put into word, form or colour. From silence, expression or action have beauty, are whole, and all struggle, conflict cease. The lizards were moving into the shade and the humming-birds and the bees were among the blossoms.

Without passion there's no creation. Total abandonment brings this unending passion. Abandonment with a motive is one thing, and without a purpose, without calculation, it is another. What which has an end, a direction, is short lived, becomes mischievous and commercial, vulgar. The other, not driven by any cause, intention or gain, has no beginning and no ending. This abandonment is the emptying of the mind of the «me», the self. This «me» can lose itself in some activity, in some comforting belief

или фантастических грёзах, но такая потеря есть лишь продление себя в другой форме, отождествление себя с другой идеологией и деятельностью. Отказ от «я» не является актом воли, так как воля – это «я». Всякое движение «я» – по горизонтали или вертикали, в любом направлении – продолжает оставаться в поле времени и печали. Мысль может посвятить себя чему-то здоровому или безумному, разумному или нелепому, но поскольку мысль по самой своей структуре и природе фрагментарна, она скоро сводит весь свой энтузиазм, всё своё возбуждение к удовольствию и страху. В этой сфере отказ от «я» является иллюзорным и имеет весьма мало значения. Осознание всего этого является пробуждением в отношении деятельности «я»; в этом внимании нет центра, нет «я». Стремление выразить себя путём отождествления есть следствие смятения и бессмысленности существования. Поиск смысла – это начало фрагментирования; мысль может придавать и придаёт жизни тысячу значений, каждый изобретает свои собственные значения, и это просто мнения, убеждения, которым нет конца. В самой жизни – всё значение, но когда жизнь – конфликт, борьба, поле битвы амбиций, соревнование и преклонение перед успехом, стремление к власти и положению, тогда она не имеет никакого значения. Что такое потребность в выражении? Присутствует ли творчество в созданной вещи? Является ли вещь, созданная руками или умом, – как бы она ни была прекрасна или полезна, – тем, к чему человек стремится? Нуждается ли эта страсть отказа от себя в выражении? Когда существует потребность, непреодолимое влечение, – является ли это страстью творчества? До тех пор, пока существует разделение между тем, кто творит, и предметом творчества, не будет ни красоты, ни любви. Вы можете создать самую великолепную вещь, в красках или камне, но если ваша

or fanciful dream but such loss is the continuing of the self in another form, identifying with another ideology and action. The abandonment of the self is not an act of will, for the will is the self. Any movement of the self, horizontally or vertically, in any direction, is still within the field of time and sorrow. Thought may give itself over to something, sane or insane, reasonable or idiotic, but being in its very structure and nature fragmentary, its very enthusiasm, excitement, soon turn into pleasure and fear. In this area the abandonment of the self is illusory, with little meaning. The awareness of all this is the awakening to the activities of the self; in this attention there is no centre, the self. The urge to express oneself for identification is the outcome of confusion and the meaninglessness of existence. To seek a meaning is the beginning of fragmentation; thought can and does give a thousand meanings to life, each one inventing its own meanings which are merely opinions and convictions and there's no end to them. The very living is the whole meaning but when life is a conflict, a struggle, a battlefield of ambition, competition and the worship of success, the search for power and position, then life has no meaning. What is the need of expression? Does creation lie in the thing produced? The thing produced by hand or by the mind, however beautiful or utilitarian is that what one is after? Does this self-abandoned passion need expression? When there is a need, a compulsion, is it the passion of creation? As long as there is division between creator and the created, beauty, love, come to an end. You may produce a most excellent thing in colour or in stone, but if your daily life contradicts that supreme excellence the total

отказа от себя, то вещь, которую вы создали, есть просто предмет восхищения и пошлость. Сам процесс жизни – это цвет, красота и их выражение. Ни в чём ином человек не нуждается.

Тени утратили свою протяжённость, и перепела затихли. Были только камень, деревья с цветами и фруктами, красивые холмы и обильная земля.

29 октября 1973

В долине было много апельсиновых садов, но за одним особенно тщательно ухаживали – ряд за рядом стояли молодые деревья, полные силы и сверкающие на солнце. Почва была хорошая, обильно политая, удобренная и обработанная. Это прекрасное утро было спокойным и тёплым, а небо было прозрачно-голубым. Всюду в кустах суетились перепела, слышались их резкие крики; ястреб перепелятник парил в воздухе, без движения, и вскоре он опустился на ветку ближайшего апельсинового дерева и заснул. Он был так близко, что его острые когти, изумительные пятнистые перья и острый клюв были хорошо видны; протянув руку, можно было до него дотронуться. Ранним утром он летал вдоль аллеи с мимозами, и маленькие птички своими криками подавали знаки тревоги. Под кустами две королевские змеи с тёмно-коричневыми кольцами по всей длине тела свились друг с другом, и когда мимо них проходили, они совершенно не сознавали человеческого присутствия. До этого они лежали на полке в сарае, вытянувшись, и их блестящие тёмные глаза высматривали и подстерегали мышей. Их глаза пристально глядели, не мигая, так как у них нет век. Там змеи, вероятно, находились всю ночь, а теперь они оказались среди кустов. Это была их территория, и их часто можно было тут видеть; а когда поднимали одну из них, она обвивалась вокруг руки и чувствовался холод от прикосновения. Казалось, что все эти живые существа имеют свой

abandonment of the self that which you have produced is for admiration and vulgarity. The very living is the colour, the beauty and its expression. One needs no other.

The shadows were losing their distance and the quails were quiet. There was only the rock, the trees with their blossom and fruit, the lovely hills and the abundant earth.

29 TH OCTOBER 1973

In the valley of orange orchards, this one was very well looked after row upon row of young trees, strong and sparkling in the sun. The soil was good, well-watered, manured and cared for. It was a beautiful morning with a clear blue sky, warm and the air was softly pleasant. The quails in the bushes were fussing about, with their sharp calls; a sparrow-hawk was hovering in the air, motionless, and soon it came down to sit on a branch in the next orange tree and went to sleep. It was so close that the sharp claws, the marvellous speckled feathers and the sharp beak were clearly visible; it was within the reach of an arm. It had been earlier in the morning along the avenue of mimosa and the small birds were crying out their alarm. Under the bushes two king snakes, with their dark brown rings along the length of their bodies, were curling around each other, and as they passed close by they were utterly unaware of a human presence. They had been on a shelf in the shed, stretched out, their dark, bright eyes watching and waiting for the mice. They stared without blinking for they had no eyelids. They must have been there during the night and now they were among the bushes. It was their ground and they were seen often, and on picking up one of them, it coiled around the arm and felt cold to the touch. All those living things seemed to have their own

особый порядок, свою особую дисциплину, свои игры и своё веселье.

Материализм, утверждающий, что ничего не существует кроме материи, широко распространён и является преобладающей и устойчивой формой деятельности, характерной для всех людей, и богатых, и бедных. В мире существует большая группа стран, исповедующих материализм; структура их общества основана на этой доктрине, со всеми вытекающими из неё последствиями. Другие группы стран также материалистичны, но они допускают некоторые идеалистические принципы, когда это удобно, и отказываются от них во имя рациональности и необходимости. В меняющейся окружающей обстановке, резко или постепенно, революционно или эволюционно, поведение человека меняется в соответствии с культурой, в которой он живёт. Существует извечный конфликт между теми, кто верит, что человек есть материя, и теми, кто придерживается приоритета духа. Это разделение принесло человеку много страданий, смятений и иллюзий.

Мысль материальна, и её деятельность, внешняя или внутренняя, – материалистична. Мысль измерима, и потому она есть время. Внутри этой сферы сознание является материей. Сознание – это его содержание; содержание есть сознание; оба они неотделимы друг от друга. Содержание представляет собой то многое, что соединила мысль: прошлое, модифицирующее настоящее, которое есть будущее, которое есть время. Время – это движение внутри сферы, которая является сознанием, широким или узким. Мысль – это память, опыт и знание, и эта память, с её образами и её тенями, есть личность, «я» и «не-я», «мы» и «они». Сущностью разделения является личность ("я"), со всеми её атрибутами и качествами. Материализм лишь придаёт силу и культивирует личность. Личность может отождествлять и отождествляет себя с государством, с

order, their own discipline and their own play and gaiety.

Materialism, that nothing exists but matter, is the prevailing and the persistent activity of human beings who are affluent and those who are not. There's a whole block of the world which is dedicated to materialism; the structure of its society is based upon this formula, with all its consequences. The other blocks are also materialistic but some kind of idealistic principles are accepted when it's convenient and discarded under the name of rationality and necessity. In changing the environment, violently or slowly, revolution or evolution, the behaviour of man is changed according to the culture in which he lives. It is an age-old conflict between those who believe man is matter and those who pursue the spirit. This division has brought such misery, confusion, illusion to man.

Thought is material and its activity, outer or inner, is materialistic. Thought is measurable and so it is time. Within this area, consciousness is matter. Consciousness is its content; the content is consciousness; they are inseparable. The content is the many things which thought has put together: the

past modifying the present which is the future which is time. Time is movement within the area which is consciousness, expanded or contracted. Thought is memory, experience and knowledge, and this memory, with its images and its shadows, is the self, the "me" and the "not me", the «we» and «they». The essence of division is the self with all its attributes and qualities. Materialism only gives strength and growth to the self. The self may and does identify itself with the state, with

идеологией, с деятельностью «не-я», религиозной или мирской, но она по-прежнему остаётся личностью. Её верования сотворены ею самой, как и её удовольствия и страхи. Мысль по самой своей природе и структуре фрагментарна, и конфликт и война происходят между различными фрагментами, национальностями, расами и идеологиями. Материалистически мыслящее человечество погубит себя, если оно полностью не откажется от личности. Отказ от личности (от "я") всегда имеет первостепенное значение. И только в результате такой революции может быть создано новое общество.

Отказ от личности – это любовь, сострадание: сострадание ко всем – к голодающим, страдающим, бездомным, а также к материалисту и верующему. Любовь – не сентиментальность, не романтизм; это нечто такое же властное и окончательное, как смерть.

С моря медленно полз туман, окутывая западные холмы, перекачиваясь по их гребням подобно огромным волнам; он спускался в долину и вскоре доберётся сюда; с приближением ночной темноты станет прохладнее. Звёзд не будет, и наступит полное безмолвие. Это – подлинное безмолвие, а не безмолвие, которое взрастила мысль, в котором нет пространства.

МАЛИБУ

1 апреля 1975

Даже в эти ранние утренние часы солнце было жарким и обжигающим. Ветра не было, и ни один листок не колебался. В древнем храме было прохладно и приятно, босые ноги ощущали твёрдые каменные плиты, их

an ideology, with activities of the «non-me», religious or secular, but it is still the self. Its beliefs are self-created, as are its pleasures and fears. Thought by its very nature and structure is fragmentary, and conflict and war are between the various fragments, the nationalities, the races and ideologies. A materialistic humanity will destroy itself unless the self is wholly abandoned. The abandonment of the self is always of primary importance. And only from this revolution a new society can be put together.

The abandonment of the self is love, compassion: passion for all things the starving, the suffering, the homeless and for the materialist and the believer. Love is not sentimentality, romanticism; it is as strong and final as death.

Slowly the fog from the sea came over the western hills like huge waves; it folded itself over the hills and down into the valley and it would presently reach up here; it would become cooler with the coming darkness of the night. There would be no stars and there would be complete silence. It is a factual silence and not the silence which thought has cultivated, in which there is no space.

MALIBU

1 ST APRIL 1975

Even so early in the morning the sun was hot and burning. There wasn't a breeze

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
and not a leaf was stirring. In the ancient temple it was cool and pleasant; the bare feet were aware of the solid slabs of rocks, their

очертания и неровности. Многие тысячи людей, должно быть, прошли по ним за тысячу лет. Здесь было темно после ослепительно яркого света утреннего солнца, и в коридорах в то утро было мало людей, а в узком проходе было ещё темнее. Этот проход соединялся с широким коридором, ведущим внутрь храма. Здесь был сильный запах цветов и курения благовоний в течение многих столетий. Звучали песнопения сотни браминов, только что выкупавшихся и в свежевывстиранных, белых набедренных повязках. Санскрит – мощный язык, звучный и обладающий глубиной. Древние стены дрожали, почти сотрясались от звучания сотни голосов. Звучание было потрясающе величественным, и святость этих мгновений невозможно выразить словами. Не слова пробуждали эту безграничность, а глубина звучания многих тысячелетий, удерживаемая внутри этих стен, и в бесконечном пространстве за их пределами. Не смысл самих слов, не чёткость их произношения, не темная красота храма, а качество звука сокрушало стены и ограниченность человеческого ума. Пение птицы, отдалённое звучание флейты, шелест листвы от слабого ветерка – все это разрушает стены, которые люди для себя создали.

В величественных соборах и прекрасных мечетях песнопения и чтение нараспев священных книг – это тот звук, который открывает сердце для слез и красоты. Без пространства нет красоты; без пространства у вас будут только стены и измерения; без пространства нет глубины; без пространства существует лишь бедность, внутренняя и внешняя. В вашем уме так мало пространства; он так набит словами, воспоминаниями, знаниями, опытом и проблемами. В нём едва ли остаётся какое-то пространство, разве лишь для вечной болтовни мысли. И так же переполнены ваши музеи и каждая книжная полка. Тогда вы заполняете места развлечений, религиозных или иных. Или вы возводите стены вокруг себя, узкое пространство

shapes and their unevenness. Many thousands of people must have walked on them for a thousand years. It was dark there after the glare of the morning sun and in the corridors there seemed to be few people that morning and in the narrow passage it was still darker. This passage led to a wide corridor which led to the inner shrine. There was a strong smell of flowers and the incense of many centuries. And a hundred Brahmanas, freshly bathed, in newly washed white loin cloths, were chanting. Sanskrit is a powerful language, resonant with depth. The ancient walls were vibrating, almost shaking to the sound of a hundred voices. The dignity of the sound was incredible and the sacredness of the moment was beyond the words. It was not the words that awakened this immensity but the depth of the sound of many thousand years held within these walls and in the immeasurable space beyond them. It was not the meaning of those words, nor the clarity of their pronunciation, nor the dark beauty of the temple but the quality of sound that broke walls and the limitations of the human mind. The song of a bird, the distant flute, the breeze among the leaves, all these break down the walls that human beings have created for themselves.

In the great cathedrals and lovely mosques, the chants and the intoning of their sacred books it is the sound that opens the heart, to tears and beauty. Without space there's no beauty; without space you have only walls and measurements; without space there's no depth; without space there's only poverty, inner and outer. You have so little space in your mind; it's so crammed full of words, remembrances, knowledge, experiences and problems. There's hardly any space left, only the everlasting chatter of thought. And so your museums are filled and every shelf with books. Then you fill the places of entertainment, religious or otherwise. Or you build a wall around yourself, a narrow space

зла и боли. При отсутствии пространства, внутреннего или внешнего, вы становитесь склонным к насилию и уродливым.

Всё нуждается в пространстве, чтобы жить, играть и петь. То, что священо, не может любить без пространства. Вы не имеете пространства, когда вы удерживаете, когда есть печаль, когда вы становитесь центром вселенной. Пространство, которое вы занимаете, – это то пространство, которое мысль выстроила вокруг вас и которое представляет собой страдание и смятение. Пространство, которое измеряет мысль, – это разделение между вами и мной, нами и ими. Это разделение несёт в

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
себе нескончаемую боль. Одинокое дерево стоит на широком зелёном просторе.

2 апреля 1975

Это не была страна деревьев, лугов, ручьёв, цветов и веселья. Это была выжженная солнцем страна песка и голых холмов, без единого деревца или куста; страна запустения, сплошь выжженной земли, миля за милей; там не было ни птицы, ни даже нефти с нефтяными вышками и факелами горящей нефти. Сознание не способно было вместить этой опустошённости, где каждый холм был бесплодной тенью. В течение многих часов мы летели над этой огромной пустотой и, наконец, показались покрытые снегом горные пики, лес и ручьи, деревни и широко раскинувшиеся города.

Вы можете обладать большими знаниями и быть совершенно бедным. И чем вы беднее, тем сильнее в вас потребность в знаниях. Вы расширяете своё сознание великим множеством знаний, накапливая опыт и воспоминания, и всё же можете оставаться крайне бедным. Искусное применение знания может принести вам богатство, дать высокое положение и власть, но бедность может по-прежнему остаться. Эта бедность рождает

of mischief and pain. without space, inner or outer, you become violent and ugly.

Everything needs space to live, to play and to chant. That which is sacred cannot love without space. You have no space when you hold, when there is sorrow, when you become the centre of the universe. The space that you occupy is the space that thought has built around you and that is misery and confusion. The space that thought measures is the division between you and me, we and they. This division is endless pain. There's that solitary tree in a wide, green, open field.

2 ND APRIL 1975

It was not a land of trees, meadows, streams and flowers and mirth. It was a sunburnt land of sand and barren hills, without a single tree or bush; a land of desolation, an endless scorched earth mile upon mile; there wasn't even a bird and not even oil with its derricks and flames of burning oil. Consciousness could not hold the desolation and every hill was a barren shadow. For many hours we flew over this vast emptiness and at last there were snow peaks, forest and streams, villages and spreading towns.

You may have a great deal of knowledge and be vastly poor. The poorer you are the greater the demand for knowledge. You expand your consciousness with great varieties of knowledge, accumulating experiences and remembrances and yet may be vastly poor. The skilful use of knowledge may bring you wealth and give you eminence and power but there may still be poverty. This poverty breeds

бесчувственность; вы играете, в то время как дом объят пламенем. Она лишь усиливает интеллект или ослабляет эмоции, делая их сентиментальными. Эта бедность и есть то, что ведёт к неуравновешенности, внешней и внутренней. Не существует знания внутреннего, есть только знание внешнего. Знание внешнего дает нам ошибочное представление, что должно существовать знание внутреннего. Самопознание оказывается кратким и поверхностным; ум скоро обнаруживает себя по ту сторону, как переплывающий реку. Вы поднимаете большой шум, устремляясь через реку, и принимая по ошибке шум за познание себя, лишь увеличиваете этим собственную бедность. Это расширение сознания есть проявление (деятельность) бедности. Ни религии, ни культура, ни знание никоим образом не могут обогатить эту бедность.

Искусство разумности состоит в том, чтобы поставить знание на подходящее ему место. Без знания невозможно жить в этой технической и почти механической цивилизации, но оно не преобразует человека и его общество. Знание – не превосходство разумности; разумность может пользоваться и пользуется знанием, преобразуя таким образом человека и его общество. Разумность – это не просто

культивирование интеллекта и его чистоты. Она проистекает из понимания целого сознания человека, вас, а не части, не отдельного вашего сегмента. В изучении и понимании движения вашего собственного ума и сердца – начало разумности. Вы есть содержание вашего сознания; познавая себя, вы познаёте вселенную. Это познание – за пределом слова, ведь слово – не вещь. В ежеминутной свободе от известного – суть разумности. Это та разумность, которая действует во вселенной, если вы не вмешиваетесь. Вы губите этот святой порядок незнанием себя. Это незнание не устраняется с помощью того изучения, которое другие проделали в отношении вас или самих себя. Вы сами должны изучать содержание

callousness; you play while the house is burning. This poverty merely strengthens the intellect or gives to the emotions the weakness of sentiment. It's this poverty that brings about imbalance, the outer and inner. There's no knowledge of the inner, only of the outer. The knowledge of the outer informs us erroneously that there must be knowledge of the inner. Self-knowing is brief and shallow; the mind is soon beyond it, like crossing a river. You make a lot of noise in going across the river and to mistake the noise as knowledge of the self is to expand poverty. This expansion of consciousness is the activity of poverty. Religions, culture, knowledge, can in no way enrich this poverty.

The skill of intelligence is to put knowledge in its right place. Without knowledge it's not possible to live in this technological and almost mechanical civilization but it will not transform the human being and his society. Knowledge is not the excellence of intelligence; intelligence can and does use knowledge and thus transforms man and his society. Intelligence is not the mere cultivation of the intellect and its integrity. It comes out of the understanding of the whole consciousness of man, yourself and not a part, a separate segment, of yourself. The study and the understanding of the movement of your own mind and heart give birth to this intelligence. You are the content of your consciousness; in knowing yourself you will know the universe. This knowing is beyond the word for the word is not the thing. The freedom from the known, every minute, is the essence of intelligence. It's this intelligence that is in operation in the universe if you leave it alone. You are destroying this sacredness of order through the ignorance of yourself. This ignorance is not banished by the studies others have made about you or themselves. You yourself have to study the content

собственного сознания. Прделанное другими исследование себя или вас представляет собой описание, но не описываемое. Слово – не вещь.

Только в отношениях можете вы познавать себя, не абстрактно и, конечно, не изолированно. Даже пребывая в монастыре, вы состоите в отношениях с обществом, которое создало монастырь как форму бегства, или закрыло двери свободе. Движение поведения – надёжный указатель для вас; это – зеркало вашего сознания; это зеркало откроет вам его содержание, его образы, привязанности, страхи, одиночество, его радость и печаль. Бедность заключается в бегстве от этого, как в сублимациях (возвышении этого), так и в идентификациях. Отрицание без сопротивления этого содержания сознания есть красота и сострадание разумности.

3 апреля 1975

Как удивительно красив этот огромный изгиб широкой реки! Надо глядеть с некоторой высоты, не слишком высоко и не слишком низко, чтобы видеть, как она лениво извивается по зелёным лугам. Река широкая, полная воды, голубой и чистой. Мы летели на небольшой высоте, и хорошо было видно сильное течение посередине реки с его мелкой рябью; мы следовали течению реки, пролетая над городами и деревьями и устремляясь к морю. Каждый изгиб реки обладал своей особенной красотой, своей особой силой, своим движением. А где-то далеко виднелись пики высоких, покрытых снегом гор, розовые в лучах раннего утреннего солнца; горы закрывали восточный горизонт. Широкая река и эти величественные горы в тот час, казалось, вместили в себя вечность – такое возникло поразительное ощущение пространства вне времени. Хотя самолёт стремительно двигался на юго-восток, в этом пространстве не было направления, не было движения – только то, что есть. В течение целого часа ничего больше

of your own consciousness. The studies the others have made of themselves, and so of you, are the descriptions but not the described. The word is not the thing.

Only in relationship can you know yourself, not in abstraction and certainly not in isolation. Even in a monastery you are related to the society which has made the monastery as an escape, or closed the doors to freedom. The movement of behaviour is the sure guide to yourself; it's the mirror of your consciousness; this mirror will reveal its content, the images, the attachments, the fears, the loneliness, the joy and the sorrow. Poverty lies in running away from this, either in its sublimations, or in its identities. Negating without resistance this content of consciousness is the beauty and compassion of intelligence.

3 RD APRIL 1975

How extraordinarily beautiful is the great curve of a wide river. You must see it from a certain height, not too far up or too close as it meanders lazily through the green fields. The river was wide, full of water, blue and clear. We were not flying at a great altitude and we could just see the strong current in the middle of the river with its tiny waves; we followed it, past towns and villages to the sea. Each curve had its own beauty, its own strength, its own movement. And far away were the great snowcovered peaks, pink in the early morning light; they covered the eastern horizon. The wide river and those great mountains seemed to hold, for that hour, eternity – this overwhelming sense of timeless space. Though the plane was rushing south-east, in that space there was no direction, no movement, only that which is. For a whole hour there was nothing else,

не существовало, даже шума реактивных двигателей. Лишь когда старший пилот объявил, что скоро мы пойдём на посадку, этот столь полный час окончился. Не осталось о нём воспоминаний, не было зафиксировано его содержание, так что мысль не могла его удержать. Когда этот час истёк, не сохранилось никаких его следов, грифельная доска была снова чистой. У мысли не было способа культивировать этот час, и поэтому она готова была покинуть самолёт.

То, о чём думает мысль, превращается в реальность, но это не истина. Красота никогда не может быть выражением мысли. Птица не создана мыслью и потому она прекрасна. Любовь не создана мыслью, но когда мысль берётся её создавать, то получается нечто совершенно иное. Преклонение перед интеллектом, его полнотой и чистотой, – это реальность, созданная мыслью. Но это не сострадание. Мысль не может создать сострадание; она может превратить его в реальность, необходимость, но это не будет состраданием. Мысль по самой своей природе фрагментарна, поэтому она живёт во фрагментированном мире разделения и конфликта. Поэтому и знание фрагментарно, и как бы много мы его ни накапливали, пласт за пластом, оно по-прежнему останется фрагментарным, раздробленным. Мысль может составить то, что называется интеграцией, но и это также будет фрагмент. Само слово «наука» означает знание, и человек надеется, что с помощью науки он превратится в человека разумного и счастливого. И потому он страстно стремится овладеть знанием обо всём на земле и о самом себе. Знание – не сострадание, а без сострадания знание приносит вред, несказанные бедствия и хаос. Знание не может заставить человека любить; оно может создать войну и средства разрушения, но не может принести любовь сердцу или покой уму. Осознавать всё это – значит

not even the noise of the jets. Only when the Captain announced that we would soon be landing did that full hour come to an end. There was no memory of that hour, no record of the content of that hour and so thought had no hold on it. When it came to an end there were no remains, the slate was clean again. So thought had no means to cultivate that hour and so it got ready to leave the plane.

What thought thinks about is made into a reality but it's not the truth. Beauty can never be the expression of thought. A bird is not made by thought and so it's beautiful. Love is not shaped by thought and when it is it becomes

something quite different. The worship of the intellect and its integrity is a reality made by thought. But it is not compassion. Thought cannot manufacture compassion; it can make it into a reality, a necessity, but it will not be compassion. Thought by its very nature is fragmentary and so it lives in a fragmented world of division and conflict. So knowledge is fragmentary and however much it is piled up, layer after layer, it will still remain fragmented, broken up. Thought can put together a thing called integration and that too will be a fragment. The very word science means knowledge, and man hopes through science he will be transformed into a sane and happy human being. And so man is pursuing eagerly knowledge of all the things of the earth and of himself. Knowledge is not compassion and without compassion knowledge breeds mischief and untold misery and chaos. Knowledge cannot make man love; it can create war and the instruments of destruction but cannot bring love to the heart or peace to the mind. To perceive all this is

действовать, но не действием, основанным на памяти или стереотипах.

Любовь – не память, не воспоминание о наслаждении.

4 апреля 1975

Случайно произошло так, что ты жил несколько месяцев в небольшом ветхом доме высоко в горах, вдали от других домов. Там росло много деревьев, а так как была весна, воздух был напоён ароматом. То было уединение среди гор и красоты красной земли. Вздвигающиеся пики были покрыты снегами, а некоторые деревья стояли в цвету. Ты жил один среди этого великолепия. Поблизости был лес, в котором обитали олени, можно было встретить медведя и ещё там были большие обезьяны с чёрными мордами и длинными хвостами, и, конечно, там встречались также и змеи. В глубоком уединении, каким-то странным образом ты сроднился с ними со всеми. Ты никому и ничему не мог причинить вреда, даже белой маргаритке на тропе. В этих отношениях не существовало пространства, расстояния между тобой и ими; это не было выдуманно, не было вызвано каким-то интеллектуальным или эмоциональным убеждением, – но просто это было так. Обычно приходила стая этих больших обезьян, особенно по вечерам; некоторые из них спускались на землю, но большинство сидело на деревьях, спокойно наблюдая. Удивительно, какими они были тихими; случайно послышатся один или два скребка, и мы снова молча наблюдаем друг за другом. Они теперь приходили каждый вечер, не слишком приближаясь, но и не сидя слишком высоко на деревьях, и мы молча сознавали присутствие друг друга. Мы уже стали добрыми друзьями, но они не хотели нарушить твоего уединения. Гуляя однажды во второй половине дня в лесу, ты столкнулся с ними на открытом месте. Их было, наверное, более тридцати, молодых и старых, они сидели среди деревьев, окружавших

to act, not an action based on memory or patterns.

Love is not memory, a remembrance of pleasures.

4 TH APRIL 1975

By chance it happened that one lived for some months in a small dilapidated house, high in the mountains, far from other houses. There were lots of trees and as it was spring there was perfume in the air. The solitude was of the mountains and the beauty of the red earth. The towering peaks were covered with snow and some of the trees were in bloom. One lived alone amidst this splendour. The forest was nearby, with deer, an occasional bear and those big monkeys with black faces and long tails, and of course there were serpents too. In deep solitude in strange ways one was related to them all. One could not hurt a thing, even that white daisy on the path. In that relationship the space between you and them didn't exist; it was not contrived; it was not an intellectual or an emotional conviction that brought this about but simply it was so. A group of those large monkeys would come around, especially in the evening; a few were on the ground but most of them would be sitting in the trees quietly watching. Surprisingly they were still; occasionally there would be a scratch or two and

we would watch each other. They would come every evening now, neither too close nor too high among the trees, and we would be silently aware of each other. We had become quite good friends but they didn't want to encroach upon one's solitude. Walking one afternoon in the forest one came suddenly upon them in an open space. There must have been well over thirty of them, young and old, sitting among the trees round

поляну, абсолютно молчаливые и спокойные. К ним можно было прикоснуться, в них не было ни малейшего страха, и, сидя на земле, мы наблюдали друг за другом, пока солнце не скрылось за горными вершинами.

Если вы утратили соприкосновение с природой, вы потеряли соприкосновение с человечеством. Если у вас нет отношений с природой, то вы становитесь убийцей; вы убиваете детёнышей морских котиков, убиваете китов, дельфинов и человека либо ради наживы, ради «спорта», ради еды, либо ради знания. Тогда природа, напуганная вами, прячет свою красоту. Вы можете совершать длительные прогулки в лесах или разбивать лагерь в особенно красивых местах, но вы – убийца и потеряли их дружбу. У вас, вероятно, ни с чем и ни с кем нет отношений; их нет у вас и с вашей женой или с вашим мужем; вы слишком заняты вашими приобретениями и потерями, вашими собственными мыслями, вашими удовольствиями и страданиями. Вы живёте в своей мрачной изоляции, и бегство из неё ведёт в ещё больший мрак. Ваш интерес сводится к краткому выживанию, бессмысленному, беспечному или неистовому. А тысячи умирают от голода или безжалостно и бессмысленно уничтожаются из-за вашей безответственности. Вы предоставляете наведение порядка в мире лживым и развращённым политикам, интеллектуалам, экспертам. Будучи лишённым целостности и чистоты, вы строите общество аморальное, бесчестное, основанное на крайнем эгоизме. А потом вы спасаетесь бегством от всего этого, за что вы один несёте ответственность, на пляжи, в леса или берёте ружьё ради "спорта".

Вы можете всё это знать, но знание не совершит в вас перемены. Когда у вас появится это ощущение целого, тогда у вас будут отношения со вселенной.

the open space, absolutely silent and still. One could have touched them; there was no fear in them and sitting on the ground we watched each other till the sun went behind the peaks.

If you lose touch with nature you lose touch with humanity. If there's no relationship with nature then you become a killer; then you kill baby seals, whales, dolphins and man either for gain, for 'sport', for food or for knowledge. Then nature is frightened of you, withdrawing its beauty. You may take long walks in the woods or camp in lovely places but you are a killer and so lose their friendship. You probably are not related to anything, to your wife or your husband; you are much too busy, gaining and losing, with your own private thoughts, pleasures and pains. You live in your own dark isolation and the escape from it is further darkness. Your interest is in a short survival, mindless, easygoing or violent. And thousands die of hunger or are butchered because of your irresponsibility. You leave the ordering of the world to the lying corrupt politician, to the intellectuals, to the experts. Because you have no integrity, you build a society that's immoral, dishonest, a society based on utter selfishness. And then you escape from all this for which you alone are responsible, to the beaches, to the woods or carry a gun for 'sport'.

You may know all this but knowledge does not bring about transformation in you. When you have this sense of the whole, you will be related to the universe.

6 апреля 1975

Это не чрезвычайная голубизна Средиземного моря; у Тихого океана эфирная голубизна, особенно когда с запада дует слабый ветерок, и ты ведёшь машину на север по прибрежной дороге. Эта голубизна так нежна, ослепительна, прозрачна и полна радости. Иногда случалось увидеть пловших к северу китов, выпускавших фонтаны, и изредка показывались огромные головы, когда они выпрыгивали из воды. Однажды их была целая стая, извергавших фонтаны воды; они, должно быть, очень

сильные животные. В этот день океан был тихий и совершенно спокойный, как озеро, без единой волны, и не было этой прозрачной танцующей голубизны. Море уснуло, и ты глядел на него с изумлением. Дом стоял над морем – прекрасный дом, [14 – это дом, где Кришнамурти останавливался в Малибу.] с тихим садом, зелёным газоном и цветами, очень просторный, полный света калифорнийского солнца. И кроликам этот дом тоже понравился; они приходили ранним утром и поздним вечером и поедали цветы, недавно посаженные анютины глазки, ноготки и другие мелкие цветущие растения. Невозможно было удержать их, хотя вокруг сада была натянута проволочная сетка, а убивать их было бы преступлением. Но кошка и сова-сипуха порядок в саду навели; чёрная кошка разгуливала по саду, а сова пряталась днём в густой листве эвкалипта; её можно было видеть, круглую и большую, сидящую неподвижно, с закрытыми глазами. Кролики исчезли, и сад пышно зацвёл, а голубой Тихий океан легко катил свои воды.

Лишь человек создаёт беспорядок в мире. Он безжалостен и чрезвычайно склонен к насилию. Где бы он ни был, он всюду приносит горе и смятение, и самому себе, и окружающему миру. Он сбрасывает отходы и разрушает, не зная сострадания. В нём самом нет порядка, и то,

6 TH APRIL 1975

It is not that extraordinary blue of the Mediterranean; the Pacific has an ethereal blue, especially when there is a gentle breeze from the west as you drive north along the coast road. It is so tender, dazzling, clear and full of mirth. Occasionally you would see whales blowing on their way north and rarely their enormous head as they threw themselves out of the water. There was a whole pod of them, blowing; they must be very powerful animals. That day the sea was a lake, still and utterly quiet, without a single wave; there was not that clear dancing blue. The sea was asleep and you watched it with wonder. The house overlooked the sea. [15 – This is the house where he was staying at Malibu] It is a beautiful house, with a quiet garden, a green lawn and flowers. It's a spacious house with the light of the Californian sun. And rabbits loved it too; they would come early in the morning and late in the evening; they would eat up flowers and the newly planted pansies, marigolds and the small flowering plants. You couldn't keep them out though there was a wire netting all around, and to kill them would be a crime. But a cat and a barn owl brought order to the garden; the black cat wandered about the garden; the owl perched itself during the day among the thick eucalyptus; you could see it, motionless, eyes closed, round and big. The rabbits disappeared and the garden flourished and the blue Pacific flowed effortlessly.

It is only man that brings disorder to the universe. He's ruthless and extremely violent. Wherever he is he brings misery and confusion in himself and in the world about him. He lays waste and destroys and he has no compassion. In himself there is no order and so

к чему он прикасается, оскверняется и становится хаотичным. Его политика стала утончённым гангстеризмом власти и лжи, личной или национальной, группа против группы. Его экономика имеет ограниченный характер и поэтому не является универсальной. Его общество аморально, как свободное, так и живущее в условиях тирании. Он не религиозен, хотя верует, поклоняется и участвует в бесконечных, бессмысленных ритуалах. Почему он стал таким – жестоким, безответственным и до такой степени эгоцентричным? Почему? Существуют сотни объяснений, а те, кто объясняет, искусно пользуясь словами, почерпнутыми из знания многих книг и экспериментов на животных, сами пойманы в сети человеческой печали, честолюбия, гордости и душевной муки. Описание не является описываемым, слово – не вещь. Не потому ли это происходит, что человек ищет внешние причины, изучает свою зависимость от внешних условий, надеясь, что внешняя перемена преобразует человека внутренне? Или это происходит потому, что человек так привязан к чувствам, подавляющим его своими безотлагательными требованиями? А может быть потому, что он живёт целиком в движении мысли и знания? Или потому, что он настолько романтичен, сентиментален, что становится безжалостным из-за своих идеалов, фантазий и претензий? Может быть потому, что он всегда оказывается ведомым, последователем, или сам становится руководителем, гуру?

Это разделение на внешнее и внутреннее – начало его конфликта и страдания; он

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
запутался в этом противоречии, в этой извечной традиции. Запутавшись в бессмысленном разделении, он теряет себя и становится рабом других. Внешнее и внутреннее представляют собой плод воображения и изобретение мысли; а поскольку мысль фрагментарна, она творит беспорядок и конфликт, которые являются разделением. Мысль не может принести

what he touches becomes soiled and chaotic. His politics have become a refined gangsterism of power, deceit, personal or national, group against group. His economy is restricted and so not universal. His society is immoral, in freedom and under tyranny. He is not religious though he believes, worships and goes through endless, meaningless rituals. Why has he become like this cruel, irresponsible and so utterly self-centred? Why? There are a hundred explanations and those who explain, subtly with words that are born out of knowledge of many books and experiments on animals, are caught in the net of human sorrow, ambition, pride and agony. The description is not the described, the word is not the thing. Is it because he is looking for outward causes, the environment conditioning man, hoping the outer change transforms the inner man? Is it because he's so attached to his senses, dominated by their immediate demands? Is it because he lives so entirely in the movement of thought and knowledge? Or is it because he's so romantic, sentimental, that he becomes ruthless with his ideals, make-beliefs and pretensions? Is it because he is always led, a follower, or becomes a leader, a guru?

This division as the outer and inner is the beginning of his conflict and misery; he is caught in this contradiction, in this ageless tradition. Caught in this meaningless division, he is lost and becomes a slave to others. The outer and the inner are imagination and the invention of thought; as thought is fragmentary, it makes for disorder and conflict which is division. Thought cannot bring about

порядок, естественное течение добродетели. Добродетель не является непрерывным повторением памяти, практикой. Мысль-знание связана временем. Мысль по самой природе и структуре не может охватить весь поток жизни как целостное движение. Мысль-знание не может прозреть в эту целостность; мысль-знание не может осознавать её без выбора, пока она остается в роли воспринимающего, в роли внешнего наблюдателя. Мысль-знание не имеет места в восприятии. Мыслящий есть мысль; воспринимающий есть воспринимаемое. Только когда это соблюдено, происходит естественное, без усилий, движение в нашей повседневной жизни.

ОХАЙ

8 апреля 1975

В этой части света не бывает много дождей, осадки составляют от 15 до 20 дюймов в год, и эти дожди встречаются с великой радостью, так как в остальное время года их не бывает. На горах лежит снег, а летом и осенью они стоят обнаженные, выжженные солнцем, каменистые и неприступные; только весной они смягчаются и становятся приветливыми. Там раньше водились медведи, олени, рыси, перепела, встречались и гремучие змеи. Но теперь они исчезают; страшный человек вторгается в их владения. Недавно прошли дожди, и долина стала зеленой, апельсиновые деревья покрылись плодами и цветами. Это прекрасная долина, тихая, вдали от деревни, и ты слышал воркование голубя. Воздух постепенно насыщался ароматом апельсиновых цветов, и за несколько теплых

order, an effortless flow of virtue. Virtue is not the continuous repetition of memory, practice. Thought-knowledge is time-binding. Thought by its very nature and structure cannot grasp the whole flow of life, as a total movement. Thought-knowledge cannot have an insight into this wholeness; it cannot be aware of this choicelessly as long as it remains as the perceiver, the outsider looking in. Thought-knowledge has no place in perception. The thinker is the thought; the perceiver is the perceived. Only then is there an effortless

OJAI

8 TH APRIL 1975

In this part of the world it doesn't rain much, about fifteen to twenty inches a year, and these rains are most welcome for it doesn't rain for the rest of the year. There is snow then on the mountains and during summer and autumn they are bare, sunburnt, rocky and forbidding; only in the spring are they mellow and welcoming. There used to be bear, deer, bob cat, quail and any number of rattlers. But now they are disappearing; the dreaded man is encroaching. It had rained for some time now and the valley was green, the orange trees bore fruit and flower. It is a beautiful valley, quiet away from the village, and you heard the mourning dove. The air was slowly being filled with the scent of orange blossoms and in a few days it would be overpowering, with the warm

безветренных дней этот аромат заполнил бы всю долину. Эту долину со всех сторон окружали холмы и горы; за холмами было море, а за горами – пустыня. Летом бывала невыносимая жара, но здесь, вдали от сводящей с ума толпы и городов, всегда пребывала красота. А ночью приходила необычайная тишина, щедрая и всепроникающая. Культивируемая медитация – это кошунство по отношению к красоте, а каждый листочек и каждая ветка говорили о радости красоты, и высокий тёмный кипарис хранил её в своём безмолвии; её струило потоком и старое искривлённое перцовое дерево.

Вы не можете, не должны призывать радость; если вы это делаете, то радость становится удовольствием. Удовольствие – это движение мысли, и мысль не должна, никоим образом не может, культивировать радость, а если она стремится к тому, что было радостным, то это – всего лишь воспоминание, нечто мёртвое. Красота никогда не связана временем; она полностью свободна от времени, а потому и от культуры. Она существует, когда нет личности. Личность создана временем, движением мысли, известным, словом. В отказе от себя, от личности, в этом абсолютном внимании, заключена суть красоты. Освобождение от личности не является рассчитанным действием желания-воли. Воля руководит и поэтому сопротивляется, разделяет и тем самым порождает конфликт. Распад личности – не эволюция самопознания; это происходит вообще без включения фактора времени. Не существует пути или средства её прекратить. Абсолютное внутреннее не-действие есть позитивное внимание красоты.

Вы развили широкую сеть взаимосвязанных видов деятельности, в которую оказались пойманы, и ваш ум, будучи ею обусловленным, в своей внутренней деятельности действует таким же образом. Достижение

sun and windless days. It was a valley wholly surrounded by hills and mountains; beyond the hills was the sea and beyond the mountains desert. In the summer it would be unbearably hot but there was always beauty here, far from the maddening crowd and their cities. And at night there would be extraordinary silence, rich and penetrating. The cultivated meditation is a sacrilege to beauty, and every leaf and branch spoke of the joy of beauty and the tall dark cypress was silent with it; the gnarled old pepper tree flowed with it.

You cannot, may not, invite joy; if you do it becomes pleasure. Pleasure is the movement of thought and thought may not, can in no way, cultivate joy, and if it pursues that which has been joyous, then it's only a remembrance, a dead thing. Beauty is never time-binding; it is wholly free of time and so of culture. It is there when the self is not. The self is put together by time, by the movement of thought, by the known, by the word. In the abandonment of the self, in that total attention, that essence of beauty is there. The letting go of the self is not the calculated action of desire-will. Will is directive and so resistant, divisive, and so breeds conflict. The dissolution of the self is not the evolution of the knowledge of the self; time as a factor does not enter into it at all. There is no way or means to end it. The total inward non-action is the positive attention of beauty.

You have cultivated a vast network of interrelated activities in which you are caught, and your mind, being conditioned by it, operates inwardly in the same manner. Achievement

становится тогда наиболее важным, и неистовство этой гонки по прежнему остается скелетом[16 – Skeleton – скелет, костяк; каркас, основа, остов.] личности. Потому вы и следуете вашему гуру, вашему спасителю, вашим верованиям и идеалам; вера занимает место прозрения, осознания. Нет никакой необходимости в молитве, в ритуалах, когда отсутствует «я». Вы заполняете пустые места на этом скелете знанием, образами, бессмысленной деятельностью и таким образом поддерживаете в нём видимость жизни.

В тихом спокойствии ума приходит то, что является вечной красотой, приходит незванно-непрошено, без шума узнавания.

10 апреля 1975

В безмолвии глубокой ночи и в тишине утра, когда солнце первыми лучами прикасается к холмам, пребывает великая тайна. Эта тайна скрывается во всём живом. Если бы вы спокойно сидели под деревом, то ощутили бы эту древнюю землю с её непостижимой тайной. В тихую ночь, когда звёзды сияют ярко и кажутся близкими, вы осознали бы расширяющееся пространство и таинственный порядок всех вещей, неизмеримого и ничтожного, движения этих тёмных холмов и крика совы. В этом абсолютном безмолвии ума эта тайна расширяется без времени и пространства. Существует тайна в этих древних храмах, возведённых с бесконечной тщательностью, с вниманием, которое есть любовь. Изящные мечети и величественные соборы теряют эту призрачную таинственность, потому что в них поселились фанатизм, догма и помпезность. Миф, скрытый в глубоких пластах ума, не является таинственным, он романтичен, традиционен и обусловлен. В скрытых тайниках ума истину оттесняют символы, слова, образы; в них нет никакой тайны, их в

then becomes the most important thing and the fury of that drive is still the skeleton of the self. That is why you follow your guru, your saviour, your beliefs and ideals; faith takes the place of insight, of awareness. There's no need for prayer, for rituals, when the self is not. You fill the empty spaces of the skeleton with knowledge, with images, with meaningless activities and so keep it seemingly alive.

In the quiet stillness of the mind that which is everlasting beauty comes, uninvited, unsought, without the noise of recognition.

10 TH APRIL 1975

In the silence of deep night and in the quiet still morning when the sun is touching the hills, there is a great mystery. It is there in all living things. If you sit quietly under a tree, you would feel the ancient earth with its incomprehensible mystery. On a still night when the stars are clear and close, you would be aware of expanding space and the mysterious order of all things, of the immeasurable and of nothing, of the movement of the dark hills and the hoot of an owl. In that utter silence of the mind this mystery expands without time and space. There's mystery in those ancient temples built with infinite care, with attention which is love. The slender mosques and the great cathedrals lose this shadowy mystery for there is bigotry, dogma and military pomp. The myth that is concealed in the deep layers of the mind is not mysterious, it is romantic, traditional and conditioned. In the secret recesses of the mind, truth has been pushed aside by symbols, words, images; in them there is no mystery, they are

изобилии плодит мысль. Знание и его действие могут вызывать изумление, восхищение и заслуживать самой высокой оценки. Но тайна – нечто совсем иное. Это не опыт, чтобы его можно было опознавать, накапливать и вспоминать. Опыт –

смерть для этой непередаваемой тайны; чтобы передать, требуется слово, жест, взгляд, но чтобы быть в общении с тем, ум, всё ваше существо должны быть на том же уровне, в то же время, с той же интенсивностью, как у того, что называется таинственным. Это – любовь. С нею вся тайна вселенной открыта.

Утром на небе не было ни одного облака, солнце заливало долину, и всё было радостным, кроме человека. Он глядел на эту дивную землю и двигался дальше со своим трудом, своей печалью и своими приходящими удовольствиями. У него не было времени, чтобы видеть; он слишком был поглощён своими проблемами, своими страданиями и своей жестокостью. Он не видит дерева и поэтому не может видеть своего мучения. Когда он бывает вынужден смотреть, он то, что видит, разрывает на части, называя это анализом, убегает от этого прочь, или не желает видеть. В искусстве видеть заключено чудо преобразования, преобразования того, "что есть". То, "что должно быть" никогда не есть. В действии видения заключена огромная тайна. Оно требует тщательности, внимания, что и есть любовь.

14 апреля 1975

Огромная змея переползала широкую дорогу прямо перед тобой, она была толстая, тяжёлая и двигалась медленно; она выползла из расположенного неподалёку большого пруда. Она была почти чёрная, и падавший на неё вечерний свет придавал её коже яркий блеск. Змея ползла неторопливо, с великолепным достоинством силы. Она тебя не замечала, поскольку ты стоял спокойно, наблюдая; ты был совсем близко от неё; она была не менее пяти

the churnings of thought. In knowledge and its action there is wonder, appreciation and delight. But mystery is quite another thing. It is not an experience, to be recognised, stored up and remembered. Experience is the death of that incommunicable mystery; to communicate you need a word, a gesture, a look, but to be in communion with that, the mind, the whole of you, must be at the same level, at the same time, with the same intensity as that which is called mysterious. This is love. with this the whole mystery of the universe is open.

This morning there wasn't a cloud in the sky, the sun was in the valley and all things were rejoicing, except man. He looked at this wondrous earth and went on with his labour, his sorrow and passing pleasures. He had no time to see; he was too occupied with his problems, with his agonies, with his violence. He doesn't see the tree and so he cannot see his own travail. When he's forced to look, he tears to pieces what he sees, which he calls analysis, runs away from it or doesn't want to see. In the art of seeing lies the miracle of transformation, the transformation of "what is". The "what should be" never is. There's vast mystery in the act of seeing. This needs care, attention, which is love.

14 TH APRIL 1975

A very large serpent was crossing a wide cart road just ahead of you, fat, heavy, moving lazily; it was coming from a largish pond a little way off. It was almost black and the light of the evening seen falling on it gave to its skin a high polish. It moved in a leisurely way with lordly dignity of power. It was unaware of you as you stood quietly watching; you were quite close to it; it must have measured well over five

футов в длину, раздуваясь от проглоченной пищи. Змея переползла через холмик, а ты шёл за ней, глядя на неё сверху, на расстоянии от неё в несколько дюймов; её раздвоенный чёрный язык с быстротой высовывался и втягивался внутрь; она ползла, направляясь к большой норе. Ты мог к ней прикоснуться, потому что красота её обладала странной притягательной силой. Проходивший мимо крестьянин крикнул, чтобы ты отошёл от змеи, так как это была кобра. На следующий день крестьяне поставили на этом холмике блюдо с молоком и несколько цветков гибискуса. На этой же дороге, несколько дальше, стоял высокий куст почти без листьев, с шипами в два дюйма длиной, острыми, сероватыми, и ни одно животное не рискнуло бы прикоснуться к его сочным листьям. Растение защищало себя, и горе тому, кто

отважился бы к нему прикоснуться. В этом лесу жили олени, робкие, но очень любопытные; они позволяли подойти к ним, но не слишком близко, иначе они бросались прочь и исчезали в подлеске. Один олень подпускал тебя совсем близко, если ты был один; он смотрел на тебя блестящими глазами, насторожив свои большие уши. У всех оленей были белые пятна на рыжевато-коричневой шкуре; они были робки, ласковы, постоянно насторожены, и было очень приятно находиться среди них. Один олень по прихоти природы был совершенно белый.

Добро – не противоположность зла. Зло к нему никогда не может прикоснуться, хотя и окружает его. Зло не может повредить добру, но иногда может казаться, что добро причиняет вред, и от этого зло становится ещё более хитрым, ещё более злым. Зло может быть культивированным, широко распространённым и яростным; оно рождается внутри движения времени, выращивается и ловко используется. Но доброта не от времени; она никоим образом не может быть культивирована или вскормлена мыслью; её проявление незримо; она не имеет

feet and it was bulging with what it had eaten. It went over a mound and you walked towards it, looking down upon it a few inches away, its forked black tongue darting in and out; it was moving towards a large hole. You could have touched it for it had a strange attractive beauty. A villager was passing by and called out to leave it alone because it was a cobra. The next day the villagers had put there on the mound a saucer of milk and some hibiscus flowers. On that same road further along there was a bush, high and almost leafless, that had thorns almost two inches long, sharp, greyish, and no animal would dare to touch its succulent leaves. It was protecting itself and woe to anyone that touched it. There were deer there in those woods, shy but very curious; they would allow themselves to be approached but not too close and if you did they would dart away and disappear among the undergrowth. There was one that would let you come quite close, if you were alone, bright-eyed with its large ears forward. They all had white spots on a russet-brown skin; they were shy, gentle and ever-watchful and it was pleasant to be among them. There was a completely white one, which must have been a freak.

The good is not the opposite of the evil. It has never been touched by that which is evil, though it is surrounded by it. Evil cannot hurt the good but the good may appear to do harm and so evil gets more cunning, more mischievous. It can be cultivated, sharpened, expansively violent; it is born within the movement of time, nurtured and skilfully used. But goodness is not of time; it can in no way be cultivated or nurtured by thought; its action is not visible; it has no

причины и потому не порождает следствия. Зло не может стать добром, потому что добро – не продукт мысли; оно вне мысли, как и красота. То, что создаёт мысль, она может и разрушить, но это не добро; так как добро вне времени и у него нет фиксированного места. Где добро – там порядок, – не порядок авторитета, наказания и награды; такой порядок необходим, иначе общество само себя уничтожает, а человек становится злым, кровадным, развращённым, он вырождается. Ибо человек – это общество; они неразделимы. Закон добра вечен, неизменяем и вневременен. Устойчивость, постоянство – его природа, и поэтому он абсолютно надёжен. Другой надёжности не существует.

17 апреля 1975

Пространство есть порядок. Пространство – это время, протяжённость, широта и объём. В это утро море и небеса были беспредельны; горизонт, где покрытые жёлтыми цветами холмы встречались с далеким морем, – это порядок земли и неба; он космичен. Этот кипарис, высокий, тёмный, одинокий, обладает порядком красоты; и отдалённый дом на том лесистом холме следует движению гор, возвышающихся над холмами, лежащими ниже; зелёный луг с единственной коровой пребывает вне времени. А человек, поднимающийся на холм, зажат в тесном пространстве своих проблем.

Существует пространство ничто, размеры которого не связаны временем, которое не может измерить мысль. В это пространство ум не может проникнуть; он может его

лишь наблюдать. В этом наблюдении нет того, кто переживает. У этого наблюдающего нет истории, нет связи, нет мифа, и потому этот наблюдающий является тем, что есть. Знание способно расширяться, но пространства оно не имеет, потому что самим своим весом и объёмом оно искажает и душит это пространство. Не существует

cause and so no effect. Evil cannot become good for that which is good is not the product of thought; it lies beyond thought, like beauty. The thing that thought produces, thought can undo but it is not the good; as it is not of time, the good has no abiding place. Where the good is, there is order, not the order of authority, punishment and reward; this order is essential, for otherwise society destroys itself and man becomes evil, murderous, corrupt and degenerate. For man is society; they are inseparable. The law of the good is everlasting, unchanging and timeless. Stability is its nature and so it is utterly secure. There is no other security.

17 TH APRIL 1975

Space is order. Space is time, length, width and volume. This morning the sea and the heavens are immense; the horizon where those yellow flowered hills meet the distant sea is the order of earth and heaven; it is cosmic. That cypress, tall, dark, alone, has the order of beauty and the distant house on that wooded hill follows the movement of the mountains that tower over the low-lying hills; the green field with a single cow is beyond time. And the man coming up the hill is held within the narrow space of his problems.

There is a space of nothingness whose volume is not bound by time, the measure of thought. This space the mind cannot enter; it can only observe. In this observation there is no experiencer. This observer has no history, no association, no myth, and so the observer is that which is. Knowledge is extensive but it has no space, for by its very weight and volume it perverts and smothers that space. There is no

знания о собственном «я», высшем или низшем; существует только словесная структура «я», скелет, покрытый мыслью, окутанный покровом мысли. Мысль не может проникнуть в собственную структуру; то, что составлено ей, мысль не может отвергнуть, а когда она отвергает, то это отказ ради последующего приобретения. Когда времени «я» нет, существует пространство, не имеющее меры.

Эта мера есть движение награды и наказания, приобретения или потери, деятельность сравнения и приспособления, респектабельности или её отрицания. Это движение есть время, будущее с его надеждой и привязанностью, что есть прошлое. Всё это хитросплетение есть сама структура «я», и его единение с верховной сущностью или абсолютом остаётся всё ещё в границах его собственной сферы. Всё это – деятельность мысли. Мысль, как бы ей этого ни хотелось, никоим образом не может проникнуть в это пространство за пределами времени. Самый метод, курс обучения, практика, изобретённые мыслью, не являются ключами, которые откроют дверь, потому что не существует двери и нет ключа. Мысль может только осознавать свою собственную беспрестанную деятельность, свою собственную способность искажать, свою собственную ложь и иллюзии. Она – наблюдающий и наблюдаемое. Её боги – это её собственные проекции, а поклонение им – это поклонение самому себе. То, что лежит за пределами мысли, за пределами известного, нельзя вообразить, нельзя сделать мифом или тайной для немногих. Оно здесь, чтобы вы увидели.

knowledge of the self, higher or lower; there's only a verbal structure of the self, a skeleton, covered over by thought. Thought cannot penetrate its own structure; what it has put together thought cannot deny and when it does deny, it is the refusal of further gain. When the time of the self is not, the space that has no measure is.

This measure is the movement of reward and punishment, gain or loss, the activity of comparison and conformity, of respectability and the denial of it. This movement is time, the future with its hope and the attachment which is the past. This complete network is the very structure of the self and its union with

the supreme being or the ultimate principle is still within its own field. All this is the activity of thought. Thought can in no way penetrate that space of no time, do what it will. The very method, the curriculum, the practice that thought has invented are not the keys that will open the door, for there is no door, no key. Thought can only be aware of its own endless activity, its own capacity to corrupt, its own deceits and illusions. It is the observer and the observed. Its gods are its own projections and the worship of them is the worship of yourself. What lies beyond thought, beyond the known, may not be imagined or made a myth of or made a secret for the few. It is there for you to see.

МАЛИБУ

23 апреля 1975

Широкая река была тиха, как мельничная запруда. На ней не было ни малейшей ряби; утренний ветерок ещё не пробудился, так как было очень рано. Звёзды отражались в воде, ясные и сверкающие, и утренняя звезда была самой яркой. Деревья на противоположном берегу реки стояли тёмные, и окружённая ими деревня ещё спала. Ни один листок не колыхался, только маленькие совы с их хриплыми криками шумно перекликались на старом тамариндовом дереве; это был их дом, а когда солнце освещало ветки дерева, совы грелись в его лучах. Крикливых зелёных попугаев ещё не было слышно. Всё живое, даже насекомые и цикады, в восторге затаив дыхание, ожидало появления солнца. Река была неподвижна, и на ней не было видно обычных маленьких лодок с тусклыми лампами. Мало-помалу над тёмными таинственными деревьями начал разгораться рассвет. Все живое было всё ещё погружено в тайну этого момента медитации. Твой собственный ум пребывал вне времени, вне измерения; не было инструмента, чтобы измерить, как долго этот момент продолжался. Но началось оживление и пробуждение, попуган и совы, вороны и скворцы, собаки и голос с противоположного берега реки. И вдруг над деревьями возникло солнце, золотое, мелькающее среди листвы. Теперь большая река пробудилась, пришла в движение; время, протяжённость, широта и объём потекли, и началась жизнь, которая никогда не кончалась.

Как чудесно было то утро, чистота света и золотая дорожка, проложенная солнцем по этим живым водам! Ты был миром, космосом, бессмертной красотой и радостью

MALIBU

23 RD APRIL 1975

The wide river was still as a millpond. There wasn't a ripple and the morning breeze hadn't awakened yet for it was early. The stars were in the water, clear and sparkling and the morning star was the brightest. The trees across the river were dark and the village amongst them still slept. There was not a leaf stirring and those small screech owls were rattling away on the old tamarind tree; it was their home and when the sun was on those branches they would be warming themselves. The noisy green parrots were quiet too. All things, even the insects and the cicadas, were waiting, breathless for the sun, in adoration. The river was motionless and the usual small boats with their dark lamps were absent. Gradually over the dark mysterious trees there began the early light of dawn. Every living thing was still in the mystery of that moment of meditation. Your own mind was timeless, without measure; there was no yardstick to measure how long that moment lasted. Only there was a stirring and an awakening, the parrots and the owls, the crows and the mynah, the dogs and a voice across the river. And suddenly the sun was just over the trees, golden and hidden by the leaves. Now the great river was awake, moving; time, length, width and volume were flowing and all life began which never ended.

How lovely it was that morning, the purity of light and the golden path the sun made on those living waters. You were the world, the cosmos, the deathless beauty and the joy

сострадания. Только тебя самого там не было; если бы ты был, всего этого не было бы. Ты вносишь начало и конец, чтобы начать снова эту нескончаемую цепь.

В становлении имеется неопределённость и неустойчивость, непостоянство. В ничто существует абсолютная устойчивость, абсолютное постоянство и, следовательно, ясность. То, что является полностью устойчивым, постоянным, никогда не умирает; в становлении же присутствует разложение. Мир направляет свои усилия на становление, достижение, приобретение, извлечение выгоды, и поэтому существует страх утраты и смерти. Ум должен пройти через эту маленькую дыру, которую он создал, через «я», чтобы войти в это необъятное ничто, устойчивость и постоянство которого мысль неспособна измерить. Мысль желает завладеть им, использовать его, культивировать и вынести на рынок. Оно должно быть сделано приятным, приемлемым и потому респектабельным, чтобы перед ним преклонялись. Мысль не может включить его в какую-либо категорию, и потому оно должно быть обманом и ловушкой; или оно должно быть для немногих, для избранных. Таким образом, мысль движется своими собственными недобрыми путями, испытывающая страх, жестокая, самовлюблённая и никогда не устойчивая, не постоянная, хотя её тщеславие утверждает будто устойчивость, постоянство присутствует в её действиях, в её исследованиях, в знаниях, которые она накопила. Мечта становится реальностью, которую она взрастила. То, что мысль сделала реальным, не есть истина. Ничто – это не реальность, но истина. Маленькая дыра, «я», есть реальность мысли, тот скелет, на котором она построила всё свое существование, – реальность её фрагментации, страдания, печали и её любви. Реальность её богов или её единственного бога – это тщательно выстроенная структура мысли её молитва, её ритуалы, её

of compassion. Only you weren't there; if you were all this would not be. You bring in the beginning and the ending, to begin again in an endless chain.

In becoming there is uncertainty and instability. In nothingness there is absolute stability and so clarity. That which is wholly stable never dies; corruption is in becoming. The world is bent on becoming, achieving, gaining and so there is fear of losing and dying. The mind must go through that small hole which it has put together, the self, to come upon this vast nothingness whose stability thought cannot measure. Thought desires to capture it, use it, cultivate it and put it on the market. It must be made acceptable and so respectable, to be worshipped. Thought cannot put it into any category and so it must be a delusion and a snare; or it must be for the few, for the select. And so thought goes about its own mischievous ways, frightened, cruel, vain and never stable, though its conceit asserts there is stability in its actions, in its exploration, in knowledge it has accumulated. The dream becomes a reality which it has nurtured. What thought has made real is not truth. Nothingness is not a reality but it is the truth. The small hole, the self, is the reality of thought, that skeleton on which it has built all its existence the reality of its fragmentation, the pain, the sorrow and its love. The reality of its gods or its one god is the careful structure of thought, its prayer, its rituals, its

романтическое поклонение. В реальности нет устойчивости, постоянства, нет безупречной ясности.

Знание, которым обладает «я» есть время, протяжённость, широта и объём; его можно накапливать, использовать в качестве лестницы для становления, совершенствования, достижения. Это знание ни как не способно освободить ум от бремени его собственной реальности. Вы сами – это бремя; истина заключена в видении данного факта и того, что свобода не является реальностью мысли. Видение есть действие. Это действие возникает из устойчивости и постоянства, из ясности ничто.

24 апреля 1975

Всё живое имеет свою особую, присущую ему восприимчивость, свой особый образ жизни, своё сознание, но человек считает, что его собственное гораздо выше, и

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosofff.org
потому он утрачивает свою любовь, свое достоинство и становится бесчувственным, бессердечным, разрушительным. В долине апельсиновых деревьев, усыпанных плодами и весенними цветами, настало чудесное ясное утро. Горы на севере были покрыты сверкающим снегом; они стояли голые, холодные и отчуждённые, но на фоне нежно-голубого неба раннего утра казались очень близкими, ты мог почти дотронуться до них. В них было это безграничное ощущение древности, нерушимого величия и той красоты, которая приходит с вечным великолепием. Утро было очень тихое, и аромат апельсиновых цветов наполнял воздух, это было чудо и красота света. Свет в этой части мира обладает особым свойством: он всепроникающий, живой, наполняющий глаза; он словно проникает во все твоё сознание, выметая все тёмные уголки. В этом была огромная радость, и каждый листок, каждая травинка купались в ней. И голубая сойка прыгала с ветки на ветку, не поднимая ради разнообразия особенно

romantic worship. In reality there is no stability or pure clarity.

The knowledge of the self is time, length, width and volume; it can be accumulated, used as a ladder to become, to improve, to achieve. This knowledge will in no way free the mind of the burden of its own reality. You are the burden; the truth of it lies in the seeing of it and that freedom is not the reality of thought. The seeing is the doing. The doing comes from the stability, the clarity, of nothingness.

24 TH APRIL 1975

Every living thing has its own sensitivity, its own way of life, its own consciousness, but man assumes that his own is far superior and thereby he loses his love, his dignity and becomes insensitive, callous and destructive. In the valley of orange trees, with their fruit and spring blossom, it was a lovely clear morning. The mountains to the north had a sprinkling of snow on them; they were bare, hard and aloof, but against the tender blue sky of early morning they were very close, you could almost touch them. They had that immense sense of age and indestructible majesty and that beauty that comes with timeless grandeur. It was a very still morning and the smell of orange blossom filled the air, the wonder and the beauty of light. The light of this part of the world has a special quality, penetrating, alive and filling the eyes; it seemed to enter into your whole consciousness, sweeping away any dark corners. There was great joy in that and every leaf and blade of grass was rejoicing in it. And the blue jay was hopping from branch to branch and not screeching its head off for a change.

громкого крика. Это было чудесное утро, полное света и глубокого чувства.

Время породило сознание с его содержанием. Сознание культивировано временем. Его содержание составляет сознание; без этого содержания нет сознания в том виде, в котором мы его знаем. Тогда ничего нет. Мы передвигаем маленькие частицы в этом сознании с одного места на другое в соответствии с давлением причины и обстоятельства, но все в той же сфере страдания, печали и знания. Это движение есть время, мысль и мера. Это бессмысленная игра в прятки с самим собой, тень и сущность мысли, прошлое и будущее мысли. Мысль не может удержать это мгновение, так как оно не от времени. Это мгновение – окончание времени; время остановилось в это мгновение. В этом мгновении нет движения, и потому у него не существует отношения с другим мгновением. Оно не имеет причины и поэтому не имеет начала и не имеет конца. Сознание не может вместить [17 – Contain – сдерживать, удерживать, содержать в себе, включать, вмещать.] его. В этом мгновении ничто существует всё.

Медитация – это освобождение сознания от его содержания.

It was a lovely morning of light and great depth.

Time has bred consciousness with its content. It is the culture of time. Its content makes up consciousness; without it, consciousness, as we know it, is not. Then there is nothing. We move the little pieces in this consciousness from

one area to another according to the pressure of reason and circumstance but in the same field of pain, sorrow and knowledge. This movement is time, the thought and the measure. It is a senseless game of hide and seek with yourself, the shadow and substance of thought, the past and the future of thought. Thought cannot hold this moment, for this moment is not of time. This moment is the ending of time; time has stopped at that moment, there is no movement at that moment and so it is not related to another moment. It has no cause and so no beginning and no end. Consciousness cannot contain it. In that moment of nothingness everything is.

Meditation is the emptying of consciousness of its content.

БРОКВУД ПАРК, ПЕРВЫЙ

ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ

(ДИАЛОГ С СОБОЙ)

АВГУСТ 1977

К: (Кришнамурти) Я полагаю, что у нас с вами будет дискуссия, но, боюсь, это слово означает, что мы будем пытаться найти истину путем спора, путем дебатов. А при наличии такого большого количества людей, дискуссия, боюсь, невозможна. Как и диалог, ведь диалог – это разговор между двумя дружелюбно настроенными людьми. А при таком количестве людей это невозможно. Мы также думали, что здесь передо мной могли бы разместиться десять-двенадцать человек, с ними можно было бы провести диалог, а те другие, которые хотели бы принять в нем участие, тоже могли бы присоединиться. Однако это тоже невозможно. Что же нам делать? Может провести встречу вопросов и ответов или диалог с двумя или тремя людьми, которых достаточно серьезно заботит их жизнь, окружение, их окружающая среда, политика т. п.; провести диалог с теми людьми, которые не выбраны специально, и с теми, кто хочет к ним присоединиться, не делая исключения? Итак, что мы выбираем?

У (участник): Последнее.

К: Вопросы и ответы?

У. Нет, диалог.

У. Разговор с несколькими людьми.

К: Вы хотите разговор с несколькими людьми? Тогда, кто будет выбирать этих нескольких? Если это сделаю я или кто-то еще, вы будете считать их нашими протеже.

У. Пусть те, кто хочет, выйдут вперед и будут участниками диалога.

У. Самое простое – это вопросы и ответы.

К: Вы бы предпочли вопрос-ответ? Так встречу вопросов и ответов или диалог между двумя или тремя людьми? И вы сами выберете этих людей; не говорящий, а кто-то из вас.

У. Давайте вы будете слушать и отвечать.

К: Как вы себе это представляете?

Я предлагаю нам начать с вопросов и ответов и посмотреть, что из этого получится. А затем с помощью этих вопросов и ответов, мы найдем тех, кто действительно может вести диалог, кто может обмениваться мнениями, кто может сказать: “Подождите, я не понимаю, что вы под этим имеете в виду; давайте поговорим об этом побольше”. Ведь это обсуждение между говорящим и вами. Можем мы попробовать? Сначала – вопрос-ответ, а затем – диалог, то есть обсуждение между двумя или тремя людьми. Сейчас посмотрим, что из этого получится.

Одну минуту, прежде чем вы зададите ваши вопросы, пожалуйста, мы задаем вопросы, касающиеся нашей жизни, нашей повседневной жизни. Как вызвать, или, пожалуй, возможно ли вызвать радикальную трансформацию в нашем повседневном существовании, в нашем сознании, радикальное изменение всего нашего способа мышления, того, как мы смотрим, наблюдаем, действуем. Это то, что волнует нас. И если вы будете задавать гипотетические или теоретические вопросы, то, боюсь, я не отвечу. Это очень просто и ясно. Пожалуйста, задавайте вопросы, непосредственно заботящие вас, так как вы – это остальное человечество; и если с помощью этих вопросов вы хотите понять, как разрешить ваши проблемы, как увидеть жизнь с совершенно другой стороны, тогда это имеет смысл. Но если вы обсуждаете, спрашиваете о том, что не является актуальным, фактическим, а теоретическим, тогда, боюсь, я не смогу ответить.

У. Я вижу, что общим среди всех нас является время. И я не могу этого видеть, не могу слышать, но я полагаю, что что-то существует. Вы можете сказать нам, что это такое?

К: В чем вопрос, сэр?

У. В том, что у всех людей есть нечто общее, что это?

К: На протяжении этих бесед и в прошлом мы уже объяснили, что повсюду в мире люди пойманы в ловушку печали, страдания, запутанности, неуверенности, беспорядка и т. д. и т. п. Это является общим для всех человеческих существ, живущих на этой несчастной земле.

У. Считаете ли вы, что психологический страх, жадность и насилие в каждом из нас являются прямой трансформацией физического насилия ради получения выгоды и добывания пищи? Другими словами, убийство животных – это причина нашего страдания?

К: Я не понял. Убийство животных...

У. ...для пищи и получения выгоды.

К: В чем вопрос, сэр?

У. Не думаете ли вы, что психологический страх, жадность и насилие в каждом из нас – это прямая трансформация многовекового физического насилия.

К: О, я понимаю. Биологи и другие говорят, что человек эволюционировал от животного и т. д. Животным свойственно насилие, следовательно мы это насилие унаследовали.

У. Именно так.

К: Нас действительно это волнует? Действительно ли это проблема, которая глубоко и серьезно занимает нас в повседневной жизни; имеется ли стремление быть свободным от этого? Подождите минуту, сэр, это то, о чем я спрашиваю. Если это так, то давайте поговорим об этом. Однако если вы скажете, что теоретически вы бы хотели быть свободны от этого, но все равно по-прежнему будете убивать животных, тогда это не имеет смысла.

Итак, что такое насилие? Как оно возникает? Ведь существует не только физическое насилие: бить друг друга, бросать друг в друга бомбы, убивать друг друга, но также другие разнообразные формы насилия. Психологический конфликт между людьми является насилием. Это форма насилия, несомненно. Другая форма насилия – когда мы подражаем, когда мы приспособляемся, когда мы следуем; все это – признаки, похожие на гнев и т. п. – это форма насилия. Верно? Итак, когда мы говорим о насилии, мы говорим не только о психологических факторах насилия, но так же и о физических действиях: избиении друг друга, бросании друг в друга бомб и т. д. и т. п. Террористы, тоталитарные государства, угнетающие людей, – все это формы насилия. Верно?

Теперь, возможно ли быть психологически свободным от насилия? Давайте начнем с психологического, не с физического. Мы говорим, что это возможно. Это возможно лишь тогда, когда вы можете столкнуться с ним лицом к лицу и заняться им, не так

ли, а не тогда когда у вас имеются теории, идеалы ненасилия и все остальное. Верно? Это – бегство от факта. Я хочу быть свободным от насилия, следовательно, должно быть осознание всех факторов насилия и наблюдение за ними; не бегство от них, не слова “я должен изменить их”, “я должен быть ненасильственным”. В попытке стать ненасильственным вы находитесь в конфликте. Верно? Вследствие того, что вы насильственны и хотите стать ненасильственным, вы делаете усилие, а само это усилие есть форма насилия. Мы можем продолжать отсюда?

Итак, возможно ли быть свободным от насилия и посмотреть на целостную проблему, эту сложную проблему насилия, психологически? Что означает, не подражаем ли мы, не пытаемся ли соответствовать, не приспособливаемся ли мы к тому образцу, который мы сами или другие установили для нас? Все это симптомы насилия, подобные гневу, ненависти, ревности. Теперь, можем ли мы оставаться с этим фактором насилия и без выбора осознать всю структуру насилия? Вы делаете это? Вы делаете это сейчас? Вы, сэр, задающий вопросы, делаете это? А спрашивающий, тот, кто задал этот вопрос, делает ли он это? Или это лишь теория о насилии? Когда имеется разделение между человеком и человеком, между женщиной и мужчиной, и т. д., то должен быть конфликт, который есть форма насилия. Национализм и т. п. – это формы насилия. Это очевидно. Когда существуют два различных догматических верования, каждое из которых пытается переделать другое, противостоять другому – это форма насилия. Итак, осознаем ли мы этот фактор в нашей жизни? А когда вы начнете осознавать это, что вы будете делать? Вы что, скажите: “Да, я осознаю это”, – и будете продолжать насилие? Таким образом это становится очень серьезным делом. Если человек действительно собирается быть свободным от насилия, он должен смотреть на него, жить с ним, понимать его, погрузиться в него и увидеть все многообразие его форм, близко познакомиться с ним, а когда вы близко познакомились с чем-то, это расцветает и увядает; вам не нужно бороться с этим.

У. Вы имеете в виду, что нам нужно стать насильственными, чтобы понять его?

К: Мы не имеем в виду, что вы становитесь насильственными, вы являетесь насильственными!

У. Что вы имеете в виду, говоря о цветении?

К: Сэр, посмотрите, я склонен к насилию. Я наблюдаю за ним. Так как я не убегаю от него, не подаю в лягу его, не трансформирую его во что-либо еще, как, например, в ненасилие, что является абсурдным: трансформация насилия в ненасилие – это глупость, это бессмысленно. Итак, поскольку я склонен к нас и лию, я позволяю ему выйти наружу, но не в действии. Пусть оно расцветает, пусть оно растет, и по мере того, как я наблюдаю за ним, оно растет и умирает. Вы не делали этого? То есть, сэр, когда вы в гневе, в сам момент гнева вы не осознаете, вы целиком наполнены им. Затем, секундой позже, вы говорите: “Я был зол”. Правильно? То есть вы разделили себя на не находящегося в гневе и на то, что вы были в гневе. То есть существует разделение между наблюдателем и телом, который говорит: “Я был в гневе, а я не должен злиться”. Верно? Итак, это разделение приносит конфликт, говоря: “Я не должен злиться; как мне избавиться от моего гнева?” – и т. д. и т. п. Однако если вы осознаете гнев в тот момент, когда он поднимается, и дадите ему выйти наружу не на словах, не в действиях, не говоря: “Я сейчас ударю тебя”; дадите ему расцвести, дадите ему выйти наружу, то вы увидите, что он очень быстро исчезает и увядает. И если вы сделаете это правильно, то вы никогда не будете в гневе снова, с ним покончено.

У. Можно ли сделать то же самое со страхом?

К: То же самое и со страхом.

У. Сэр, когда вы сказали что необходимо видеть целостность себя, я обнаружил, что это очень сложно, ведь я могу видеть лишь то, что появляется в настоящий момент. Является ли это целостностью себя? Является ли это всеми чувствами, целым ментального сознания?

К: Сэр, теперь давайте углубимся в это. Возможно ли полностью осознавать все содержание своего сознания? Вопрос в этом, не так ли? Я неправильно понял вопрос?

У. В одном моменте.

К: Я вернусь к этому. Во-первых, я спрашиваю, правильно ли я выражаю то, о чем меня спросили? Меня спросили, является ли возможным увидеть все содержание сознания одним взглядом и полностью осознавать всю эту вещь? Возможно ли это, если вы все время жили неполной жизнью? Верно? Ваш взгляд на жизнь неполон (частичен). Вы – бизнесмен, вы – врач, вы – политик, вы – ученый, вы – артист, вы – писатель, вы – рабочий, женщина и т. п. Все это отдельные части, не так ли? И вся наша обусловленность состоит в том, чтобы воспринимать жизнь частями. Верно? Вы следите за этим? Частями. Поэтому наша обусловленность будет мешать видению целостности, мешать одномоментному видению целого сознания. Поэтому нас должно заботить не то, как наблюдать целостность сознания, а то, почему ум или мозг наблюдает частями? Почему мозг не способен воспринимать происходящее целиком? Верно? Почему?

У. Что вы понимаете под наблюдением частями?

К: Разве мы не живем подобным образом? Когда я в офисе, я жесток, амбициозен, мне нужен успех, я безжалостен. А когда я прихожу домой, я говорю: “Дорогая, как ты?”

У. Это кажется почти необязательным, поскольку общество, кажется, требует, чтобы мы становились все более специализированными.

К: Да, общество требует, чтобы мы становились все более специализированными, что есть фрагментация. Общество требует это, потому что им нужно больше инженеров и т. д. Но мы спрашивает, почему мозг фрагментарно функционирует психологически? Как мы уже говорили, он тысячелетиями обуславливался таким образом. Теперь вопрос в том, возможно ли быть свободным от этой обусловленности? Не в том, как смотреть на целостность, а в том, как быть свободным от обусловленности националиста, араба, еврея, специалиста, доктора и т. п.? Рассматривать жизнь как целое. Потому что во фрагментах есть безопасность; во фрагментации, как физиологически так и психологически, это очевидно, не так ли? Нет? Я специализируюсь в том, чтобы стать гуру, и обнаруживаю, что в этой специализации есть высокая безопасность, как физически, так и психологически. Я специализируюсь как доктор, как инженер, как бизнесмен, как священник, как продавец, как кто угодно, и в этой фрагментации жизни, в этих фрагментах имеется высокая безопасность. А мозг и вся структура мозга требует безопасности. И он находит безопасность во фрагменте. Теперь, есть ли безопасность во фрагменте? Пожалуйста, следуйте за этим. Существует ли безопасность в разделении – на индуиста, мусульманина, на христианина, на араба, на еврея или в какой-то специализированной карьере? Существует ли безопасность? Вам нужно ответить самим. Я ответить не могу. Если безопасности нет, то обнаружить, что безопасности нет – это начало разумности, не так ли? Я говорю, что есть безопасность в том, чтобы быть, к примеру, коммунистом или католиком, ведь если я живу в католической стране, то я чувствую себя защищенным. Психологически я в это верю, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этой вере, в этой обусловленности имеется безопасность. Так же, если я коммунист, то я верю в определенные общественные теории, в силу государства и т. д. и т. п., в контроль; и в этой вере имеется высокая безопасность.

Итак, человеку следует разобраться, имеется ли безопасность в разделении. Верно? Каким бы выгодным, каким бы приятным, каким бы удобным оно не было, но есть ли безопасность в разделении, которое есть фрагментация? Очевидно, что нет. Теперь, понимание того, что во фрагментации отсутствует безопасность – это начало разумности. Только тот, кто неразумен, принимает это разделение и живет в этом разделении. Верно?

У. Сэр, если мы серьезные люди, то может ли это умение, о котором вы говорите...

К: О, подождите. Мы, кажется, еще не закончили разбираться с этим вопросом? Это очень сложный вопрос, а не просто каких-то пара минут. Мы живем фрагментарной жизнью. Сущностью фрагментации является “я”. Верно? “я” и “ты”, “мы” и “они”. Это сущность фрагментации. И мы так живем, мы так образованы, мы обусловлены подобным образом, вследствие потрясающей идеи или иллюзии того, что в этом есть безопасность. Теперь, для того, чтобы освободиться от этого, требуется много наблюдать, живя с представлением о том, что я действительно функционирую во фрагментации и что там, где есть фрагментация, должен быть конфликт и, следовательно, значительность, придаваемая “я”. Это все.

Итак, можете ли вы, может ли человек быть свободным от фрагментарности повседневного существования?

У. Сер, кажется, что во фрагментации нет безопасности, кажется, что она продолжается по привычке.

К: Это и есть привычка. Теперь, хорошо сэр. Не важно, привычка ли это. Пусть это привычка, так можете ли вы быть свободным от этой привычки, привычки быть обусловленным? Ведь иначе мы живем в постоянной борьбе друг с другом; как близки бы мы друг другу не были, мужем и женой или кем-то еще, должен существовать постоянный конфликт. Поэтому распадается так много семей, вам все это известно.

Итак, мы говорим, что наблюдать целостность сознания возможно лишь при отсутствии фрагментарного существования, тогда возможно увидеть все сразу. Мы все настолько привыкли к анализу, являющемуся продолжением фрагментации.

У. Сэр, не означает ли это, что целостность сознания – ничто?

К: Во-первых, целостность сознания – это его содержание, не так ли? Его содержание составляет сознание – гнев, ненависть, ревность, те бесконечные обиды, которые у нас имеются, национальности, верования, заключения, надежды; все это наше сознание. Возможно ли осознавать все это, не кусочек за кусочком, а в целом? А потом выйти за пределы этого, что означает быть свободным от этого содержания и увидеть, что произойдет. Но ни кто не хочет попробовать это!

У. Это кажется невозможным.

У. Не сказали бы вы, что попытка сделать это без сострадания, не имеет реального смысла в преобразовании человечества?

К: Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

У. Хорошо, тогда я попытаюсь прояснить это, если смогу. В субботу вы говорили о трех вещах: сострадании, ясности и умении. Вы очень ясно показали нам как умение действовать проистекает из ясности, а сострадание проистекает из...

К: Да, да, сэр.

У. Теперь, как нам обрести сострадание, если у нас нет сострадания? Если то, что привело нас сюда – не сострадание, то зачем мы здесь находимся? Мой вопрос к вам в том, что если мы обладаем таким сознанием, о котором вы сейчас говорили, если нет сострадания, то в чем тогда смысл?

К: Если нет сострадания?

У. Если в человеке нет сострадания?

К: Совершенно правильно, сэр. Смысла нет.

У. Это самое главное; то, что в человеке нет сострадания.

К: Совершенно правильно. В человеке нет сострадания. Почему?

У. В этом и вопрос.

К: Нет, углубитесь в это, сэр. Почему вы или я, или кто-то другой, будучи человеком, который является сущностью всего человечества, правильно сэр? Психологически он является сущностью всего человечества, поэтому, когда вы осознаете себя, вы представляете все человечество. И ни у вас, ни у другого нет сострадания. Почему?

У. Одной из проблем является ощущение того, что наши проблемы – это наши личные проблемы.

К: Наши проблемы не являются личными, они универсальны.

У. Одним из факторов, препятствующих состраданию, является ощущение того, что

это моя проблема.

К: Нет, мы пытаемся разобраться, почему люди, которые настолько сильно развились технологически, почему они не обрели такого простого, настолько разумного фактора, почему они не обрели сострадания? Почему?

У. Возможно, они слишком заняты.

К: Нет, не отвечайте. Разберитесь, почему вы, являясь человеческим существом, живущим на земле, где всем человеческим существам предназначено жить счастливо, почему у вас нет сострадания? У вас, а не у кого-то другого.

У. Сэр, я слишком испугана.

К: Мадам, вы слишком быстро отвечаете, вы не вникли в это.

У. Потому что я жаден, потому что я хочу слишком много.

У. У вас будет сострадание, когда вы увидите, что вы...

К: Вы даже не исследовали, вы даже пары секунд не посмотрели на себя и не задали себе вопрос: "Почему у вас нет сострадания?". А уже отвечаете, бросаетесь словами. Возможно это ваша защита. Почему у вас, со всем вашим опытом, со всем вашим знанием, со всей, стоящей за вами, цивилизацией, продуктом которой вы являетесь, почему у вас в вашей повседневной жизни оно отсутствует?

У. Может из-за самосохранения?

К: Вопрос ли это самосохранения? Для того чтобы понять, почему у вас этого нет, почему это отсутствует в человеческом сердце, разуме и взгляде, почему бы вам не спросить: "Любите ли вы кого-либо?"

У. Это неприятный вопрос, я имею в виду для меня. Я вообще не знаю, что такое любовь.

К: Пожалуйста, сэр, я спрашиваю вас. Я очень уважительно спрашиваю вас, любите ли вы кого-то или нет? Вы можете любить вашу собаку, но эта собака – ваш раб. Кроме животных, зданий, книг и любви к своей земле, любите ли вы кого-то? Не нужно ничего спрашивать в ответ. Хорошо?

У. (неразборчиво)

К: Просто слушайте, сэр. Выясните! Ничего не прося у того, кого вы любите, совершенно не завися от него. Ведь если вы зависите, то появляются страх, ревность, тревога, ненависть, гнев. А если вы к кому-то привязаны – это любовь? Выясните! И если все это не любовь – я этого не говорю, я лишь спрашиваю, – если все это не любовь, то тогда как у вас может быть сострадание? Мы спрашиваем о чем-то намного большем, чем любовь. А у нас нет даже обычной любви, просто любви к другому человеку.

Итак, что же нам делать? Мы можем продолжать дискутировать, отвечать на этот вопрос бесчисленное количество раз, но если вы, тот, кто слушает, не слушаете, не вникаете, не исследуете, тогда становится совершенно бессмысленным вести диалог или дискуссию, или встречу вопросов и ответов, когда вы активно не участвуете в исследовании.

У. Как нам выяснить, что такое любовь?

К: Я не хочу выяснять, что такое любовь. Все чего я хочу – это устранить то, что не является любовью, хочу быть свободным от ревности, от привязанности.

У. Это означает, что у вас не должно быть фрагментации.

К: Сэр, это лишь теория. Видите, мы опять вернулись к теории. Выясните – любите ли вы кого-то.

У. (неразборчиво)

К: Вы не слушали, мадам, вы не слушали, что говорил выступающий. Как вы можете любить, если вы заботитесь о себе? Верно? Ваши проблемы, ваши амбиции, ваше желание успеха, ваше желание всего остального. Вы второй, а кто-то первый, или кто-то первый, а вы второй. Это то же самое.

У. Я хотела спросить: “Возможно ли смотреть на чувство, не вовлекая в это мысль?”

К: Мы еще не закончили с этим вопросом, мадам.

Теперь, видите, мы задали так много вопросов; сейчас, как нам провести диалог об этом между двумя людьми, вы понимаете? Двое или трое, вы можете сесть здесь рядом, все вы можете сесть на этой платформе рядом со мной, если вы хотите, чтобы у нас было обсуждение, был диалог. Можем мы сейчас сделать это? Двое из вас или шестеро, сядут здесь вместе и скажут: “Послушайте, давайте углубимся в это. Я не на словах понимаю то, что любовь не может существовать, когда есть привязанность. Тогда, возможно ли мне быть свободным от привязанности?” Это – диалог. Тогда, можно у меня будет диалог с самим собой, а вы будете слушать?

У. С момента зачатья, до момента, когда людей вскармливают, обучают, люди эгоистичны, они никогда не учатся отдавать. С материнского чрева до появления в этом мире...

К: Мы говорим, сэр, что у меня будет разговор с собой, диалог с собой.

Слушая это, я осознаю, что я не люблю. Это факт. Я не собираюсь обманывать себя; я не собираюсь притворяться перед моей женой, что я люблю ее, или перед этой женщиной, или перед этой девочкой, или мальчиком. Прежде всего, я не знаю, что такое любовь. Но я знаю, что я ревнив, и знаю, что я ужасно привязан к ней, и что в этой привязанности есть страх, там есть ревность, тревога, там есть чувство зависимости. Я не хочу зависеть, но я зависим, потому что я одинок; мной помыкают в офисе, на фабрике, и я прихожу домой и хочу чувствовать покой и дружеское общение, хочу убежать от себя. Итак, я зависим, привязан к этому человеку. Теперь я спрашиваю себя: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Я не знаю, что такое любовь; я не буду притворяться – любовь к Богу, любовь к Иисусу, любовь к Кришне; я выброшу все это прочь. Итак, я спрашиваю: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Я спрашиваю это лишь для примера.

Во-первых, я не буду убегать от этого. Верно? Я не знаю, чем это закончится с моей женой. Когда я буду действительно независим от нее, мое отношение к ней может измениться. Она может остаться привязанной ко мне, а я могу перестать быть привязанным к ней или к какой-либо другой женщине. Пожалуйста, вы понимаете? Это не значит, что я хочу быть непривязанным к ней и уйти к другой женщине. Это глупо. У меня диалог с собой. Итак, что мне делать? Я не буду убегать от последствий полной свободы от привязанности. Я собираюсь исследовать. Я не знаю, что такое любовь, но я очень ясно, отчетливо, без всяких сомнений вижу, что привязанность к этому человеку означает ревность, чувство обладания, страх, тревогу и все остальное. Поэтому я спрашиваю себя: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Мне нужен не метод, а свобода от этого. Я не знаю. Я действительно не знаю.

Итак, я начинаю разбираться. Тогда я оказываюсь захваченным какой-то системой. Вы понимаете? Я оказываюсь пойманным каким-то гуру, который говорит: “Я помогу тебе стать непривязанным, делай это, это, это. Практикуй это, это”. Я принимаю то, что говорит этот глупый человек, потому что вижу важность того, чтобы быть свободным; а он обещает мне, что если я буду делать то, что он говорит, то я буду вознагражден. Вы понимаете? Я ищу вознаграждения. Тогда я говорю себе, как же я глуп. Я хочу быть свободным, а становлюсь привязанным к награде. Господи! Наконец-то! Думаю, лучше всегда разговаривать с собой!

Итак, я представляю все остальное человечество – я действительно это имею в виду, – поэтому во время диалога с собой я плачу. Вы понимаете? Я не улыбаюсь как вы. Это страсть для меня.

Итак, я не хочу быть привязанным и, тем не менее, обнаруживаю, что становлюсь привязанным к идее. Вы понимаете? То есть я должен быть свободным, а кто-то или какая-то книга, или какая-то идея, что-то говорит: “Делай это, и ты получишь

то". То есть вознаграждение становится моей привязанностью. Вы следите за мной? Поэтому я говорю: "Посмотри на то, что ты наделал, будь осторожен, не попадай в эту ловушку". Женщина ли это, способ или идея, это по-прежнему привязанность. Итак, теперь я внимателен. Я уже научился чему-то. То есть замена на что-то другое – это по-прежнему привязанность. Верно? Итак, я очень бдителен. Затем я спрашиваю себя: "Существует ли способ? Что мне делать для того, чтобы быть свободным от привязанности?" Каков мой мотив. Почему я хочу быть свободным от привязанности? Потому что она приносит боль? Потому что мне хочется достичь такого состояния, в котором нет привязанности, нет страха и т. п. Каков мой мотив? Пожалуйста, следите за мной, ведь я представляю вас. Каков мой мотив в желании быть свободным? И я внезапно осознаю, что этот мотив задает направление. Верно? И это направление будет командовать моей свободой. Вы улавливаете это? Итак, зачем мне иметь мотив? Что есть мотив? Мотив – это движение, надежда или желание чего-то достичь. То есть мотив – это моя привязанность. Мне интересно, следите ли вы за всем этим это? Пожалуйста, делайте это по ходу нашего разговора. Мотив становится моей привязанностью; не только моя жена, не только моя идея, метод, но и мой мотив. Он должен у меня быть. Итак, я постоянно функционирую в поле привязанности. Верно. Женщина, будущее и мотив. Я привязан ко всему этому. Я вижу, что это ужасно сложная вещь; я не сознавал, что быть свободным от привязанности будет означать все это. Верно?

Теперь, я вижу это так же ясно, как вижу на карте главные дороги, дороги второстепенные, деревни; я вижу это очень ясно. Тогда я говорю себе: "Теперь, возможно ли быть свободным от этой огромной привязанности к своей жене, а так же к вознаграждению, которое я думаю, что получу, и от моего мотива?" Я привязан ко всему этому. Почему? Не потому ли, что я не являюсь самодостаточным? Не потому ли, что я очень, очень одинок и поэтому ищу, как убежать от этого необычного чувства изоляции и поэтому цепляюсь за что-то: за женщину, идею, мотив. Держусь за что-то. Я вижу, что это так, что я одинок и через привязанность к чему-то убегаю от этого чувства исключительной изоляции. Верно? Итак, привязанность меня совершенно не интересует. Меня интересует, почему я одинок, так как я вижу, что это то, что делает меня привязанным. Вы понимаете? Вы следуете за мной, за моим диалогом с собой? Я одинок, и это одиночество через привязанность заставляет меня убежать к этому или к тому, и я вижу, что пока я одинок, это последовательность всегда будет таковой. Итак, я должен исследовать, почему я одинок? Что это означает? Верно? Что это означает – быть одиноким? Как это приходит? Что это – инстинкт, нечто унаследованное или вызванное моей повседневной деятельностью? Вы понимаете? Я вникаю в это. Я веду диалог с собой.

Если это инстинкт, если это что-то унаследованное – в чем я сомневаюсь, так как не принимаю ничего, – то это часть моей судьбы; в этом некого винить. Но так как я не принимаю ничего из этого, то я задаю вопрос: "Почему существует это одиночество?" Теперь, я задаю вопрос и остаюсь с вопросом, не пытаюсь отыскать ответ. Мне интересно, вы понимаете это? Кто-нибудь следит за этим? Я спросил себя, в чем корень этого одиночества, и я пристально наблюдаю, я не пытаюсь отыскать разумный ответ. Я не пытаюсь сказать этому одиночеству, что ему следует делать или чем оно является. Я пристально слежу за ним для того, чтобы оно сказало мне. Мне интересно, вы понимаете это? Мы куда-нибудь идем вместе?

Для того, чтобы одиночество раскрыло себя, нужна бдительность. Оно не раскроет себя, если я убегаю прочь, если я испуган, если я сопротивляюсь ему. Итак, я внимательно наблюдаю за ним. Я внимательно наблюдаю так, что не вмешивается не одной мысли. Внимательное наблюдение намного более важно, чем вторжение мысли. И в связи с тем, что вся моя энергия вовлечена в наблюдение за этим одиночеством, мысли не возникает вообще. Вы следите? Так как уму брошен вызов, он должен ответить. Если вам брошен вызов, то вы в состоянии кризиса. А в состоянии кризиса у вас имеется вся энергия, и эта энергия сохраняется без вмешательства. Мне интересно, вы следуете за этим? Ведь это – вызов, на который необходимо ответить.

У. Как нам удержать эту энергию? Как мы можем что-то сделать с ней?

К: Она уже пришла. Вы все упустили.

Смотрите, я начал с диалога с самим собой. Я спросил себя, что это за странная вещь, которая зовется любовью? Все говорят о ней, о ней пишут – все эти романтические стихи, картины, секс и многое другое, относящееся к ней. Я спрашиваю: "Есть ли у меня любовь?" Существует ли такая вещь как любовь? Я

вижу, что ее нет, когда есть ревность, ненависть, страх. Итак, любовь больше не волнует меня; меня заботит то, что есть: мой страх, моя привязанность. Почему я привязан? Я вижу, что одной из причин – я не говорю, что это единственная причина – является то, что я отчаянно одинок, изолирован. Чем старше я становлюсь, тем более я изолирован. Итак, я внимательно наблюдаю за этим. Это вызов – разобраться в этом; а так как это вызов, то вся моя энергия, отзывается на него. Это просто, не так ли? Когда в семье кто-то умирает – это вызов. Если произошла какая-то катастрофа, авария или нечто подобное, то это вызов, и у вас есть энергия для того, чтобы встретить его. Вы не спрашиваете: “Где мне взять эту энергию”. Когда дом в огне, у меня есть энергия чтобы действовать, необычайная энергия. Я не откидываюсь на спинку стула и не говорю, что я должен собрать эту энергию, и после жду; за это время сгорит весь дом.

Итак, для ответа на вопрос: “Почему существует это одиночество?”, – есть потрясающая энергия. Я отверг идеи, предположения и теории, которые унаследовал, то, что инстинктивно. Все это не значит для меня ничего. Одиночество – это “то, что есть”. Итак, почему я одинок? Не я, а почему существует это одиночество, через которое поверхностно или крайне остро проходит каждый человек, если он вообще осознает. Почему это происходит? Почему оно входит в наше существование? Не ум ли делает что-то такое, что вызывает его? Вы понимаете? Так как я отверг теории, инстинкт и наследование, отверг все это, то я спрашиваю: “Это ум вызывает его?” Вы понимаете мой вопрос или вы уже устали?

Ум делает это? Одиночество означает полную изоляцию. Верно? Поэтому я спрашиваю: “Это ум, мозг делает это?” Ум частично является движением мысли; не мысль ли делает это? Вы следите за всем этим? В моей повседневной жизни, не он ли создает, вызывает это чувство изоляции? Вы понимаете? В офисе я обособляюсь потому, что хочу стать кем-то большим, самым старшим начальником, папой римским или кардиналом; вам это известно. Поэтому ум постоянно работает, обособляя (изолируя) себя. Вы внимательно следите за этим? Вы понимаете сэр?

У. Я думаю, что он изолирует себя вследствие того, что он переполнен.

К: Да.

У. В качестве реакции.

К: Да, это так, сэр, это так. Я хочу углубиться в это. Итак, я вижу, что мысль, ум постоянно работает для того, чтобы сделаться превосходящим, быть чем-то большим, работает для этой изоляции, в направлении этой изоляции. Верно? Ясно?

Итак, тогда вопрос в том, почему мысль делает это? В природе ли это мысли – работать для себя? В природе ли мысли создавать эту изоляцию? Общество ли приносит эту изоляцию? Образование ли приносит эту изоляцию? Верно? Образование приносит эту изоляцию; оно помогает мне сделать определенную карьеру, дает определенную специализацию и, таким образом, изоляцию. Мысль, будучи фрагментарной, будучи ограниченной и связанной временем, создает эту изоляцию. Вы следите? Итак, мысль является фрагментарной; ведь я уже обнаружил это, я уже обнаружил, что мысль – это ответ прошлого в форме знания, опыта и памяти, то есть мысль ограничена. Верно? Мысль связана временем. Итак, мысль делает это. Поэтому меня заботит то, почему мысль делает это? Это что, заложено в самой ее природе?

Я пришел сюда для обсуждения – подождите, сэр, – я пришел сюда для обсуждения, для диалога. Теперь у меня диалог с собой. Очень плохо! Я буду продолжать, потому что посмотрите, что привело меня к этому лидерству.

У. Это уже в четвертый раз. Я встаю, чтобы сказать что-то, а вы говорите, что у вас диалог с собой. Это глупо.

К: Но, сэр, скажите мне, пожалуйста, сэр, у вас со мной диалог?

У. Ну, я говорю что-то, что, как мне кажется, имеет отношение к тому, что говорите вы.

К: У вас со мной диалог?

У. Я не знаю.

К: Пожалуйста, сэр, мы сказали, что диалог означает беседу между двумя людьми. Мы разговариваем об одном и том же?

У. Мы не можем этого сказать, ведь каждый раз, когда у меня есть что сказать...

К: Я спрашиваю вас, сэр, не других, я спрашиваю вас: “Ведем ли мы вместе диалог об этом?” То есть о том, почему мысль создает эту изоляцию, если, конечно, она это делает.

У. Мне хочется этого. Потому что я думаю, что мы вернулись к началу, когда вы говорили о том, что такое любовь. Если есть моральное обязательство любить человека любой ценой, то это искусственность. А в этой искусственной любви никто не показывает своих истинных чувств, люди маскируют свою склонность к насилию вежливостью, которую называют любовью. Следовательно то, что действительно у них внутри, всё время остается скрытым, и поэтому мысль должна быть лживой, должна вести к изоляции, потому что никто не знает истинных чувств других, ведь все притворяются.

К: Вы обдумали это, сэр. Мы дойдем до того момента, когда мы не претворяемся. Я не знаю, что такое любовь. В этом диалоге мы сказали, что не знаем, что такое любовь. Я знаю, что когда мы используем слово “любовь”, в этом есть определенное притворство, лицемерие, одевание определенной маски. Мы уже прошли сквозь все это. В начале этого диалога мы уже углублялись в это. Итак, теперь мы дошли до точки, почему мысль, будучи фрагментом, почему она приносит эту изоляцию, если это она делает это. В моем диалоге с собой я обнаружил, что она делает это, потому что мысль ограничена, мысль связана временем, следовательно все, чтобы она не делала, должно быть ограничено. И в этой ограниченности она нашла безопасность. Она нашла безопасность, говоря: “В моей жизни есть особая карьера”. Она нашла безопасность, говоря: “Я профессор. Поэтому я великолепно защищен. Через семь лет...” И так до конца вашей жизни. И этом – огромная безопасность, как психологически, так и фактически.

Итак, мысль делает это. Теперь вопрос в том, может ли мысль сознавать, что все, чтобы она не делала, является ограниченным, фрагментарным и, следовательно, обособляющим (ведущим к изоляции), и что все, чтобы она не делала, будет таковым? Следовательно, может ли мысль – пожалуйста, у меня диалог, это очень важный момент, – может ли сама мысль осознать свои собственные ограничения? Или мысль говорит себе, что она ограничена? Вы понимаете разницу? Вы что спите? Мысль является мной; говорю ли я, что мысль ограничена, и поэтому она говорит: “Я ограничена.”? Или сама мысль сознает, что она ограничена? Это две совершенно различные вещи. Одна является навязыванием, и, следовательно, конфликтом; тогда как если сама мысль говорит, что она ограничена, то она не будет уходить от этой ограниченности. Пожалуйста, это очень важно понять, потому что в этом сама сущность вопроса. Мы навязываем мысли, что ей следует делать. Мысль создала “мы”, “я”, и мысль, и “я” отделило себя от мысли и говорит: “Я буду руководить, скажи мне, что мысль должна делать”. Но если мысль сама осознает, что она ограничена, тогда нет сопротивления, нет конфликта; она говорит: “Я такая. Я испорчена”.

Итак, в моем диалоге с собой я спрашиваю: “Сама мысль сознает ли это?” Или это я говорю ей, что она ограничена? Если я говорю ей, что она ограничена, тогда я отделяюсь от этой ограниченности. Тогда я борюсь для того, чтобы преодолеть эту ограниченность, тогда имеет место конфликт, являющийся и насилием, а это не любовь. Вы следите?

Итак, сознает ли сама мысль свою ограниченность? Я должен выяснить. Мне брошен вызов. Теперь у меня есть энергия; так как мне брошен вызов, у меня есть вся энергия. Осознает ли сознание – поставим вопрос по-другому – осознает ли сознание свое содержание? Осознает ли сознание, что его содержание является им самим? Или я слышал, что кто-то сказал: “Сознание – это его содержание, его содержание составляет сознание”, – и поэтому говорю, что это так. Вы следите? Или сознание, мое сознание, это сознание сознает свое содержание и поэтому само это сознание является целостностью моего сознания. Верно? Вы видите разницу между этими двумя? Первый навязан мной, тем “я”, который создан мыслью; тогда если я навязываю что-то мысли, то существует конфликт. Верно? Это похоже на навязывание чего-то кому-то деспотическим правительством, однако это правительство есть то, что я создал.

Итак, мы спрашиваем: “Сознает ли мысль свою собственную незначительность, свою собственную мелочность, свои собственные ограничения, или она притворяется, что она – нечто необыкновенное, возвышенное, божественное?” Что является чепухой, так как она – это память, опыт, воспоминание. Итак, я должен, в моем диалоге должна быть ясность по поводу того, что нет внешнего влияния, оказываемого на мысль, говорящего, что она ограничена. Тогда мысль, вследствие того, что нет навязывания, что нет конфликта, вследствие этого она сознает, что она ограничена. Следовательно, все, чтобы она не делала: ее поклонение богу, ее поклонение Иисусу, ее поклонение ограничено, фальшиво, мелочно, хотя она и создала по всей Европе эти чудесные соборы.

Итак, в моем разговоре с собой было сделано открытие того, что одиночество создано мыслью. Теперь мысль сама осознала, что она ограничена, и поэтому не может решить проблему одиночества. Вы понимаете? А так как она не может решить проблему одиночества, то существует ли одиночество? Вы понимаете мой вопрос? Мысль создала это чувство одиночества. Верно? И мысль сознает, что она ограничена, и так как она ограничена, фрагментарна, разделена, то она создала это, эту пустоту, одиночество; поэтому, когда она сознает это, одиночества нет. Мне интересно, вы понимаете это? Верно?

И, следовательно, есть свобода от привязанности. Я не сделал ничего. Вы понимаете? Я внимательно наблюдал за привязанностью, за тем что она заключает в себе: за жадностью, страхом, одиночеством, за всем этим; и, следя за этим, наблюдая за этим, не анализируя это, а просто глядя, глядя и глядя на это, пришел к открытию того, что мысль сделала все это. Верно? Мысль, вследствие своей фрагментарности, создала эту привязанность. Поэтому когда она сознает это, привязанность прекращается. Мне интересно, вы видите это? В этом нет совершенно никакого усилия, ведь в тот момент, когда имеет место усилие, это возвращается. Вы понимаете?

Итак, мы сказали, что если в любви нет привязанности; что если есть привязанность, то нет любви. Произошло устранение основного фактора через отрицание того, чем это не является, то есть того, что любовь – не привязанность. Я знаю, что это означает в моей повседневной жизни: никакого воспоминания о том, что моя жена, моя подруга или мой сосед сказали мне, никакого воспоминания о какой-либо обиде, никакого образа о ней, потому что я привязан к образу, а не к ней. Я привязан к тому образу, который мысль создала о ней. Она обидела меня, ссорилась со мной, она утешала меня, я получал удовольствие в сексе, десять других разных вещей, которые все являются движением мысли, создавшей этот образ; и это и есть тот образ, к которому я привязан. Итак, привязанность ушла.

Существуют и другие факторы: страх, удовольствие, удобство нахождения с этим человеком или удобство этой идеи. Теперь, нужно ли разбирать их все шаг за шагом, один за другим, или все кончено? Вы понимаете мой вопрос? Нужно ли мне разбираться, нужно ли мне так же, как я исследовал привязанность, исследовать страх. Должен ли я исследовать стремление к удобству? Должен ли я наблюдать за тем, почему я ищу удобства? Не потому ли, что я не самодостаточен, и следовательно хочу удобства, хочу удобное кресло, удобную женщину или мужчину, или чего бы то ни было, удобную идею? Я думаю, этого хотят большинство из нас. Иметь удобную, безопасную идею, которая никогда не может быть поколеблена, и к которой я смертельно привязан; поэтому, когда кто-то говорит, что это вздор, я злюсь, я ревную, я расстраиваюсь, потому что он сотрясает мой дом. Итак, я говорю, что не должен проходить через все это исследование всех этих разнообразных факторов; я вижу это одним взглядом, я уже ухватил это. Вы понимаете это сейчас?

Итак, через отрицание того, что не является любовью, приходит любовь. Мне не нужно спрашивать, что есть любовь. Мне не нужно искать ее. Если я ищу ее, то это не любовь, это вознаграждение. Итак, в этом исследовании я медленно, внимательно, без искажения, без иллюзий опроверг, завершил все, чем это не является, тогда другое есть.

Теперь, у меня был хороший диалог с собой.

У. Можно мне задать вопрос? Возможно, я не уловила этого. Вы сказали, что одиночество создается через переживание одиночества?

К: Я уже объяснил все это, мадам. Не то чтобы я объяснил, у меня был диалог с собой. Если бы вы слушали его, вы бы уловили это.

КНИГА ЖИЗНИ

Шри-Ланка, первая публичная беседа

9 ноября 1980

Во-первых, я бы хотел указать на то, как сложно общаться с тем человеком, чья культура, чье воспитание может быть полностью отличным от вашего. И, если я могу указать, мы не говорим ни о какой философии, ни о каких теориях, ни о каких новых идеях или идеалах. Мы собираемся вместе, как двое старых друзей, обсудить проблемы нашей повседневной жизни. Для того, чтобы внимательно, осторожно и мудро углубиться в это, человек должен взглянуть на то, что реально происходит в мире, не только на этом острове, но также в Европе, Америке, Китае, России и Индии. В мире – огромный хаос, беспорядок. Общество испорчено, аморально; налицо огромная несправедливость, существует бедность. Все народы готовятся к войне, они готовы убивать друг друга во имя религии, по экономическим причинам, во имя своего национального суверенитета. Они хотят убивать других ради своей личной безопасности. В этой стране имеется религиозное разделение. У вас есть Хинаяна и Махаяна. В Индии существует бесконечное множество богов и всевозможные разделения. Христианство также разделено на католиков, протестантов и различные другие секты. В мире существует национальное, религиозное, экономическое разделение. Имеет место инфляция, перенаселенность, бедность и все те ужасающие вещи, происходящие в мере. Национализм с его технологией уничтожит человека. Это факты. Это не идеи или мнения выступающего, но те факты, которые находятся прямо перед нами, если только вы желаете смотреть, слушать.

Зная все то, что происходит снаружи, каково состояние человек? Не человека в абстрактном смысле, не в качестве абстрактной идеи, но человека подобного вам, мне и другому. Каково наше состояние? Я думаю важным является понять наши отношения, отношения между человеком и обществом. Обществом в том виде, в каком оно существует сейчас, которое коррумпировано, которое очень несправедливо. Нами неправильно управляют. Это общество создано человеком, создано вами, нами, многими; создано нашими великими дедами и т. д. Это общество создано человеком, и, следовательно, оно может быть полностью, радикально изменено. Это изменение общества всегда было мечтой человека. Начиная с древности и до нашего времени, существовали философы, много говорившие об этом, написавшие многие томы о том, каким должно быть общество. Происходили революции: на Западе – французская, в России – коммунистическая. Люди постоянно боролись за то, чтобы революция принесла изменение окружающей обстановки. Коммунисты делают это, социалисты и другие левые пытаются по-своему добиться этого, так же как правые; однако эта физическая революция не принесла серьезного изменения. Это опять факты. Она принесла новую иерархию, новое поколение богатых, новое поколение могущественных, господствующих, деспотичных людей. И хотя структура общества несколько изменилась, в основе своей оно осталось таким же, каким было на протяжении тысячелетий.

Мы наблюдаем все это и делаем это вместе. Пожалуйста, если я могу указать, не забывайте о том, что во время этих бесед мы думаем, смотрим, наблюдаем вместе. Выступающий не указывает вам на то, что вы должны слушать или не слушать, чему уделять внимание или нет, но вместе вы, каждый из вас и выступающий, вместе мы собираемся исследовать, изучить то, почему мы так живем, почему люди деградировали: вокруг так много наркотиков, алкоголизма, насилия и всевозможных форм аморальности. И вместе, пожалуйста, не забывайте, я буду много, много раз повторять, что вы не просто слушаете беседу какого-то странного иностранца, а мы вместе, как два человека, спокойно, разумно, здраво исследуем, вместе изучаем то, почему человек находится в этом состоянии.

Итак, мы не говорим о теориях, верованиях, догмах и всей этой чепухе. Для меня, для выступающего, они не могут быть основанием для национальной принадлежности. Мы вместе посмотрим на то общество, в котором живем, и на то, что с ним делать.

Выступающий говорит именно об этом, он говорит о вас. Он не говорит о чем-то другом; он говорит о человеке, который есть вы, о том, почему этот человек, проживший тысячи и тысячи лет, разившийся благодаря огромному количеству опыта, накопивший огромное количество знаний, – как технологических, так и в области психологии – почему мы – люди пришли к этому современному состоянию хаоса, несчастья, смятения. Я надеюсь, что это совершенно ясно. Совершенно ясно, что мы не говорим о какой бы то ни было теории, не занимаемся какой-либо пропагандой, а вместе говорим о вас, о вас, как обо всем остальном человечестве. Человечество страдает, каждый человек в этом мире, где бы он ни жил, страдает, проходя через сильную тревогу, огромную неуверенность, постоянную борьбу не только с самим собой, но и с тем, что его окружает. У него, как и у вас, множество страхов, он страдает от депрессии, неуверенности, как и вы. То есть мы – это человечество, вы – это человечество. Пожалуйста, следите за этим, внимательно следите за тем, что вы слышите.

Вы знаете, слушание – великое искусство. Это одно из тех великих искусств, которое мы не развили, искусство полностью слушать другого. Когда вы полностью слушаете другого, что, как я надеюсь, вы делаете сейчас, вы также слушаете себя, слушаете свои собственные проблемы, собственную неуверенность, собственное страдание, смятение, слушаете свое желание быть в безопасности, медленную деграцию ума, становящегося все более и более механическим. Мы вместе говорим о том, чем являются люди, то есть, чем являетесь вы. Итак, психологически, вы – это мир, а мир – это вы. У вас могут быть темные волосы, темный цвет лица, другие могут быть выше, светлее и иметь узкие глаза, но, где бы они ни жили, в каком бы климате, в каких бы обстоятельствах, в изобилии или нет, каждый человек, подобно вам, проходит через всю эту суету, весь этот шум жизни, жизни, в которой совершенно отсутствует красота, никогда не видя ни сверкания травы, ни великолепия цветка. Итак, вы и я, и другие являемся миром, потому что вы страдаете, ваш сосед страдает, не важно находится ли он за десять тысяч километров отсюда, он такой же, как вы. Ваша культура может отличаться, ваш язык может быть другим, но в своей основе, внутри, в глубине вы такой же, как другой. И это факт. Это не теория, это не что-то такое, во что вам нужно верить. Это факт. Поэтому вы – это мир, а мир – это вы. Я надеюсь, вы слушаете это. Как мы говорили, мы утратили искусство слушания. Когда вы слушаете утверждение о том, что вы – это мир, а мир – это вы, то, так как вы, возможно, никогда не слышали этого раньше, это может показаться странным, нелогичным или нереальным. Поэтому вы невнимательно слушаете это и надеетесь, что я перейду к разговору о других вещах; то есть, вы никогда не слышите истины чего бы то ни было. Если мне можно попросить вас, пожалуйста, внимательно слушайте не только выступающего, но и себя, слушайте то, что происходит в вашем уме, в вашем сердце, в ваших реакциях и т. д. Слушайте все это. Слушайте птиц, слушайте машину, проезжающую мимо, чтобы быть чувствительным, живым, активным. Итак, будете так добры – слушайте, и тогда мы сможем продолжать.

Человек, согласно ученым, произошел в результате эволюции от обезьяны миллионы лет назад. Наш мозг это результат времени многих, многих тысячелетий. Этот мозг, этот человеческий ум сейчас обусловлен страхом, тревогой, национальной гордостью, языковыми ограничениями и т. п. Итак, вопрос состоит в том, что для того, чтобы создать в мире другое общество, вы, как человеческое существо, являющееся остальным человечеством, должны радикально измениться. Реальная проблема в этом, а не в том, как прекратить войны. То, как сохранить на Земле мир, тоже проблема, но все это периферические, вторичные вопросы. Главный вопрос в том, может ли человеческий ум, являющийся вашим умом, вашим сердцем, вашим состоянием, может ли он претерпеть полную, фундаментальную, глубокую трансформацию. В противном случае мы уничтожим друг друга из-за нашей национальной гордости, из-за наших языковых ограничений, из-за нашего национализма, который поддерживается политиками ради собственной выгода и т. п.

Итак, я надеюсь, что выразил это очень ясно. То есть, возможно ли вам, как человеку, психологически являющемуся остальным человечеством – внутренне вы такой же, как остальные люди, живущие в мире, – возможно ли вашему состоянию измениться? Не измениться для того, чтобы превратиться в кого-то еще. Вы понимаете вопрос? Когда мы говорим измениться, то возникает вопрос: кем мы должны стать? Об изменении чего и превращении во что идет речь? Если вы задаете этот вопрос, что совершенно естественно, то вы пытаетесь вообразить то, что должно быть. Мне интересно, понимаете ли вы все это? Можно мне продолжать? Можно? Я не знаю, вызывают ли мои слова отклик в ком-либо. В моих словах есть какой-либо смысл? Не могли бы вы сказать мне? Мы следуем друг за другом? Или вы

просто слушаете какие-то слова, становясь увлеченными ими, или вы следуете глубокому смыслу этих слов? Это зависит от вас. Итак, мы говорим, спрашиваем, исследуем вместе, потому что вы человек, являющийся таким же, как и остальное человечество; вы должны слушать говорящего, слушать то, что он говорит о вас, и вы также должны слушать, наблюдать, смотреть внутрь себя по мере нашего продвижения. То есть общение возможно лишь в том случае, когда вы и выступающий движетесь вместе. А не тогда, когда вы неудобно или удобно сидите и от нечего делать слушаете. Это очень серьезный вопрос, это не развлечение, не интеллектуальный обмен словами или теориями. Мы имеем дело с тем, что реально существует. Это реальное является тем, что происходит в мире и в вас. Верно? Можем мы продолжать отсюда?

Во-первых, следует сказать о том, что существуют различные группы людей на западе и, возможно, на востоке, которые считают, что невозможно фундаментально изменить человека. Он прожил таким образом многие тысячи лет, и его состояние изменить невозможно. Вы можете несколько изменить его, но его человеческое состояние, то, каким он является, не может быть радикально изменено. Коммунисты говорили, что если вы измените внешнюю структуру, экономику, общественные условия, то человек, живущий в этих условиях, изменится. Есть также такие, которые говорят, что надо верить в бога, и что чем сильнее вера, тем лучше будут решаться ваши проблемы. Это три основные группы; но, конечно же, есть и другие, утверждающие, что человека невозможно радикально изменить. Есть такие, которые говорят, что надо изменить окружающую обстановку, и тогда изменится человек, и есть другие, так называемые религиозные люди, говорящие, что нужно иметь веру, и подходить к вещам так, как сказал бог, и тогда, возможно, человек способен радикально измениться. Все эти системы – под различными именами, в различных формах – снова и снова пытались, но человек, вы, на протяжении тысячелетий оставался практически неизменным. В том смысле, что вы по-прежнему страдаете, вы тревожитесь, вы одиноки, неуверенны, уязвимы, боитесь и т. п. Когда человек признает эти факты, а они являются фактами, тогда возникает вопрос: что человеку делать? Вы понимаете мой вопрос? Вы все понимаете по-английски?

Аудитория: Да.

К: Наконец-то! Эта абсолютная тишина, конечно прекрасный знак, означающий, что вы слушаете, это правильно, но общаемся ли мы друг с другом? То есть, смотрим ли мы вместе в зеркало, которое выступающий помещает перед вами, смотрим ли мы в это зеркало, являющееся вами самими? Ведь то, что мы говорим, относится к поведению человека, к его бесконечной повседневной суете, к его взаимоотношениям с другим и т. п. Если это не совершенно ясно, не заложено глубоко, то медитация вообще не имеет ни какого смысла. Вы понимаете? Если в доме нет порядка – в доме, который есть вы, нет порядка, – то вы пытаетесь медитировать либо согласно Дзен, либо согласно тибетской медитации, либо Будде, либо индуизму, либо согласно последним разработкам в медитации какого-нибудь гуру. В этом случае ваша медитация приведет вас лишь к иллюзиям. В ней не будет реальности. Реальность есть в том, что мы закладываем в правильное основание, то есть в порядке, имеющимся в нашей жизни. Мы живем беспорядочно, мы живем в противоречии; мы говорим одно, а делаем другое; мы верим в одно, а делаем совершенно противоположное. являющееся вами? кало, которое выступающий помещает перед вами, смотрим ли мы в то зеркало, являющееся вами? Мы верим в какого-то бога или в какое-то божество, и это вера не имеет никакого реального значения в нашей повседневной жизни, являемся ли мы христианами, буддистами или принадлежим к какой-то другой религии. Эти верования, догмы, утверждения, директивы в нашей жизни совершенно не актуальны. Поэтому вы можете отвести все это в сторону – ваши беспокоящие религиозные догмы, верования, концепции, образы – и встретить жизнь в том виде, как она есть, не уходя в какие-нибудь причудливые романтические образы. Возможно, кто-то из вас не согласится со всем этим. Я рад этому. Если вы возражаете, это означаем, что мы думаем вместе. Но если вы не согласны – разберитесь. Не просто возражайте. Упорное стремление ставить все под вопрос необходимо для выживания человека. Ставьте под вопрос не только то, что говорит выступающий, но и свои верования, свой образ жизни, то, почему вы думаете подобным образом, почему вы так живете. Настойчивое, упорное стремление ставить под вопрос означает сомнение. Сомнение крайне важно, потому что если вы сомневаетесь, это дает вам огромную энергию. Вы начинаете сбрасывать весь тот груз, который человек, который вы, священники, аналитики, психологи и другие вам навязали. Вы начинаете освобождаться психологически, по крайней мере до какой-то степени.

Итак, пожалуйста, мы вместе исследуем человеческий ум, тот ум, который эволюционировал на протяжении тысяч и тысяч лет. Теперь мы дошли до той точки, где мы либо уничтожим друг друга из-за нашего глупого национализма, либо мы выживем, выживем в качестве возрожденных, свободных людей без груза всех тех священников, которые существуют, без той обузы, которая была навязана нам различными доктринами, теориями, идеями. Никто не спасет нас – ни священники, ни ученые, ни политики, ни экономисты, ни защитники окружающей среды. То, что спасет человечество, – это вы, вы, преобразующие себя. Итак, мы начинаем медленно углубляться в это.

Во-первых, жизнь – это движение в отношениях. Без отношений вы не можете существовать. Жизнь – это отношение и действие. Поэтому, во-первых, мы должны исследовать, что мы имеем в виду под «отношениями»? Это очень важно, ведь человек не может жить сам по себе. Он всегда связан с чем-то или кем-то. Он связан с другим человеком или связан с идеей, с концепцией, с образом, однако все это означает отношения вас и другого. Верно, господа? Пожалуйста, следуйте за мной. Теперь, каковы ваши отношения с другим? Это одна из наших проблем. Ведь наши отношения с другим – личные или нет – создали то общество, в котором мы живем. Если вы жадны, ревнивы, склонны к насилию, вы создаете это общество насилия, жадности и ревности. Итак, с самого начала мы должны отчетливо осознавать и разобраться в том, что есть отношения. Верно, господа? Все это интересно вам? Не относитесь к этому, как к чему-то несущественному. Действительно ли вы глубоко интересуетесь тем, что такое отношения? Каковы ваши фактические отношения, ваши фактические отношения с другим? Или вы испуганы? На чем основаны ваши отношения с вашей женой, с вашим соседом, с вашим правительством, не важно с кем? Ведь в этих отношениях должно быть понимание, не словесное или интеллектуальное понимание; в них должна быть глубина, полнота.

Мы вместе глубоко исследуем вопрос отношений. Человек не может существовать без отношений. Жизнь – это движение и отношение. Эти две вещи являются человеку основными. Каковы сейчас наши отношения с другим? Что есть ваши отношения с женой? Или вашей жены с вами, или ваши отношения с буддистским священником, или с индуистским, или с христианским? Что есть ваши отношения? Когда вы рассмотрите это ближе, вы увидите, что ваши отношения основаны на образах – на, построенном вами, образе бога, образе Будды, образе вашей жены, на вашем образе, построенном вашей женой. Это факт, не так ли? Верно? Образы между вами и вашей женой, образы, в которых есть как самое интимное, так и повседневное. Образ, который существует между двумя людьми; образ, который мужчина создает о своей жене, образ, который жена создает о нем, а отношения существуют между этими двумя образами. Верно? Вы согласны с этим? Согласны? Эти образы создаются через повседневное взаимодействие, секс, раздражение, утешение и т. д. Каждый человек создает свой собственный образ другого и образ себя самого. У него также есть образ бога, образ своего религиозного божества; ведь когда вы создаете образ, в этом образе имеется безопасность, каким бы фальшивым, каким бы нереальным, каким бы безумным он ни был. В этом, созданном умом образе, присутствует безопасность. Когда вы создаете образ своей жены, или когда ваша жена создает ваш образ, эти образы не являются тем, что на самом деле есть. Намного сложнее жить с тем, что на самом деле есть, и намного легче жить с тем образом, который вы построили. Итак, отношения существуют между образами, а, следовательно, отношений не существует вообще. Верно? Я надеюсь, вы следуете за всем этим. Это факт. Христианин поклоняется образу. Этот образ веками создавался священниками, создавался поклоняющимся, говорившими: «Мне нужен покой, мне нужна безопасность, мне нужен кто-то, кто будет ухаживать за мной; я запутан, я сбит с толку, я беззащитен, а в этом образе я нахожу безопасность». Мы превратились в поклоняющихся образу, мы не поклонники истины, не поклонники религиозной жизни, а поклонники образов: национального образа с его флагом, образа ученого, образа правительства и т. д. Создание образов – это одна из человеческих слабостей. Возможно ли вообще не иметь образов, а жить лишь с фактами, фактами того, что в действительности происходит? Вы понимаете? Мы понимаем друг друга? Нет? Кто-то кивает головой! Я рад, тогда мы можем обсуждать, мы с вами можем углубиться в это.

Почему ум создает образ? Жизнь – это не образ. К сожалению, жизнь – это борьба. Жизнь – это постоянный конфликт. Конфликт – это не образ. Это – факт, это то, что действительно имеет место; но почему ум создает образы? Под образом говорящий понимает символ, концепцию, заключение, идеал. Все это – образы, то есть то, чем я должен быть; я этим не являюсь, но я хотел бы этим стать. Это образ, который ум проецирует во времени, это то, что будет в будущем. Поэтому

это нереально. Реальным является то, что происходит в вашем уме сейчас. Можем мы продолжать отсюда?

Мы спрашиваем о том, почему ум создает образ? Не потому ли, что в образе присутствует безопасность. Если у меня есть жена, – которой у меня нет – я создаю ее образ. Само слово «жена» – это образ. И вследствие того, что моя жена является чем-то живым, изменяющимся, живущим, живым человеческим существом, я создаю ее образ. Для того, чтобы понимать ее, требуется намного больше внимания, больше энергии, а если у вас есть ее образ, то с этим образом намного легче жить. Вы следите за всем этим?

Во-первых, не являетесь ли и вы своим собственным образом, тем, что вы – великий человек или не великий человек, что вы являетесь этим, тем и т. д.? Когда вы живете с образами, вы живете с иллюзиями, а не с реальностью. Теперь, каков механизм создания образа? Все организованные, общепринятые, уважаемые религии всегда обладали неким образом. И человечество с помощью священника всегда поклонялось символу, идее, концепции и т. п. В этом поклонении человек находит утешение, безопасность, защищенность. Но этот образ является проекцией мысли. И для того, что бы понять природу этого, природу создания образов, вы должны понимать весь процесс мышления. Можем мы углубиться в это? Хорошо, сер? Вы пойдете со мной? Хорошо.

Итак, мы спрашиваем: что есть мышление? Это то, чем мы занимаемся на протяжении всего дня. Ваши города построены мышлением, ваши вооружения основаны на мышлении, политики основываются на мышлении, ваши религиозные лидеры, все в этом мире основано на мышлении. Поэты могут писать прекрасные стихи, но процесс мышления продолжаем. Итак, человек, если он серьезен, должен погрузиться в этот вопрос, исследовать – что есть мышление. Сейчас вы думаете.

Мы говорили о том, что создание образа стало человеческой привычкой, особенно это относится к миру религии, и о том, что у человека имеется образ самого себя, и мы спрашиваем: почему ум, ваш ум создает образы? Не потому ли, что в образах, какими фальшивыми, какими оторванными от реальности они бы не были, имеется безопасность? Не потому ли, что в иллюзии человек ищет безопасности? Итак, для того, чтобы понять процесс создания образов, являющийся общим для всего человечества, человек должен углубиться в вопрос того, что есть мысль, мышление и какова природа мысли. Мысли в целом. Мысль не создала природу. Человек не создавал этого тигра, эту реку, эти прекрасные деревья, этого леса и этих гор, этих теней, долин и этой красоты земли. Однако с помощью мысли человек создал разрушающие орудия войны, человек очень сильно продвинулся в хирургии, с помощью мысли человек создал мгновенную связь и т. д. Мысль ответственна за множество хороших вещей и за множество плохих. Это – факт. И тот человек, который серьезен, хочет разобраться в том, способна ли мысль когда-нибудь завершить какую-либо из этих проблем. Итак, мы должны спросить – хотите ли вы и достаточно ли вы серьезны для того, чтобы выяснить для себя, что такое мышление?

Мышление – это ответ памяти, накопленной в мозгу в качестве знания. Знание приходит из опыта. У человечества имелось огромное количество опыта, из которого оно извлекло и накопило огромное количество знаний – фактических, иллюзорных, невротических. Эти знания в качестве содержимого памяти отложены в мозге. И когда вы задаете вопрос, эта память отзывается в качестве мысли. Это – факт. Мы обсуждали этот вопрос со многими учеными, некоторые из них не соглашались, другие соглашались и т. д. Вы можете сами разобраться в этом; выяснить, что сначала вы переживаете опыт, вы помните этот опыт, который есть знание, и это знание с его памятью проецирует мысль. Это ясно? Верно, сэр? Нет? Не соглашайтесь со мной, пожалуйста. Разберитесь в этом сами. Посмотрите внутрь себя. Если бы у вас не было опыта, знания, памяти, то вы бы не смогли думать. Итак, знание через опыт, память и ответ на вызов, являющийся мыслью, и, полагаясь на эту мысль, мы живем. Знание всегда ограничено. Не существует полного знания о чем бы то ни было. Это – факт. То есть, мысль всегда ограничена. Мысль может построить собор, великолепную статую, написать прекрасное стихотворение, великолепную поэму и т. п., однако как бы прекрасна мысль не была, она рождена из знания и поэтому она всегда должна оставаться ограниченной, потому что знание всегда неполно, знание всегда находится в тени невежества. Верно, господа? Итак, мысль создала эти образы, мысль создала этот образ между вами и вашей женой, мысль со своей технологией создала эту национальную идею, которая разрушает этот мир и т. д.

Теперь, мы спрашиваем – возможно ли в повседневной жизни не иметь ни единого образа? Мысль должна действовать для того, чтобы помочь вам дойти отсюда до вашего дома. У вас должно быть знание о том, где находится ваш дом, какую дорогу вам нужно выбрать и т. д. Это знание должно существовать, иначе вы потеряетесь. Для того, чтобы говорить на каком-то языке, знание необходимо, знание необходимо выступающему для того, чтобы выступить на английском языке и т. д. Но нужно ли оно для того, чтобы создавать образ вообще? Вы понимаете мои вопросы, господа? Можем ли мы жить без единого образа, что означает без какой бы то ни было веры, идеала, – что не означает жизни в хаосе – без какой-либо концепции, ведь все они проекции мысли и, следовательно, все ограничены? Следовательно, действие – это несколько более сложно, не знаю, поймете ли вы все это, – действие, основанное на мысли, всегда ограничено. Тогда человек должен спросить – существует ли действие правильное в любых обстоятельствах? Мы движемся вместе? Да? Идем ли мы шаг в шаг по одной и той же тропе, или выступающий идет сам по себе? Ведь это очень серьезный вопрос, сер.

Наши умы вырождаются, становятся механическими, потерянными, и именно поэтому молодежь тоже становится потерянной. Мы – потерянные человеческие существа; у вас может быть работа, может быть дом, вы можете обладать разнообразными вещами, однако внутренне вы потеряны, вы неуверенны, запутанны. Вы не знаете, во что вам верить. По этой причине человек должен осознавать всю значимость мысли. Мы живем мыслью. Все, что мы делаем, основано на мысли. А так как мысль является неполной, то наши действия неполны, в нашей жизни отсутствует полнота. Зная, что в ней нет полноты, мы пытаемся заполнить ее чем-то таким, что даст нам ощущение полноты. Итак, наша жизнь – это постоянная борьба, и мы говорим, что этой битве в самих себе и снаружи может прийти конец. Она может закончиться только тогда, когда вы поймете себя, поймете себя ни с точки зрения какого-нибудь священника, какого-нибудь психолога или профессора, но глядя на себя в зеркало. Этим зеркалом являются ваши отношения. Они есть то зеркало, в котором вы можете изучать себя. Все то, чем вы являетесь, почему вы такой, почему вы думаете об этом, почему вы ведете себя подобным образом, все эти ответы вы обнаружите в этом зеркале отношений. Господа, вы – это история человечества. Вы – это книга, в которой без помощи какого-либо гида, какого-либо священника, без какого-либо гуру, без какого-либо философа, вы можете прочитать о себе все. Вы можете читать эту книгу, являющуюся вами. И если вы не будете читать ее очень внимательно, прислушиваясь ко всем ее нюансам, ко всей продолжающейся активности, то вы всегда будете жить в постоянном сражении, будете постоянно страдать, постоянно бояться. Поэтому разумному, искреннему человеку необходимо читать эту историю человечества, которая есть ваша история. Эта история – не образ. Она часть вас. Вы должны смотреть. Это означает, что вы должны очень внимательно прислушиваться к своим мыслям, к своим реакциям, к своим сомнениям, к своему несчастью; вы должны слушать это. Разберитесь. В слушании находится ответ. Однако вам нужно научиться искусству слушания, что означает научиться не интерпретировать то, что вы читаете, что вы видите, а наблюдать это без какого-либо искажения, просто наблюдать это.

Вы когда-нибудь наблюдали за облаком? Наверняка. В этой стране много облаков. Вы когда-нибудь наблюдали за ними? Когда вы наблюдаете за вещью, вы всегда называете ее. Само это название препятствует наблюдению. Вы понимаете? Верно, господа? Наш ум становится рабом слов; слова – это измерение, а наблюдать без того измерения, каким является слово, означает видеть вещи точно такими, какими они являются. Это означает наблюдать за собой, видеть себя в точности таким, какой вы есть без какого-либо искажения, без какого-либо направления, без какого-либо мотива, просто наблюдать это. Вы слушаете это утверждение и затем спрашиваете: «Скажите, как мне сделать это?» Верно? Таков ваш вопрос? Нет? «Скажите, как мне сделать это?» Теперь, когда вы задаете этот вопрос «как?», почему вы задаете его? Вы понимаете, о чем я сейчас спрашиваю? Я сказал о том, что во внимательном наблюдении, в слушании себя без какого-либо искажения, без какого-либо мотива, вы начинаете читать историю человечества, которое есть вы сами. Это настоящее образование, а не просто получение диплома и знаний о каких-то вещах. В этом заключается настоящее образование, в том, чтобы читать вашу жизнь в книге человечества, являющегося вами; а для того, чтобы читать эту книгу, вы должны наблюдать за каждой реакцией, каждой мыслью, так быстро меняющейся, сменяющей одна другую. Вы должны просто наблюдать за этим, не пытаясь контролировать это или отодвигать это в сторону, просто наблюдать за этим. Тогда вы скажите, что это очень сложно. А так как это сложно, то вы спрашиваете о том, как это сделать. Вы спрашиваете о методе. Когда вы задаете подобный вопрос, что это означает? Вы хотите знать, как читать эту книгу. Если

ребенок хочет научиться читать алфавит, он должен выучить алфавит. Итак, он постепенно внимательно продвигается, учиться, как писать буквы и т. д. То же самое и здесь – здесь не существует «как?», здесь есть просто наблюдение. В тот момент, когда вы спрашиваете «как?», вы просите системы, метода, а когда вы практикуете этот метод, эту систему, вы становитесь механичным. Вы – это живая вещь, а живая вещь не может быть понята с помощью системы. Вы должны наблюдать ее, двигаться вместе с ней, понимать ее; но для многих людей это очень сложно, и поэтому они спрашивают, как им это быстро сделать. К этому нет быстрого пути. Есть лишь терпеливое наблюдение самого себя. Терпение здесь означает отсутствие быстрых реакций, не следование за вашими идеями, за вашими мнениями – ведь все они являются частью вас, – а наблюдение за вашими мнениями. Поэтому это требует огромного терпения, огромного внимания, заботы, это требует интереса.

Итак, завтра мы рассмотрим природу нашей жизни в отношении страха, удовольствия, страдания и всего связанного с этим. Мы очень внимательно углубимся в это и посмотрим – сможем ли мы полностью прекратить страх. Хорошо, сэр. то вы человек, являющийся таким же, как и остальное человечество, поли ясно. совершенно несчастья, смятения. вшийся благодаря от

Шри-Ланка, вторая публичная беседа

9 ноября 1980

Не могли бы мы начать с того, о чем говорили вчера? Мы сказали, что вся история человечества находится в вас, огромное количество опыта, глубоко укоренившиеся страхи, тревоги, печаль, удовольствие и всевозможные верования, которые человек накопил на протяжении тысячелетий. Вы – это книга. Мы сказали это вчера. И читать эту книгу – искусство. Она не напечатана каким-либо издательством. Она не для продажи. Вы не можете купить ее ни в каком книжном магазине. Вы не можете пойти к какому-нибудь аналитику или ученому, сказав, что его книга такая же, как и ваша. У ученого может быть очень много информации по этому вопросу, как и у астрофизика, но его книга, история человечества, такая же, как и ваша. И без внимательного, с сомнениями, терпеливого, чтения этой книги, вы никогда не сможете изменить то общество, в котором вы живете, общество являющееся разложившимся, аморальным, в котором есть бедность, имеется огромная несправедливость и т. д. Любого серьезного человека должны заботить вещи, происходящие сейчас в мире – весь этот хаос, коррупция, война, которая есть самое большое преступление. Для того, чтобы вызвать радикальное изменение в нашем обществе и его структуре, нужно быть способным читать эту книгу, которая есть вы сами; а это общество создано каждым из нас, нашими родителями, прародителями и т. д. Все люди создали это общество, и если оно не будет изменено, то будет еще больше коррупции, больше войн и больше разрушения человеческого ума. Это – факт.

Итак, для того, чтобы читать эту книгу, которая есть вы, человек должен обладать искусством слушания того, что говорит эта книга. То есть нужно слушать ее, что означает – слушать, а не интерпретировать то, что говорит эта книга. Просто наблюдать ее, как вы наблюдали бы облако. Вы ничего не можете сделать с облаком, как и с горстью листьев, уносимых ветром, как и с красотой заката. Вы не можете изменить ее, вы не можете спорить с ней. Она просто такая. Итак, человек должен обладать искусством слушания того, что говорит эта книга. Это книга – вы, следовательно, вы не можете говорить ей того, что она должна открыть вам. Она открывает все. Итак, это должно быть первым искусством – слушание книги.

Есть и другое искусство, которое является искусством наблюдения, искусством видения. Когда вы читаете эту книгу, являющуюся вами, то не существует вас и книги. Пожалуйста, поймите это. Не существует читателя и отдельной от вас книги, книга – это вы. Итак, вы наблюдаете эту книгу, не говоря ей того, что она должна вам сказать. Я ясно выражаюсь? То есть нужно читать, наблюдать все те реакции, которые открывает вам книга. Очень ясно, без какого-либо искажения видеть то, что эти строки, главы, поэмы открывают вам; видеть все, что говорит вам эта красота, эта борьба.

Итак, есть искусство видения и искусство слушания.

Так же существует другое искусство – искусство обучения. Компьютеры могут

обучаться. Они могут программироваться и повторять то, что им было сказано. Если компьютер играет с мастером игры в шахматы, то мастер может выиграть у него три или четыре раза, но компьютер учиться. Он избегает сделанных ранее ошибок, он может исправлять их, то есть посредством опыта он учится и после нескольких игр становится способным обыграть мастера. Так же работаем ум, наш ум. Через опыт мы накапливаем знания, откладываем их в мозге, затем мысль, как память, а затем действие. Исходя из этого действия, вы учитесь. Таким образом, обучение – это дальнейшее накопление знания. Итак, вы начинаете с начала. Знание, опыт, знание, память и мысль, и действие. Этот цикл постоянно повторяется всеми нами. Я надеюсь, что ясно показываю, что каждое действие может приносить дополнительные знания, ум вносит изменения в свой прошлый опыт, и все повторяется снова. Это то, что ум, если он бодрствует, осознает, делает постоянно. Опыт, знание, память, мысль, действие, это действие изменяет или добавляет еще знания, и вы продолжаете действовать таким образом. Это ясно? Это то, что мы делаем постоянно, что мы называем обучением, обучением, проистекающим из опыта. Это было историей человека – постоянный вызов и ответ на этот вызов. И этот ответ может соответствовать вызову, может не совсем ему соответствовать, но имеет место обучение и накопление знания, поэтому в следующий раз вы отвечаете на вызов более полно или менее полно. Итак, этот процесс, называемый нами обучением, идет в наших умах постоянно. Вы учите язык. То есть, вы учите значения слов, синтаксис, грамматику, составление предложений, постепенно накапливаете словарный запас и затем, если у вас хорошая память, вы начинаете говорить на том конкретном языке, не который потратили время. Это – процесс человеческого обучения. То есть, это – постоянное движение от одного знания к другому. И эта книга – все знание человечества, которое является вами.

Я ясно выражаюсь? И вы либо (пожалуйста, уделите тому, что вы слушаете немного внимания и терпения) постоянно продолжаете этот круг, либо находите способ выйти из этого круга. Через минуту я покажу вам, что это означает. То есть, мы постоянно действуем, исходя из прошлого знания, изменяемого настоящим и движущегося в будущее. Это будущее опять изменяется, становясь прошлым, и этот процесс есть часть нашей жизни. Вы улавливаете все это? Я знаю, что вы возможно очень ученые люди, очень образованные, однако выражаю это, если вы не возражаете, очень, очень простым языком. Но ведь слово – не вещь, верно? Цейлон, Шри-Ланка, извините, не являются этой землей, ее красотой, этими пальмами, этими реками, этими прекрасными деревьями, фруктами и цветами. Итак, слово – это не вещь. Пожалуйста, не забывайте об этом на то время, пока мы разговариваем; помните, что слово – не вещь. Слово «муж» – это не человек, это – слово. С помощью слова мы измеряем. Итак, на протяжении этой и двух других оставшихся бесед, пожалуйста, помните, что слово никогда не является вещью. Символ никогда не может быть реальностью. Картина не является тем, что есть. Если это глубоко укоренится в наших умах, то слова будут иметь очень мало значения. Вы следуете за этим? Значение имеет вещь, а не слово.

Итак, как я сказал, искусство видения, искусство слушания и искусство обучения. Обучение – это движение от прошлого к настоящему, изменяющемуся в будущем, что есть обретение опыта и т. д. Весь этот цикл мы называем обучением. То есть, психологическим обучением, так же как и техническим обучением. Верно? Что это означает? Это означает, что ум никогда не бывает свободным от известного. Мы понимаем что-то вместе или я делаю это ужасно сложным? Это не сложно. Возможно, если выступающий может на это указать, мы не привыкли к подобному способу мышления, к подобному способу исследования, к постоянному движению вперед. Итак, как мы сказали, наше обучение постоянно находится внутри поля известного. И поэтому ум становится механичным. Верно? Если у меня есть определенная привычка, и я живу с этой привычкой, мой ум становится механичным. Если я верю во что-то и повторяю, повторяю, повторяю, это становится механичным. Итак, мы говорим, что мы постоянно живем внутри области известного. Поэтому наши умы становятся сетью слов; они никогда не бывают настоящим, но становятся словами, словами, словами и движением, изменением внутри этой узкой, ограниченной области знания.

Итак, обучение значит нечто совершенно иное. Мы вместе собираемся углубиться в это. Мы очень ясно сказали, что такое видение, как видеть эту книгу, как читать эти строки, что такое искусство слушания этой книги без какого бы то ни было искажения, никогда не перебивая, без выбора того, что вам нравится или не нравится, с чем вы согласны или не согласны. В противном случае вы не читаете эту книгу. Верно? Мы также говорим о том, что живем в узких границах известного. И о том, что это становится постоянной привычкой; поэтому ум (если вы изучите свой ум) становится склонным к повторению, чем-то привычным, знакомым. Если вы

верите в бога, то вы верите в бога до конца своей жизни. А если кто-то говорит, что бога не существует, то вы называете его неверующим. Итак, вы пойманы привычкой. Теперь, мы говорим, что это ни в коей мере следующий ответ на вызовов более ответственность, имеет опыта. не является обучением. Обучение – это нечто совершенно иное. Обучение означает исследование в границах знания и движение от знания прочь. Верно? Это будет сложно; мы углубимся в это по мере нашего продвижения.

Итак, есть искусство видения, искусство обучения, искусство слушания; и искусство видения означает искусство никогда не быть пойманным одной и той же моделью и не изобретать другой модели. Постоянное разрушение моделей, образцов, норм, ценностей не означает абсолютно несдержанной жизни. Сегодняшнее общество терпимо, оно совсем не против этого. Постоянное осознание той модели, которая формируется в мозге и ее разрушение приводит к тому, что ум постоянно осознает, он бдителен. Верно? Теперь, со всеми этими тремя факторами: слушанием, наблюдением и обучением, давайте вместе почитаем эту книгу. Вы читаете эту книгу вместе со мной. Я не читаю вашу книгу, мы читаем человеческую книгу, являющуюся и вами, и говорящим, и остальным человечеством. Ясно? Пожалуйста, уделите этому немного внимания ведь, мы живем в обществе, которое настолько несчастно, в котором присутствуем такой конфликт, такая борьба, такое соперничество, что, кажется, этому не будет конца. И мы видим, что если мы знаем, как читать эту книгу, являющуюся вами, то весь конфликт, весь шум, суматоха, все это придет к концу. Только тогда к вам может прийти истина. Только такой ум действительно религиозен; а не тот ум, который верит, не тот, который совершает все эти ритуалы, который надевает все эти странные одежды. Действительно религиозен тот ум, который становится свободен после того, как прочитает всю эту книгу. Только такой ум получает благословение истины. Только такой ум может отправиться в бесконечность за пределами времени.

Итак, вместе – я имею в виду вместе – мы читаем эту книгу, не книгу, которая напечатана, а книгу, которая является вами. Поэтому вы отвечаете не только за то, чтобы слушать, о чем говорит выступающий, но и за то, чтобы открывать эту книгу главу за главой, страницу за страницей до самого конца, если вы способны отправиться так далеко, ведь то, что он говорит – это ваша книга. И, если мы хотим разрешить проблемы человека, то нам нужно отправиться в это путешествие вместе. Вместе, а не поодиночке, мы сможем разрешить их.

Итак, какая у нас первая глава? Пожалуйста, подумаем вместе, не позволяйте мне говорить этого. Какая первая глава этой книги? То есть, вашей книги. Какая в ней первая глава? Каково содержание этой главы? Хорошо, давайте продолжать вместе. Если не брать в расчет физического существования, физического организма со всеми телесными страданиями, болезнями, ленью, неуклюжестью, отсутствием хорошей пищи, правильного питания, если не брать в расчет всего этого, то каково первое движение? Я спрашиваю вас. Мы исследуем вместе; это не я исследую и говорю вам, так было бы для вас слишком легко. Но если мы сделаем это вместе, то это станет вашим, и когда вы сможете читать, вам уже не нужно будет ходить к священнику, вам уже не понадобится психолог, вы перестанете зависеть от кого бы то ни было. Вы будете обладать необычайной свободой, которая даст вам потрясающую жизнеспособность, [18 - Vitality – жизнеспособность; жизнестойкость, жизнестойкость; живучесть, живость, энергия, энергичность.] жизнеспособность психологической свободы. Итак, давайте разделим эту книгу вместе. Вы ждете меня? Я боюсь, что да, ведь вы никогда не заглядывали в себя глубоко. Вы могли смотреть на свое лицо, причесывать свои волосы, припудривать свое лицо и т. д., но вы никогда не смотрели внутрь себя. А когда вы смотрите внутрь себя, разве вы не открываете того, что живете из вторых рук? Пожалуй, это неприятно – признать, что вы второсортное существо, но мы наполнены знанием других, тем, что кто-то сказал, тем, что сказал какой-то философ или какой-то учитель, или какой-то гуру, тем, что сказал Будда, Христос и т. д. Мы все наполнены этим. Также, если вы посещали школу, колледж или университет, там вам сказали, что делать, что думать. Итак, если вы осознаете, что вы – человек, живущий из вторых рук, тогда вы можете отодвинуть в сторону это качество подержанности ума и посмотреть.

Выступающий продолжит, если вы будете следовать за ним, если нет, то дело ваше. Первое, что вы увидите, это то, что мы живем в противоречии, что в нас нет порядка. Порядок – это не какой-то образец, что-то сказанное; порядок – это ежедневное помещение одной и той же вещи на одно и то же место. Однако порядок означает нечто намного большее, чем просто механическую дисциплину или определенную привычку, норму, директиву. Верно? Мы говорим, что порядок есть

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
нечто, совершенно отличное от общепринятой дисциплины. Слово «дисциплина», пришедшее из латыни, не означает соответствовать, имитировать, копировать, подчиняться, но означает учиться. Вы понимаете? Это понятно?

Итак, в этой книге, в ее первой главе человек обнаруживает, что мы живем необычайно запутанной, беспорядочной жизнью: мы хотим одного и отрицаем, что мы хотим этого, говорим одно, а делаем что-то другое, думаем одно, а действуем по-другому. То есть, имеет место постоянное противоречие. А там, где есть противоречие, там должен быть конфликт. Верно? Вы следуете за этим? Или вам уже скучно от этого? Скажите мне господа, пожалуйста, скажите мне, вы следуете за этим или нет?

Аудитория: Да.

К: Хорошо! Наконец-то кто-то сказал «да». Вы не следуете за выступающим. Вы следуете за книгой, являющейся вами, за тем, что вы живете беспорядочной жизнью, за тем, что вы находитесь в постоянном конфликте. Этот конфликт выражается в амбициях, достижении, отождествлении себя с каким-то человеком, со страной, с идеей; он выражается в том, что вы никогда не живете действительностью. Верно? Итак, мы живем в противоречии, как религиозно, политически, так и нашей семейной жизни. Поэтому нам нужно разобраться в том, что есть порядок. Книга расскажет вам об этом, если вы знаете, как ее читать. Она говорит, что вы живете в беспорядке. Если вы не понимаете причины беспорядка, то порядка ни будет никогда. Вы следите за этим? Знаете, это похоже на сражение с большой группой людей, которые не понимают из этого абсолютно ничего; но это не важно. Это ответственность выступающего.

Итак, мы обнаружили, что беспорядок существует, пока имеется противоречие, не только противоречие в словах, а психологическое противоречие. Как мы сказали, дело в отсутствии искренности, той абсолютной искренности, когда вы имеете в виду то, что говорите, когда вы обладаете огромной честностью. Итак, если человек понимает природу беспорядка, не на словах или интеллектуально, а действительно, то книга говорит: не превращайте то, что вы читаете в интеллектуальную концепцию, а читайте это правильно. Когда вы читаете ее, она говорит, что ваши противоречия существуют и могут прийти к концу, только если вы поймете природу противоречия. Противоречия существуют, когда есть разделение, например, на индуистов и мусульман, на евреев и арабов, коммунистов и не коммунистов, когда присутствует этот постоянный процесс разделения на различные направления в буддизме, различные направления в христианстве, индуизме и т. п. Там, где есть разделение, должен быть конфликт, который есть беспорядок. Когда вы понимаете природу беспорядка, то из этого понимания, из этого глубокого понимания природы беспорядка, естественно возникает порядок.

Порядок похож на цветок, который естественно распускается, и этот порядок, этот цветок, никогда не увядает. Если вы на самом деле, глубоко читаете эту книгу, которая говорит, что там, где существует разделение, должен быть конфликт, то в вашей жизни всегда существует порядок. Теперь, читали ли мы эту книгу настолько серьезно, что поняли природу беспорядка? Я углублюсь в это немного глубже. Следующая глава.

В следующей главе говорится о том, что до тех пор, пока мы действуем из центра к периферии, должно существовать противоречие. То есть, пока вы будете действовать эгоцентрически, эгоистично, исходя из личностного подхода, сужая целостность этой безграничной жизни до этого маленького «я», вы неизбежно будете создавать противоречие. «Я» — это очень незначительная вещь, созданная мыслью. Мысль говорит: «Мое имя»; она создает эту форму, эту психологическую структуру и этот образ о себе самой — «я есть кто-то». Поэтому, пока существует эгоцентрическая деятельность, должно существовать противоречие до тех пор пока мы действуем из центра к периферии, должно существовать противоречие. Ваше и, следовательно, беспорядок. И эта книга говорит: «Не спрашивайте о том, как не быть эгоцентричным». Верно? Пожалуйста, следите за этим очень внимательно. Это книга говорит, что когда вы спрашиваете «как?», вы спрашиваете о методе. Затем вы следуете этому методу, что есть другая форма эгоцентрической деятельности. Вы улавливаете это? Книга говорит вам все это. Это не я говорю вам. Выступающий не интерпретирует эту книгу для вас, мы читаем ее вместе. До тех пор, пока вы принадлежите к какой-либо группе, секте, религии, вы неминуемо создаете конфликт. Это совсем не сложно принять, ведь мы все верим во что-то. Вы верите в бога, а другой не верит; один верит в Будду, другой верит в Иисуса, а ислам

говорит, что есть что-то другое. То есть вера приносит рознь в отношения между людьми. Хотя мы и верим в бога, мы не живем религиозной жизнью. Вы понимаете? Вера не имеет никакой ценности. Вам не нужно верить в то, что солнце встает и садится, вы никогда не говорите, что верите в то, что солнце встает, или в то, что оно садится. Если оно не взойдет, то мы все погибнем в течение трех или четырех дней. Нет никакой нужды верить, когда вы имеете дело с фактами; имеющие место факты – это то, что происходит в вашей книге. Пожалуйста, господа, продолжим.

Затем также возникает проблема, в которую я скоро углублюсь, заключающаяся в том, как вы читаете книгу, отделены ли вы то книги. Когда вы берете в руки роман, вы читаете его как кто-то, находящийся вне его и перелистывающий страницы, следующий его захватывающему сюжету и т. д. Но в нашем случае читатель является книгой. Вы понимаете сложность. Читатель является книгой. Он читает ее так, как если бы читал часть себя. Он не читает книгу. Мне интересно, понимаете ли вы это? Мы углубимся в это позже. Эта книга говорит также, что человек живет под властью авторитета: [19 – Authority – власть, авторитет, вес, влияние.] политического, религиозного, авторитета лидера, гуру, знающего человека, философа-интеллектуала. Он всегда подстраивается под образец авторитета. Пожалуйста, слушайте очень внимательно, что говорит книга, а она говорит, что есть авторитет закона; согласны вы с этим законом или нет, у него есть авторитет; существует авторитет полицейского, авторитет избранного правительства и авторитет диктатора. Мы не говорим об этом виде авторитета. В книге мы читаем о том авторитете, которого ищет ум для того, чтобы находиться в безопасности. Ум, как говорит книга, постоянно ищет безопасности. А когда он ищет безопасности, как говорит книга, он неизбежно должен создавать авторитет – авторитет священника, авторитет образа, авторитет человека, говорящего: «Я просветлен, я скажу вам». Вы понимаете все это? То есть она говорит вам быть свободными от этого вида авторитета, что означает быть светом себе, и не зависеть ни от кого в понимании жизни, в понимании этой книги. Читать эту книгу означает не иметь никого между вами и книгой: ни философа, ни священника, ни гуру, ни бога, ничего. Вы – это книга, и вы читаете ее. Итак, должна существовать свобода от авторитета другого, авторитет ли это жены или мужа, мужа или жены. Это означает быть способным остаться одному, а большинство людей так испуганы.

Эта книга в следующей главе говорит, что вы обсудили, вы прочли первую главу о беспорядке, порядке и авторитете. Следующая глава говорит, что жизнь – это отношения. Жизнь – это отношения в действии, не только отношения с близким человеком, но ваши отношения со всем человечеством. Ведь вы являетесь остальными людьми, где бы они не жили; потому что он страдает, вы страдаете, с другими происходит то же, что и с вами. Психологически, вы – это мир, а мир – это вы. Поэтому на вас лежит огромная ответственность.

Затем, в следующей главе, книга говорит, что человек с незапамятных времен живет со страхом. Не только со страхом природы, страхом окружающей среды, страхом болезни, страхом несчастных случаев и т. д., но так же с намного более глубокими слоями страха, с бессознательными, неисследованными волнами страха. Мы собираемся дочитать эту книгу до конца этой главы, до того момента, где она говорит: «Наблюдайте за ним, и вы сможете положить ему конец». Вместе мы собираемся увидеть, собираемся читать эту книгу настолько терпеливо, настолько внимательно, что когда дойдем до конца главы, ваш ум будет свободен от какого-либо страха.

На следующей странице книга спрашивает: «Что есть страх?» Как он возникает, какова его природа? Почему человек не решил эту проблему? Почему он живет со страхом? Он что, привык к нему? Он что, принял его как образ жизни? Почему человек, человеческое существо, почему вы не решили эту проблему для того, чтобы ваш ум было полностью свободен от страха? Ведь до тех пор, пока есть страх, вы живете во тьме. А, будучи во тьме, вы можете поклоняться чему угодно. Ваше поклонение истекает из этой тьмы и, следовательно, оно абсолютно бессмысленно.

Итак, очень важно глубже вчитаться в природу страха. Теперь, если вы исследуете это глубже, если вы будете читать эту книгу, каждое слово в ней, то она спросит вас: «Как возникает страх?» Это что – память о событиях прошлого, память о какой-то боли, о чем-то сделанном вами, о том, что вы не должны были делать, память о лжи, которую вы сказали, и теперь испуганы тем, что она может

раскрыться, о каком-то действии, которое развратило ваш ум, и вы, возможно, боитесь это разрушения, этого действия? Или вы можете бояться будущего, боитесь потерять работу или боитесь не стать почетным членом какого-то общества. Итак, существует бесчисленное множество различных форм страха. Люди боятся темноты, люди боятся общественного мнения, люди боятся смерти (этого мы еще коснемся), люди боятся, что не достигнут того, чего хотят. Кроме страха болезни, человек мог испытать сильную физическую боль, которая отложилась в мозгу, и он боится, что она может вернуться. Вам известно все это. Итак, книга говорит вам продолжать, читать дальше. Что есть страх? Он вызывается мыслью? Вы следите за всем этим? Он вызывается временем? Я здоров, но когда я состарюсь, я заблею, и я боюсь. Это – время. Или то, что говорит, что со мной может случиться все что угодно, что я могу потерять работу, что я могу ослепнуть, что я могу потерять свою жену, – это мысль? «Не она ли – корень страха?» – спрашивает вас книга. А вы отвечаете: «Поверните страницу, и вы найдете ответ в самом себе». Выступающий не говорит вам. Книга говорит, что мысль и время являются факторами страха. Итак, она говорит, что мысль есть время. Верно?

Итак, тогда вопрос в том, – говорит следующая страница – возможно ли человеческому уму, возможно ли вам, тому, кто читает книгу, являющуюся вами, – книга спрашивает вас – быть полностью свободным от страха, свободным настолько, что не будет ни малейшего его следа? Что это означает? Я надеюсь, что вы читаете ее вместе со мной, а не я читаю один. У вас есть энергия следовать за этим? Итак, она говорит, что не нужно искать метода. Метод означает повторение, систему; изобретенная вами система не устранил страха, потому что вы следуете ей, не понимая природы страха. Итак, не ищите системы, а поймите, поймите природу страха. Она спрашивает: «Что вы имеете в виду под пониманием?» Что вы понимаете под этим? Вы либо понимаете словесную конструкцию и значение слова, что есть определенная форма действия интеллекта, либо видите истину этого. Если вы видите истину этого, тогда страх исчезает. Вы понимаете? Когда вы сами ясно видите, что мысль и время – это факторы страха, когда это не просто словесное выражение, а часть вас, когда это в вашей крови, в вашем уме, в вашем сердце, что время является этим фактором, тогда вы видите, что страха больше нет, есть лишь время. Вы понимаете? Мне интересно, уловили ли вы это? Ведь страх приносят время и мысль. Я боюсь того, что может произойти, я боюсь своего одиночества. Я никогда не исследовал своего одиночества, того, что оно означает, не я боюсь его, что означает – я убегаю от него; но это одиночество является моей тенью, оно преследует меня. Вы не можете убежать от своей тени. Поэтому у вас должно быть терпение наблюдать, что означает не убегать, а наблюдать, смотреть, слушать, слышать то, что говорит книга. А она говорит, что время является фактором, а не страх. Поэтому вы должны понять страх. Вы следуете за всем этим? Пожалуйста, господа, если вы устали, скажите мне. Уже половина седьмого и если вы устали, то мы на несколько минут остановимся, а потом продолжим. Вы устали? Да или нет?

Аудитория: Нет.

К: Как так получилось, что вы не устали? У вас был долгий день в офисе, с девяти до пяти или около того. А-а, сегодня выходной, поэтому вы не устали, потому что сегодня выходной. Но если бы вы были в офисе, вы бы устали. Хорошо, вы не устали, давайте продолжим.

Итак, она говорит, что время – это фактор, если вы поймете время, тогда, возможно, придет конец страху.

Итак, вы должны спросить, какова связь между временем и мыслью? Книга просит вас разобраться во взаимосвязи между временем и мыслью. Мысль – это движение от известного к известному. Это движение: воспоминания прошлого встречаются с настоящим, изменяются и продолжают. Это движение – от завтрашнего дня к сегодняшнему – есть движение времени, от заката к рассвету. Также существует время психологическое. То есть, мне было больно, и я надеюсь, что боль больше не придет, ведь это может повториться снова. Все это есть движение прошлого сквозь настоящее, прошлого, изменяющего себя и будущее. Существует время, измеряемое часами. Существует внутреннее время: я надеюсь стать, вы не являетесь, но надеетесь, вы склоны к насилию, но вы надеетесь избавиться от этой склонности. Вы жадны, ревнивы, но с помощью времени, с помощью эволюции вы надеетесь постепенно избавиться от этого. Итак, время – это движение от прошлого в настоящее и будущее. Мысль тоже происходит из прошлого, из знания, памяти; она – движение в направлении будущего. Верно? Ясно?

На следующий вопрос ответить намного сложнее. Вы должны обладать терпением для того, чтобы продвинуться так глубоко. Терпение означает – пожалуйста, поймите, что я использую слово «терпение» в особом смысле, – отсутствие времени. В общем терпение означает продвигаться медленно, быть терпеливым, не спешить, не быть поспешным в реакциях, быть спокойным, дать другому возможность выразиться и т. д. и т. п. Мы не используем слово «терпение» в этом смысле. Мы говорим, что терпение означает забыть о времени для того, чтобы вы могли смотреть, чтобы могли наблюдать. Но если у вас есть время, сквозь которое вы наблюдаете, то вы нетерпеливы. Вы улавливаете то, что я говорю? Я говорю нечто необычайное. Я углублюсь в это позже. Итак, для того, чтобы прочитать эту главу, говорящую о том, что время является фактором страха, вы должны обладать терпением. Мысль есть время. И до тех пор, пока мысль работает, вы обречены на то, чтобы бояться. Верно? Логично?

Итак, следующая глава спрашивает о том, существует ли остановка времени, существует ли окончание времени? Время является очень сильным фактором в нашей жизни: я – тот, кто я есть сейчас, но я буду кем-то другим; я не знаю, но я буду знать; я не знаю этого языка, но я выучу его, дайте мне время. Время лечит наши раны. Время притупляет чувствительность. Время уничтожает отношения между мужчиной и женщиной. Время разрушает понимание, ведь понимание немедленно, оно не означает, что я научусь понимать. Итак, эта книга говорит, что время играет необычайно важную роль в нашей жизни. Наш мозг эволюционировал во времени. Это не ваш мозг или мой, это человеческий мозг, человеческий мозг являющийся вами; это вы назвали этот мозг вашим мозгом, вашим умом. Но это не ваш ум или ваш мозг, это человеческий мозг, который эволюционировал на протяжении миллионов лет. Итак, вы видите, что этот мозг, который обусловлен временем, может действовать лишь во времени. Верно? Вы понимаете это? Поэтому мы просим мозг сделать нечто совершенно другое. Эта книга говорит, что ваш мозг, ваш ум, функционирует во времени. Время играет в нашей жизни важную роль. Время не решает никаких проблем, кроме технических. Не нужно использовать время, как средство решения проблем между вами и вашей женой, между вами и вашей работой и т. п. Это очень сложно понять. Пожалуйста, приложите к этому ваш разум, читайте книгу внимательно. Итак, она спрашивает: «Может ли время прийти к концу?» Если вы не закончите его, то будет продолжаться страх, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И она говорит: «Не спрашивайте, как закончить время. Как только вы спрашиваете кого-то о том, как закончить его, он предложит вам теорию, ведь он не читал книги». Мне интересно, понимаете ли вы это.

Итак, это – настоящая медитация. Вы понимаете? Это настоящая медитация, которая заключается в исследовании того, может ли время когда-нибудь остановиться. Выступающий говорит, что может. Пожалуйста, внимание. Это говорит выступающий, а не ваша книга. Поэтому, если выступающий говорит, что оно заканчивается, а вы верите в эту надежду, то вы не читаете книгу, вы просто живете словами. А, живя словами, вы не растворите страх. Итак, вы должны читать эту книгу времени, погрузиться в нее и исследовать природу времени, исследовать то, как вы реагируете на время, то, каким образом ваши взаимоотношения основаны на времени. «Я знаю вас» – это означает время. Вы следите? Углубитесь в это. Это означает также, что знание есть время. И если вы используете знание, как способ продвижения, вы пойманы во времени и, следовательно, пойманы страхом, тревогой, и весь процесс продолжается.

Исследование природы окончания времени требует безмолвного ума, ума, который способен наблюдать, который не испуган. Вы понимаете? Который способен наблюдать движение времени в вас самих, наблюдать то, как вы зависите от него. Знаете, если кто-то сказал бы вам, что не существует такой вещи, как надежда – пожалуйста, послушайте внимательно, – то вы бы ужаснулись, не так ли? Вы понимаете то, что я говорю. Надежда – это время. Итак, вы должны изучить природу времени и осознать, что ваш мозг, ваш ум и ваше сердце, которые есть одно целое, действуют во времени, обусловлены временем. И, следовательно, вы просите чего-то совершенно другого. Вы просите мозг, ум действовать по-другому, а это требует огромного внимания в вашем чтении. Вы понимаете?

Итак, господа, на этот вечер достаточно. Мы углубимся в вопросы удовольствия, смерти, рождения, во все это в следующие субботу и воскресенье. После этого, к сожалению, мы должны будем расстаться.

Шри-Ланка, третья публичная беседа

15 ноября 1980

У нас есть только эта беседа и завтрашняя, поэтому мы должны сделать лишь краткий обзор, и у нас нет возможности углубиться во все детали того, о чем мы собираемся поговорить. Но я уверен, что вы заполните пробелы.

Как мы сказали в прошлую субботу и воскресенье, человек должен научиться искусству слушания, искусству видения и искусству обучения. Слушание не означает интерпретирования того, что вы слышите, в соответствии с тем, к чему вы привыкли, и так, как легче для вас; это, пожалуй, – попытка разобраться, и не только в том, что говорит выступающий, но и слушание собственных мыслей, собственных эмоций, своих собственных реакций; не попытка их подавления, а просто наблюдение за ними. Слушание играет очень важную роль, если вы хотите слушать и достаточно серьезны для того, чтобы делать это очень внимательно, терпеливо и спокойно.

Так же, как мы говорили, искусство видения означает видение не только вашими глазами, не только визуальное восприятие, но также видение того, что лежит за словами, чтение между строк того, что есть на самом деле, ведь слова – это не реальность. Описание горы – не гора; текущая река со всей ее жизненностью видения означает покосерьезны для того на попытка их подавления привыкли и что вам легко, не пожалуя и водным объемом, это – река, но слово «река» не является тем, что живет. Итак, наблюдение должно быть очень острым, очень аккуратным, внимательным. Искусство обучения также очень сложное дело. Искусство слушания, искусство видения и искусство обучения. Мы привыкли накапливать знания, знания, полученные через опыт, память, отложенная в мозге; и мы постоянно функционируем, учимся внутри этого поля известного. Известное – это прошлое, которое изменяется настоящим и продолжается в будущее. Мы постоянно функционируем внутри этой области, внутри этого поля и обучаемся через действие, через опыт, накапливаем его как память и функционируем, искусно или нет, опираясь на эту память. Это то, что постоянно делает наш ум. Исходя из известного – знание, действие, обучение и, исходя из этого – обучение, накапливание большего. Это тот цикл, в котором мы постоянно функционируем. Если вы понаблюдаете за этим, то увидите, что это очевидный факт. Однако существует совершенно другой вид обучения – обучение, которое не является накоплением. Это – то, во что мы должны углубиться в наших беседах сегодня и завтра.

Как мы говорили, мы читаем книгу, которая является нами. Мы, каждый из нас, являемся всем тем, чем является человечество, то есть печалью, удовольствиями, желаниями, тревогами, болью, страхами, национальностями, культурами. Все это есть в этой книге, в книге, которая есть мы. Эта книга не отлична от нас. Мы есть эта книга. И я думаю, что очень важно – если мне можно на это указать – понимать это. Понимать, что то, что вы читаете – это вы; что вы не отличаетесь от того, что вы читаете, и если вы интерпретируете то, что читаете, согласно вашему желанию, согласно вашему удовольствию или страху, то вы совершенно не читаете эту книгу. Этот страх, эта тревога, это страдание являются частью вас. Итак, если человек хочет читать эту книгу по-настоящему, то он должен видеть, что наблюдающий, читатель, является тем, что он читает. Мне интересно, понимаете ли вы это? Наблюдающий есть наблюдаемое. Мыслящий – это мысль. Без мысли не существует мыслящего. Это факт. Тот переживающий, который думает, что он должен переживать, и то, что он переживает – это переживающий. Однако большинство из нас думают, что мысль отделена от мыслящего, поэтому мыслящий всегда пытается контролировать, подавлять мысль и т. п. Когда человек действительно видит, что мыслящий – это мысль, тогда разделение между мыслящим и мыслью прекращается, и, следовательно, прекращается конфликт. Он надеется, что мы можем погрузиться в это, что вы не просто слушаете беседу, некий набор слов, а, пожалуй, что мы вместе идем по одной тропе, тем же шагом, с тем же спокойствием и сомнением. Итак, мы можем погрузиться в это, углубиться в то, что не существует разделения между мыслящим и мыслью. Мысль создает мыслящего, и она же отделяет мыслящего. После этого мыслящий становится хозяином, который контролирует мысль. И этот контроль, это подавление, эта дисциплина мысли осуществляется мыслящим, которого создала мысль. Следовательно, мысль является мыслящим.

Итак, если это ясно, то разделение между мыслящим и мыслью отсутствует. Там, где есть разделение, должен быть конфликт. Это закон. Он имеет место в разделении

между мусульманами и индуистами, одними буддистами и другими, в разделении между католиками и протестантами и т. д. Там, где есть национальное или религиозное разделение, там должен быть конфликт. Наши умы привыкли к конфликту; с момента нашего рождения и до нашей смерти идет постоянная борьба, постоянное сражение внутри самого себя и снаружи. И если человек, не на словах, не интеллектуально, а фактически осознает, что мыслящий есть мысль и что не существует разделения между этими двумя, то он начинает понимать природу конфликта и окончание конфликта.

Этим вечером мы должны углубиться в вопросы желания, удовольствия, страдания и, если у нас хватит времени, то также в то, в чем состоит весь смысл и значение смерти. Тот человек, которого всерьез заботит человечество с человеческим страданием, с человеческим конфликтом, человеческим насилием и всеми теми мучениями, через которые за свою жизнь проходит человек, должен глубоко исследовать природу и структуру желания. В нашей жизни желание играет огромную роль. По мере того, как мы растем, желание изменяется, меняются его объекты; однако желание есть желание, будь то желание машины, женщины или желание достичь бога, достичь просветления. Не существует возвышенного и низкого желания, есть лишь желание. Мы движемся вместе? Мы понимаем друг друга? Итак, мы собираемся очень внимательно изучить природу желания. Потому что в нашей жизни желание с его волей является постоянной движущей силой. Желание – это воля. Воля – это итог желания; и мы действуем, функционируем с помощью воли: «я должен» и «я не должен». Эта постоянная активность воли является сущностью желания. Верно? Можем мы продолжать? Итак, вместе мы собираемся изучать и учиться, учиться, а не просто повторять, учиться по мере нашего исследования и продвижения. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мы собираемся посмотреть внутрь желания. И в этом взгляде внутрь желания вы начнете видеть, прозреете внутрь его природы. Когда у вас будет прозрение, понимание желания, тогда уже более не будет нужды в том, чтобы повторять структуру желания, которое станет просто словом. Я ясно выражаюсь? Нет? Если это не совсем ясно, то нужно поговорить об этом еще, прежде чем погружаться в это. Когда вы разглядываете, изучаете часы, разбираете их, видите, как они работают, вы обучаетесь тому, как работают часы. Это обучение тому, как работают часы – не просто память, вы поняли, как они работают, когда ходят. Верно?

Итак, мы смотрим внутрь желания. Вы знаете, что такое желание. Большинство людей знают это. Желание и нежелание. Во-первых, что есть это желание, которое играет такую значительную роль в нашей жизни? Большинство религиозных групп, монахи, представляющие различные религиозные направления, всегда советовали подавлять или преобразовывать желание. Они говорят, что если вы служите богу, то у вас не должно быть мирских желаний, вы не должны желать женщины, мужчины и т. д. Это всегда было процессом подавления, подчинения желания. Мы не подавляем, не избегаем и не преобразуем его. Мы исследуем природу желания. Мы не делаем ни малейшей попытки избежать его, мы не пытаемся посмотреть на него с целью от него убежать. Мы вместе собираемся проникнуть внутрь природы и структуры желания. Пожалуйста, поймите это. Мы не подавляем его, мы не избегаем его, и мы не пытаемся судить о нем разумно. Мы просто очень внимательно исследуем, что есть желание. Если вы понимаете его природу, тогда не будет возникать вопросов по поводу его подавления, вопросов о том, как его избежать, или о том, чтобы разумно в нем разобраться. Это ясно? Итак, мы спрашиваем: «Что есть желание?» Очевидно, что слово – это не чувство, не реакция. Следовательно, нам должно быть ясно, что когда мы используем слово «желание», само слово не является той реакцией, тем чувством, о котором мы говорим.

Это прекрасные цветы, не так ли? Вы знаете, в нашей жизни так мало красоты. В этой стране так много прекрасных деревьев, красивых облаков, чудесных цветов и орхидей. Мы никогда не видим их красоты. Мы слишком заняты своими собственными тревогами и проблемами, желаниями и беспокойством. Мы никогда не смотрим на закат и не наслаждаемся красотой света. Мы не только перестаем ценить внешнюю красоту, но также, по-видимому, лишь немногие из нас обладают красотой внутренней, той красотой, которая не зависит от вещей, от картин, от статуй или от заката, от дерева. Эта красота приходит только тогда, когда есть огромная любовь, сострадание, но не к чему-то, а само по себе. Но это – другая тема. Хотя без глубокого чувства красоты вы никогда не сможете прийти к тому, что есть истина.

Итак, что есть желание? Оно и лежащий в нем конфликт неотступно преследуют

человека. Мы вместе рассматриваем, исследуем, изучаем природу желания. Не начинается ли желание с восприятия, с видения? Видения вашими глазами, с помощью визуального восприятия, видения цветов, деревьев, машин, женщин, видения мира? Это – начало желания: видение, вкус, обоняние. Итак, видение дерева, дома, машины, женщины, мужчины, красивого сада – видение этого и прикосновение к этому, контакт с этим, а затем ощущение. После этого мысль – пожалуйста, слушайте – создает образ вашего обладания этим садом, этой машиной, тем или другим. Верно? То есть, видение, контакт, прикосновение, затем ощущение. Затем мысль говорит или создает образ того, как вы сидите в этой машине и ведете ее. Верно? Это ясно? Видение, контакт, ощущение, мысль, создающая образ, а затем рождается желание. В тот момент, когда мысль создает образ, рождается желание. Вы поняли? Мы вместе или нет? Нет?

А: Да.

К: Сэр, посмотрите на это, углубитесь в себя – и вы увидите это. Это очень простой факт. Факт того, что есть видение, контакт, ощущение, являющееся естественным, как естественно и создание мыслью образа того, что у вас есть эта синяя рубашка или какая-то особая одежда, и что в момент создания этого образа рождается желание. Вы можете увидеть это сами. Вы видите красивые брюки или рубашку, или что-то за окном; имеет место видение, вход в магазин, прикосновение к этой вещи, а затем мысль говорит, как это красиво будет на вас смотреться; вы формируете образ, и в этот момент желание расцветает. Верно? Итак, если вы действительно поймете то, что, когда мысль создает образ, начинается желание, тогда может ли этот образ прийти к концу? Вы следуете за мной? Мы все еще вместе или уже нет? Я не говорю с самим собой. Я бы мог, выступающий бы мог, если бы хотел, делать это в этой комнате. Но мы погружаемся в это вместе. Вы, возможно, незнакомы с этим объяснением того, что есть желание. Если вы с ним незнакомы, тогда, пожалуйста, слушайте, отложите в сторону свою обусловленность, говорящую, что вы должны не желать или должны желать, и все подобное. На некоторое время отложите это в сторону и взгляните на это очень внимательно. В тот момент, когда мысль создает образ того, как вы сидите в этой машине, носите эту рубашку, рождается желание.

Теперь, возможно ли научиться лишь видению, контакту, ощущению и не позволять мысли создавать образа? Вы поняли это? Ну, господа! Вы поняли это? Есть дисциплина, то есть, видение, контакт, ощущение и – в тот момент, когда мысль создает образ – желание. Дисциплина означает обучение. Слово «дисциплина» происходит от латинского «disciple» – ученик, то есть тот, кто учиться. В нашем понимании слово «дисциплина» означает копировать, имитировать, соответствовать, подчиняться, следовать. Все это полностью отрицает обучение. Верно? Итак, человек учится тому факту, что желание начинается тогда, когда мысль вмешивается в ощущение. Вы испытали большое удовольствие; предположим, что вчера было что-то, принесшее вам удовольствие, это было записано в мозге, и желание говорит, что у меня должно быть больше этого удовольствия. Верно? Итак, дисциплина означает обучение. И мы вместе учимся природе желания. Верно? Если я могу спросить, поняли ли вы, увидели ли вы, как приходит желание? Если вы хоть раз увидели это, действительно увидели, тогда больше уже никогда не возникнет вопроса подавления или контроля желания или попытки его изменить. Если вы поняли то, как желание возникает, и если в тот момент, когда мысль создает образ, вы совершенно внимательны, то больше не возникает вопроса, как подавить желание, избежать его или судить о нем разумно.

Желание – это удовольствие. Все мы – рабы удовольствия, удовольствия обладания, удовольствия от обладания властью, не властью больших политиков, а властью над своей женой, над своими детьми, над своими подчиненными, над теми, кто ниже вас. Это – желание власти, имеющееся у большинства людей. Это – форма удовольствия. И человек постоянно преследует его. Если вы не удовлетворены одной вещью, вы ищете другую. Если вам не нравится ваша жена или муж, вы меняете их. И это преследование удовольствия, полностью отличается от наслаждения. [20 - Pleasure – удовольствие, в отличие от enjoyment – наслаждение.] Можно мне продолжать? Вы внимательны или вы спите? удовольствие всегда было одной из движущих сил в нашей жизни. Пожалуйста, поймите, о чем я, ведь мы подходим к чему-то достаточно сложному. Итак, мы должны понимать удовольствие: сексуальное удовольствие, удовольствие обладания, удовольствие денег, то удовольствие, которое испытывает аскет, когда тренирует свое тело, полностью контролирует его, удовольствие веры, то высшее удовольствие, возникающее тогда, когда человек верит во что-то. Он верит в бога, и это настолько огромное удовольствие, что он не хочет, быть

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
потревоженным. Сейчас, мы собираемся посмотреть внутрь природы удовольствия.

Как уже сказал выступающий, наслаждение совершенно отлично от удовольствия. Когда вы видите прекрасный закат или широко текущую реку, тогда есть наслаждение, есть красота этого. Ум записал эту воду, ее красоту, отраженный в ней свет, ее быстрое течение; он получил огромное удовольствие, и он хочет его снова; на следующий день он возвращается для того, чтобы увидеть реку снова, надеясь опять получить это удовольствие. То же самое происходит и тогда, когда вы видите закат или красоту цветка. Наслаждение – это не удовольствие, потому что вы наслаждаетесь этим и это заканчивается, однако если это записано, то начинается погоня за тем, чем вы наслаждались, от чего вы получили удовольствие. Это продолжение прошлого через настоящее в будущее. Вы поняли это? Это наше постоянное движение в жизни: желание и удовольствие. Удовольствие означает избегать наказания и держаться за то, что приносит удовольствие. Поэтому наши умы постоянно действуют в границах наказания и награды. Если вы религиозны, то думаете, что рай – это высшее удовольствие, ведь рай – это награда за хорошие дела, за праведную жизнь и т. д. Если вы не совершаете праведных дел, то вы отправитесь в другое место. Всегда существуют награда и наказание. Но являются ли удовольствие и желание любовью? Словом «любовь» настолько злоупотребляют, оно настолько принижено, настолько оплевано, что потеряло свою красоту. Мы связываем любовь с сексом. Итак, мы должны спросить: «Является ли любовь удовольствием или желанием?» Спросите это, господа. Я спрашиваю, выступающий спрашивает об этом; вы должны задать этот вопрос себе и сами искренне ответить на него. Мы еще углубимся в это после того, как вникнем в вопрос страдания.

Человек на протяжении многих веков живет со страданием, и он, по-видимому, никогда не был способен прекратить его. Это один из хорошо знакомых нам способов переносить нечто неприятное, нечто, приносящее нам сильную боль. И мы никогда не можем найти возможность избавиться от страдания. Существуют различные способы страдания. Это не только потеря, которую вы испытываете, когда умирает кто-то, кого, как вам кажется, вы любите. Это также страдание от потери положения, от бедности, от несправедливости, от чувства собственной неполноценности, от той крайней невежественности, в которой живет человек, несмотря на все накопленные им знания о небесном и земном и его технические знания. Несмотря на все эти знания, он по-прежнему невежествен, и это приносит огромное страдание. Итак, мы живем со страданием, и мы приняли его. Мы никогда не спрашиваем, может ли оно закончиться. Есть такие, которые объясняют нам, как выйти за пределы страдания. Они говорят, что для этого надо верить в бога, верить в вашего спасителя, верить в Будду, верить в Кришну или во что-то еще. Итак, мы рождены в нескончаемом страдании, и мы спрашиваем, может ли страдание прекратиться, но не на какое-то время, а полностью, так, чтобы ум, который борется в этой боли, в этой печали, находился в совершенно другом состоянии, в совершенно другом движении. Страдающий ум не может мыслить ясно, страдающий ум не может любить, страдающий ум убегает в те образы, которые создает воображение. У страдающего ума нет отношений с другим человеком, как бы близки они ни были; они могут даже жить вместе, но у страдающего ума не может быть взаимоотношений. Страдание превращается в изоляцию. Существует не только личное страдание, но также страдание всеобщее, страдание человечества: страдание в результате войн, пролитие слез миллионами людей, мать, которая теряет ребенка, человек, пытающийся удовлетворить свое честолюбие, желающий стать великим, не способен этого достичь и поэтому страдает. Мы нашли утешительные способы облегчения наших страданий. Когда человек страдает, он ищет утешения, и это утешение может быть чем-то реальным или иллюзорным, какой-то романтической иллюзией, фантазией. Мы спрашиваем: «Возможно ли положить конец печали?» Пожалуйста, если вы буддист, не говорите о том, что Будда сказал то-то и то-то, мы уже слышали это. Ведь это означает лишь то, что вы просто цитируете кого-то, а этот человек, каким бы великим он ни был, не может быть способом положить конец вашему страданию. Итак, пожалуйста, выясните, возможно ли прекратить печаль. Ведь без прекращения печали нет сострадания.

Почему человек страдает? Вы все знаете, что такое страдание, но вы никогда не задавали себе вопрос: «Почему?» Никогда не углублялись в него, не завися ни от кого, не завися от Будды, не завися от того, что говорят другие религиозные лидеры в других странах. Отложите все это в сторону; ведь все, что они сказали, может быть истинным, а может быть и нет, но вы, как человек, страдаете, и если вы не решите эту проблему, не завершите ее, не разрешите ее, то ваша жизнь будет становиться все более и более механичной, все более и более повторяющейся и, пожалуй, поверхностной. Вы можете повторять и читать священные книги, повторять

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
священные высказывания, но ваша жизнь становится все более, более и более
поверхностной, что и происходит. Поэтому так важно разобраться, может ли печаль
прийти к концу.

Что есть печаль? Это потеря чего-то? Потеря работы, потеря ваших, так
называемых, возлюбленных, потеря престижа, власти, положения, денег? Что есть
печаль? Это жалость к себе? Во время нашего разговора исследуйте это. Говорящий
– это лишь зеркало, которое есть вы, ваша книга. А когда вы смотрите в зеркало,
оно не важно, важно лишь то, что вы в нем видите. После вы можете выбросить
зеркало, разбить его, ведь иначе вы превратите зеркало в образ. Итак, что есть
печаль? Потеря кого-то, одиночество человека, человеческая изоляция, то горе,
которое приходит, когда у вас нет взаимоотношений с другим, и, в конечном счете,
смерть. Жалость ли это к себе, как мы сказали? Изучите это, сэр, не стесняйтесь
этих вещей. В исследовании этих вещей надо быть очень точным. Это жалость к
себе? Потеря кого-то, кому вы отдали всю вашу привязанность, вашу заботу, вашу,
так называемую... Вы отдали кому-то все это, и этот человек умирает, уходит,
убегает, отвергает вас, и вы чувствуете себя настолько несчастным. Это одна из
форм горя. Другая – это когда ваш ум становится настолько традиционным,
настолько повторяющимся, механичным, что вы не можете видеть чего-то сразу, не
способны увидеть чего-то истинного немедленно. В этом есть огромная печаль. По
мере того, как человек стареет, имеют место болезни, тело ослабевает, и ум
постепенно теряет свои способности. Это некоторые из факторов, и, глядя на них,
вы должны разобраться, каковы ваши реакции на них, каков ваш ответ, то есть, вы
хотите власти, вы хотите денег, вы хотите положения, вы хотите справедливости,
вы хотите общественной революции. Вы хотите разобраться в том, действительно ли
вы серьезный, религиозный человек, вы хотите найти что-то вневременное, то, что
есть истина. И ум, являющийся запутавшимся, неуверенным, незащищенным, постоянно
страдает. Является ли одним из факторов также и то, что ум никогда не может
найти безопасность? Человек может чувствовать безопасность в работе, он может
чувствовать безопасность в семье, – в чем я сомневаюсь, в чем человек постоянно
сомневается – безопасность в вашем веровании, но в веровании, как и в вере,
совершенно нет безопасности, ведь сомнение разрушает веру. Сомнение разрушает
все, во что вы верите. В конце всех этих объяснений страдания следует сказать,
что человек страдает не только из-за себя, но страдает также, когда смотрит на
этот мир, со всем его несчастьем, смятением, бедностью, мерзостью, насилием,
войнами. Когда человек видит все это, имеет место огромная печаль. Может ли
прийти конец печали? Выступающий говорит, что может. Вам нельзя принимать то,
что он говорит; он не авторитет, он не гуру, а вы не его последователи.
Последователи разрушают гуру, а гуру разрушает последователей. Итак, возможно ли
видеть природу страдания и не убегать от него, не пытаться найти утешение, не
пытаться объяснять его, говоря, что это моя последняя жизнь, поэтому я плачу за
нее. Вы знаете все эти ухищрения ума. Что означает, можете ли вы оставаться со
страданием без какого-либо движения мысли? В тот момент, когда мысль приходит и
говорит, что она должна найти способ избавиться от этого, страдание по-прежнему
существует, вы лишь убегаете от него. Но если при встрече с тем, что вы
называете страданием, вы останетесь совершенно неподвижным, тогда вы увидите,
что страдание полностью заканчивается и что существует совершенно другое начало.

Мы также должны вместе углубиться в вопрос: «Что есть смерть?» Ведь это часть
нашей жизни – жизнь и умирание; жизнь со всем, что в ней есть уродливого, со
всей ее красотой, страданиями, тревогами, борьбой – и смерть, убивающая организм
с помощью болезни, старости или травмы. Большинство людей, независимо от того,
религиозные они или нет, боятся смерти. То есть они живы и поэтому говорят, что
смерть можно отложить. Вы понимаете, что я говорю? Существует промежуток, широкий
разрыв между жизнью и смертью. Это – факт. Почему мы делаем это? Почему ум
разделяет жизнь и смерть? Пожалуйста, выясните. Это – ваша проблема. Если вы
живы, если вы активны, если вы не просто в соответствии с традицией повторяете,
повторяете, выясните в своем сердце, в своем уме, в своем мышлении, почему на
протяжении веков человек разделяет жизнь и умирание. Это означает, что между
ними оказывается время. Вы понимаете – время? Это время может быть годами или
двумя днями. Между жизнью и умиранием есть промежуток, являющийся временем.
Верно? Ну, господа! Почему? Для того, чтобы выяснить это, нужно исследовать, что
есть жизнь и что есть умирание. Вы понимаете, господа? Мы вместе? Мы движемся
вместе? Или у вас уже есть объяснения по поводу смерти, или вы уже верите в
реинкарнацию, в карму, в то, что вы воскреснете в раю и т. д. Что означает, что
вы обусловлены, ваш ум настолько сужен верой, заключением, что вы неспособны
ответить на этот вопрос; что означает, что ваш ум стал рабом слов, рабом
верований, рабом каких-то утешающих, удобных заключений, идей. В этом случае вы

никогда не поймете, почему люди делали это тысячелетие за тысячелетием, проводили это разделение, вызывали этот конфликт, этот страх. Следовательно, для того, чтобы разобраться в этом, вы должны разобраться в том, что есть жизнь.

Не является ли жизнь, ваша повседневная жизнь, работой с девяти утра до пяти или шести вечера, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, повторением, повторением, повторением? Это – часть жизни. Жизнь со своей семьей, со своей женой, со своим соседом, конфликт между вами и вашей женой, вами и вашим соседом, сексуальные желания, их удовлетворение, погоня за ними и вечно существующий конфликт между людьми. Конфликт между тем, что есть и тем, что должно быть, стремление держаться за авторитет[21 – Authority – см. стр.] – политический, религиозный, мысли о том, что религиозный человек обладает авторитетом. Вы понимаете, насколько глупым это стало? Итак, что есть жизнь? Пожалуйста, ответьте на это сами. Что есть жизнь? Это лишь постоянная борьба, с редкими моментами радости, погоня за удовольствием и страх? Это так, это – вся жизнь. Никто не может этого отрицать. Вам не нужно идти ни к какому священнику, ни к какому психологу, ни к какому гуру; это ваша жизнь: механическая, повторяющаяся, традиционная, с верой во что-то, что не имеет никакой ценности. Важно то, что вы делаете, как вы действуете, как себя ведете – все это.

Итак, это то, что мы называем жизнью: жизнь в привязанности к другому с ее страхами, тревогами, ревностью. Там, где есть привязанность, есть разложение.[22 – Corruption – порча, гниение, распад, разложение, упадок; порочность, развращенность (моральное разложение).] Когда человек держится за авторитет и привязан к этому авторитету, он несет разложение. Когда высокого ранга священник держится за свое положение, становится авторитетом, он с неизбежностью культивирует разложение. Все это происходит прямо у вас перед глазами, прямо перед вашим носом. Это то, чем является наша жизнь. Вы боитесь отпустить все это. Отпустить все это означает умереть. Верно? Это то, что вы считаете смертью. Вы привязаны к вашим деньгам, к вашему положению, или вы очень бедны – в этом нет справедливости, ничего – вы внутренне пусты, не удовлетворены. Это – жизнь. и вы держитесь за это. Это также известно. Верно? Это известно, каждый знает это. А неизвестное – это смерть. Вы можете говорить, что существует реинкарнация, что этому есть доказательства и т. д. и т. п.; мы позже углубимся в это, если у нас хватит времени. Итак, это – наша жизнь. Можете ли вы положить конец привязанности, пока вы живы? Привязанности к вере, к человеку, к семье, к идеалу, к определенной традиции; вы можете позволить этому уйти? Смерть заставит вас сделать это. Привязанность одного человека к другому может быть очень глубокой, ведь вы одиноки, вам нужно удобство, утешение, вам нужны дружеские отношения, вы не можете остаться в одиночестве. Поэтому вы зависите, а зависимость означает привязанность, а когда существует привязанность, то существует ревность, тревога, страх; и из этого проистекают все ваши действия, что есть разложение. Теперь смерть говорит, что вы умрете. Вы способны закончить это, пока вы живы? Вы понимаете мой вопрос? О да, вы понимаете его очень хорошо. Это очень просто. Положим, что выступающий привязан к своему положению, – прости Господи! – он не привязан, но предположим обратное. Подумайте об этом разложении, о том, как приходит в упадок ум. Ему нужна аудитория, он зависит от аудитории, он получает от нее энергию, чем аудитория больше, тем лучше; вследствие этого возникает соперничество и весь связанный с этим ужас. Итак, окончание – это начало чего-то совершенно нового. Полное окончание привязанности – это смерть. Когда вы полностью завершаете ее, существует совершенно новое измерение бытия. Тогда, что же такое смерть?

Мы вгляделись в то, что такое жизнь с ее хаосом, страданием, смятением, с ее непрочным порядком и тяжелым трудом, бесконечным трудом. Что есть смерть? Смерть связана не только с физическим организмом, с тем, что тело стареет, болеет или травмируется, с ним плохо обращаются, бесконечно потакая себе; постепенно – сознательно или вследствие сильной боли или болезней – аппетит, возбуждение, ощущения сходят на нет. Итак, что есть смерть? Умирание организма? Мы знаем это. Мы признаем это. Мы видим это. Но мы говорим также, что есть что-то такое, что не может умереть – душа, Атман, нечто вечное, – есть разные верования – нечто, что возродится после того, как вы умрете. Некоторые из вас верят в это очень глубоко, хотя некоторые из вас буддисты и т. п. Все религии предлагают различные формы утешения, но утешение – это не истина, утешение – это непонимание ума, который не способен проникнуть сквозь всевозможные иллюзии, догмы, ритуалы. Итак, существует ли в человеке что-то вечное, есть ли в вас это? Есть ли в вас нечто вечное, что может родиться в следующей жизни? Просто верить в реинкарнацию бессмысленно. Если вы верите в это, тогда то, что вы делаете сейчас, сегодня,

бесконечно важно. Верно? Если вы верите в реинкарнацию, то вследствие того, что вы делаете сейчас, вы получите лучшее положение, лучший дом, – вы знаете это – или будете ближе к раю, что одно и то же.

Итак, есть ли в вас что-то вечное: «я», «вы», ум, который говорит: «я вечен»? Есть ли что-то вечное, или все движется, меняется, и нет ничего постоянного? Являются ли постоянными ваши отношения с другим, являются ли постоянными ваши боги, боги, которых создала мысль для вашего утешения, для того, чтобы убежать от страданий повседневности в нечто драгоценное, что есть иллюзия? Вместе мы спрашиваем, хотим выяснить для себя, есть ли в нашей жизни что-то постоянное? Этот дом постоянен, если только не случится землетрясение. Постоянны деревья, океан, реки, постоянны горы. Кроме этого, есть ли в вашей жизни что-то постоянное, нерушимое? «Я», эго создано мыслью; имя, форма, качества, характер, индивидуальные особенности, способности, таланты и т. д. – все это результат вашей культуры и определенного образования. Нет ничего постоянного, вы не постоянны; у вас есть физическое тело, однако ваши мысли не постоянны, они постоянно изменяются; вы находите утешение в своих верованиях и думаете, что в вашей вере имеется безопасность. Поэтому очень трудно отказаться от того, во что вы верите. Вера – это лишь слово, лишь идея, некая концепция, в которой вы ищете убежища. Безопасности не существует. Вы наблюдали за вашими религиозными людьми, за тем, как безопасно они себя чувствуют в своем положении, в своей вере, в своей догме? Эта безопасность есть лишь форма иллюзии. Итак, нет совершенно ничего постоянного. Сознание этого может вызвать сильную депрессию, меланхолию, но это не так. Когда вы видите тот факт, что нет ничего нерушимого, само это видение есть разумность, и в этой разумности существует полная безопасность. Это не ваша или моя разумность, и в этой разумности есть полная безопасность. Эта разумность не является вашей или моей, это – разумность. До тех пор, пока есть привязанность, должно быть разложение; немедленное видение истины этого и немедленное окончание этого есть разумность. Эта разумность является единственным фактором безопасности; не безопасности, – это неточное слово – этой разумности, не являющейся вашей или чьей-то еще, а разумности чего-то бесконечного.

Завтра мы, возможно, поговорим о природе близости, о любви и сострадании, о медитации. Как мы уже сказали, там, где есть страдание, не может быть сострадания; когда есть сострадание, оно обладает своей собственной разумностью.

Шри-Ланка, четвертая публичная беседа

16 ноября 1980

Это последняя беседа. В предыдущих трех мы обсудили проблемы человеческой жизни, существования, множество психологических, политических, религиозных и повседневных проблем человека. Как мы уже говорили вначале, что вместе идем по одной и той же дороге. Говорящий не ведет вас, он, если вам будет угодно, лишь задает темп. Мы говорили о взаимоотношениях, страхе, удовольствии и об окончании печали. Мы также говорили о важности сомнения, важности того, чтобы все ставить под вопрос, о неприятии чего бы ни было на веру.

Этим вечером мы углубимся в вопрос религии, в вопрос величия ума, в то, существует ли что-то за пределами ума или есть лишь то, что создала мысль, как внешне, так и глубоко внутренне. Мысль использовалась в качестве инструмента в технологических, научных, медицинских целях; мысль также исследовала вселенную, дойдя до Венеры и Марса. Человек побывал на Луне, водрузив там свой маленький флаг. Человек был в космосе, под землей, в океанах. Человек использовал свою безграничную способность в направлении внешнего контроля, контролируя космос, контролируя природу, окружающую среду и т. д. Однако человек, то есть вы и я – говорящий, не исследовал величия и глубины ума. Ум, как мы видим, обрел необычайные способности в мире технологии; они делают совершенно необычайные вещи. А восток лишь имитирует, усовершенствует или копирует. И мы никогда не задавали вопрос: «Что есть ум? Что лежит за пределами сегодняшнего сознания?» Мы смогли понять, что за огромная энергия находится в уме. Мы используем ум не только в качестве его способности к работе, в качестве деятельности мозга, но и в отношении своих чувств, ответов наших органов чувств, привязанности, любви – всех человеческих реакций. Также мы используем способность мозга обучаться, забывать, записывать и действовать – умело или нет – в соответствии с тем

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
знанием, которому он обучился.

Этим вечером мы, если сможем, если вам это интересно, откроем для себя, в чем величие ума. Это безграничный вопрос. Вы, возможно, посчитаете это нахальством. И сочтете, что говорить об этом – кощунство. Однако мы – люди, будучи настолько обусловленными, насколько мы есть, живем внутри того маленького круга, который сами создали, в маленьком углу этой огромной Земли, и воюем друг с другом за этот угол, за то, кто будет управлять, кто будет политиками, священниками и т. д. Но для того, чтобы действительно глубоко погрузиться в безбрежность ума и его способностей, вам, во-первых, должно быть совершенно ясно, что для того, чтобы исследовать это, необходима абсолютная тишина. Не та тишина, которая вызвана мыслью, тишина, которую приносит награда или наказание, а тишина, в которой отсутствует мотив. Существуют различные виды тишины: тишина между двумя мыслями, тишина между двумя шумами, тишина, возникающая тогда, когда перестает петь птица, тишина моря, на котором полный штиль, и тишина вечера в момент, когда почти село солнце, этого торжественного часа с его необычайным ощущением приближающейся ночи. Человек искал тишины за пределами слов, а религия пыталась дать объяснение или разумный смысл с помощью многих веков пропаганды – христианской пропаганды, буддистской пропаганды, индуистской, исламской и т. п. Она заставила человека принять, поверить и настолько религиозно его обусловила, что сделала для него практически невозможным выйти за пределы этой обусловленности. Он делает из этой обусловленности лучшее, что может, и пытается убежать из этой тюрьмы в различные фантастические образы, концепции, теории, теологические исследования и т. п.

Я надеюсь, что мы следуем друг за другом. Все религии превратились просто в слова, в лозунги, в постоянное повторение того, что я буддист, что я христианин, принадлежащий к какой-то ветви христианства, индуист с его тысячей богов или мусульманин с его богом. Нам говорили это на протяжении тысячелетий, поэтому наш мозг так сильно этим перегружен, но совершенно очевидно, что тот человек, который пытается выяснить, что есть истина, не может принадлежать к какой-либо организованной религии, к какому-либо верованию во многих богов или в одного бога. Он должен быть свободен от ритуалов, от всех религиозных символов, образов, от авторитета высоких священнослужителей и т. п. Может ли ум, может ли ваш ум быть настолько свободен? Он не свободен, потому что постоянно ищет безопасности не только физически, но также внутренне, психологически, глубоко в тайниках ума; мысль постоянно ищет какой-то надежды, какого-то утешения, безопасности, состояния постоянства. И в своем поиске она попадает в ловушки священников по всему миру с их организациями, их ритуалами и т. п. Итак, может ли ваш ум быть свободным от этого? Иначе вы являетесь пленниками, вы не настоящие люди, вы лишь функционирующие машины.

Недавно мы беседовали с компьютерным специалистом по поводу игры компьютера в шахматы с гроссмейстером. Первые две или три игры гроссмейстер выигрывает у компьютера, а потом компьютер начинает выигрывать, ведь он учится. Когда он проигрывает, он учится тому, какой ход привел к его поражению. То есть он обретает опыт, учится своей первой ошибке, затем второй ошибке, обретает опыт, учится и делает так до тех пор, пока не выиграет у гроссмейстера. Вы понимаете, что я говорю? И мы, то есть человеческий ум, действуем точно так же: опыт, знание, память, действие – и, исходя из этого действия, мы учимся, приобретаем больше знания. Итак, мы постоянно повторяем этот цикл. То есть, мы постоянно движемся от известного к известному и действуем, исходя из известного, как компьютер, как последние компьютеры, которые могут исправлять собственные ошибки, которые могут получать опыт и учиться; и они думают намного быстрее человека, быстрее решают проблемы. Итак, наши умы действуют более или менее по той же схеме. То есть, наши умы становятся механическими. Если ваше образование – это образование инженера, то всю вашу оставшуюся жизнь вы будете продолжать думать тем же образом – как строить мосты, железные дороги, самолеты и т. д. Или, если вы хирург, то вы тратите на обучение десять лет и всю оставшуюся жизнь вы являетесь великолепным или посредственным хирургом. Или вы тратите десять лет на чтение различных религиозных книг различных направлений и становитесь экспертом, становитесь способным спорить, но все равно движетесь от известного к известному. Я надеюсь, что вы следуете за всем этим. Следуете?

А наша жизнь, наша повседневная жизнь настолько механична: хождение в офис с девяти утра, повторение одного и того же, возвращение домой, секс, ссоры, амбиции, тщеславие, предрассудки и т. д. Эта – наша жизнь. И наш мозг, наш ум настолько обусловлен этим, что за этой обусловленностью мы не видим, что кризис

– в самой обусловленности. Технологически этот мир так быстро изменяется, однако морально, этически, мы остаемся прежними, возможно, немного другими, несколько более усложненными, несколько более утонченными, держась друг от друга на значительном расстоянии. Мы настолько сильно обусловлены, мы верим в Бога или не верим в Бога. Но верим мы в Бога или нет, религии играли в нашей жизни огромную роль. В Европе были религиозные войны, инквизиция, во имя Бога или во имя чего бы то ни было пытали, отлучали от церкви. Похоже, что только буддизм и индуизм не одобряли убийства, хотя здесь, в Шри-Ланке, мне сказали, что вы едите мясо и называете себя буддистами. Будда вроде бы сказал: «Не убий». Видите, это как раз то, что мы говорим: религия – это лишь притворство. Она не настоящая. В ней нет глубины, это просто набор слов, цитат, авторитет; нечто совершенно не связанное с нашей повседневной жизнью. Наша повседневная жизнь – это насилие, убийство; это привычно нам, и мы убиваем людей, животных для удовлетворения своего аппетита. Это – факты, а не выдумки говорящего. Посмотрите на свою жизнь, когда вы говорите, что вы буддисты, посмотрите на нее. Вы не буддисты, вы только называете себя ими, в действительности вы такие же люди, как и все остальные в этом мире, с их тяжелым трудом, смятением, несчастьем, печалью, болью и всем остальным. Итак, вы – это мир, а мир – это вы. Это совершенно бесспорно. Психологически, вы – это мир, а мир – это вы. Когда человек осознает этот факт, он становится поразительно ответственным за то, что он думает, что делает, как себя ведет. И наши умы, как мы уже говорили, становятся тем, что мы есть, мы являемся нашими умами, мы есть наше сознание. Наше сознание – это его содержание: страх, боль, удовольствие, вера, «я хочу», «я не хочу». Вы знаете это. Сознание с его содержанием – это то, чем мы является.

Теперь, медитация – это успокоение этого содержания. Медитация – это опустошение нашего сознания от всего его содержания. Движемся ли мы вместе, выступающий и вы? Хотя бы интеллектуально, хотя бы на словах? Возможно, что кто-то из вас, следует за мной не просто интеллектуально, не просто на словах, а глубоко погружается в это. Слово «медитация» означает «подумать над чем-то, поразмышлять»; это значение слова, указанное в словаре. И ум, глубоко исследующий то, что есть медитация, не то, как медитировать, намного более важен, чем то, как медитировать. Это не тибетская медитация, не буддистская, не индуистская, не китайская, дзен или какая бы то ни было. У каждой из них есть своя особая система, со своими практиками, дыханием, сидением в особенной позе, со всеми теми, созданными мыслью вещами, по поводу того, какой должна быть медитация.

Мы исследуем не только то, что такое религия, – не организованная религия, со всей этой бессмыслицей – а что это за ум, являющийся религиозным. Мы также пытаемся выяснить то, что такое медитация. Если вы, как многие другие, практиковали дзен, индуистскую или другую форму медитации, изобретенную или традиционно объясненную различными гуру, то вы знаете, что все они основаны на контроле, дисциплине, практике и вере в то, что говорит какая-то организация, авторитет или гуру. Для выступающего все это – не медитация. Вы можете медитировать двадцать минут в день, а остальное время по-прежнему быть злым. Это не медитация. Вы можете принадлежать к какой-то группе, практикующей какую-то свою медитацию. В мире во имя медитации происходит множество самых разнообразных вещей, особенно в последнее время; индийские гуру привезли всю эту бессмыслицу в Европу, и люди там практикуют ее, одному Богу известно зачем. Возможно, из-за денег или для здоровья, или для того, чтобы лучше контролировать свою память и т. п.

Пожалуйста, внимательно прислушайтесь к вопросу. Что есть медитация? Вы, возможно, помните одну, часто повторяемую и, наверное, придуманную мной историю о том, как два человека, шли по улице, глядя на деревья, дома, тени, хорошо сложенные стены и т. п. Так они гуляли, и вдруг один из них поднимает что-то, и его лицо сразу засветилось, стало удивительно прекрасным, с ясными глазами, с определенным достоинством, с чувством благословения. Тогда его друг спрашивает: «Что с тобой, что ты подобрал?» А первый отвечает: «Я думаю, что это истина, и я буду хранить ее». Итак, он кладет ее в свой карман, а его друг говорит: «Я думаю, что могу помочь тебе, мы можем организовать ее». Вы понимаете, о чем я? Мы зависим от организаций, от таких организаций как почта и т. п. Эти организации необходимы. Мы зависим от организаций в психологическом понимании себя. Мы зависим от групп, от учителей, от лидеров и т. д. Ни политики, ни ученые, ни признанные религиозные лидеры никогда не смогут решить проблемы человечества. Никогда. То, что вы создали: политиков, религиозные организации – все это создано человеком, создано вами в вашем стремлении получить утешение,

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
из-за желания безопасности, защищенности и т. д. Человек, который хочет проникнуть в глубину религиозного ума и понять его смысл, не принадлежит к какой-либо группе или организации, ни к одной из так называемых религиозных организаций. Теперь, можете ли вы оставить все это сейчас, не завтра, не говоря, что вы подумаете об этом? Ведь в этом случае вы никогда не сделаете этого.

Сэр, просветление не относится к времени, просветление не приходит через годы практики, через годы самоотречения, через годы аскетизма. Времени нет места в религиозном уме. Мне интересно, понимаете ли вы это? А мы, каждый человек на земле, говорим: «Дайте мне время достичь этого райского состояния, испить этого райского молока».

Итак, если мы исследуем, то действие – это восприятие; виденье и действие одновременны. Я объясню это явление. Что мы обычно делаем? Вы делаете заявление, такое как, например, «привязанность ведет к разложению». Это сказал выступающий. Вы слышите это, вы привязаны и вы говорите, что, конечно, в этом есть некоторое разложение, но привязанность необходима; вы говорите, что привязаны, потому что вы одиноки, потому что хотите утешения и всего прочего. Теперь, когда вы слышите, если вы чувствительны, бдительны, наблюдательны, то сам этот момент восприятия, являющийся истиной, есть действие. Это означает немедленное оставление привязанности. Это – разумность, не тот хитрый ум, который может спорить, выдвигать разнообразные мнения, доктрины, рассматривать что-то с точки зрения диалектики. Все это – не разумность. Разумность – это видение. Например, видение того, что национализм – это яд для мира, видение истины этого означает немедленную свободу от национализма. Эта свобода в действии означает разумность. Эта разумность не ваша или моя, это – разумность истины, проявляющаяся в действии.

Итак, медитация – это свобода от всяческого измерения. Вы понимаете это утверждение? Свобода от всяческого измерения. Наши умы постоянно измеряют – больше, меньше, более могущественный, менее могущественный, жадный, а я не буду жадным. Ум и слово «медитация» также означают измерение. Может ли ум быть свободным от измерения, которое есть сравнение, подражание, следование? Это – измерение. Без измерения технологический мир не может существовать. Весь западный мир основан на древнегреческом подходе к интеллекту. Согласно им, измерение было единственным способом исследования. Способны ли ваши умы сейчас быть свободными от измерения, от «больше», «меньше», от того, то должно быть, и то того, что быть не должно, свободными настолько, чтобы не было никакого движения, которое есть измерение? Мне интересно, насколько вы следите за всем этим? Или уже слишком много для одной встречи? И, так как это последняя встреча, я должен подвести итог, сжать все в один час двадцать минут или около того. Но если вы отдадите этому свой ум, то есть ваше слушание, видение и обучение, тогда вы увидите, что наша жизнь основана на измерении.

Честолюбие – это измерение. Привязанность стала измерением. У любви отсутствует измерение. Но мы не знаем, что есть любовь. Мы знакомы с удовольствием, с желанием, но желание и удовольствие – это не любовь. Сейчас вы слышите это утверждение и начинаете сомневаться, ведь вы живете удовольствием, желанием, у вас есть сексуальные образы, и вы не можете оставить все это. Итак, вы спрашиваете: «Так ли это? Как возможно человеку оставить это?»; что означает, что вы, на самом деле, не слушаете. Вы не хотите оставлять или хотите найти причины для этого. Вы уходите от слушания как такового. А выступающий говорит, что медитация – это движение без измерения. Вы понимаете красоту этого? Нет? Безмолвие ума неизмеримо. Оно имеет место, только когда ум совершенно тих, без единого движения мысли, оно может прийти только тогда, когда вы поняли содержание своего сознания. Когда это содержание, которое есть ваша повседневная жизнь, ваши реакции, ваши обиды, ваше тщеславие, ваши амбиции, ваше коварство и хитрые обманы, неисследованная часть вашего сознания – когда все это будет охвачено наблюдением, без выделения одного за другим и избавления от этого по очереди. Вы понимаете все это? Мне интересно. Вы знаете сэр, говорящий должен углубиться в нечто, что, я надеюсь, сделает эти вещи более ясными. Возможно, это несколько усложнит это, сделает более туманным, но я должен углубиться в это.

Мы привыкли к контролю и конфликту. Мы привыкли к идее, к представлению о том, что жизнь – это сражение, борьба. Мы говорим, что природа – это постоянная борьба: тигр убивает оленя. То есть мы постоянно сравниваем нашу борьбу, наше тщеславие, наше насилие с природой. В природе есть порядок. Беспорядок возникает только с вмешательством человека. Это совершенно очевидно, мы можем это видеть.

Человек убил пятьдесят миллионов китов. Подумайте об этом ужасе. Они убивают детенышей тюленей из-за прибыли и т. д.

Можем ли мы действительно глубоко погрузиться в себя, увидеть содержание одним взглядом, а не кусочек за кусочком. Это требует внимания. Я хочу углубиться в то, что есть внимание. Когда выступающий говорит «внимание», вы хотите знать, что это. Он должен это объяснить. Однако, если бы ваши умы были бдительны, вы сразу узнали бы, что есть внимание. Вы не можете культивировать внимание. Вы можете культивировать концентрацию. Концентрация – это фокусирование энергии мысли на чем-то определенном, борясь со всеми другими вторжениями, направлениями, удерживание мысли, сфокусированной на чем-то одном. Это то, что обычно называется концентрацией; школьник учится этому. Ему хочется посмотреть в окно, а учитель говорит ему быть внимательным, сосредоточиться на книге. Но, ученику гораздо более интересно смотреть на летящую птицу, на муху, ползущую по стене, и на ящерицу, весящую вниз головой. Смотрение на все это – внимание, но учитель говорит смотреть в книгу. Вы видите разницу? Ну, давайте! Итак, мы должны отличать внимание от концентрации. Наши умы, в большей или меньшей степени, приучены концентрироваться. Но и в этом мы, пожалуй, тоже не очень сильны. Пока это приносит вам вознаграждение или помогает избежать боли, вы концентрируетесь. То есть, фокусируя свою мысль на чем-то одном, вы должны игнорировать любое другое движение мысли, а мысль постоянно давит. Человек хочет сконцентрироваться на чем-то, но мысль блуждает, и вы должны возвращать ее обратно. Поэтому имеет место постоянная борьба. Существует контролирующий и контролируемое. Контролирующий постоянно говорит, что мысль должна быть внимательна, должна концентрироваться, должна делать это, должна делать то. Между контролирующим и контролируемым не существует разделения. Вы следите за этим? Пожалуйста, следите, это – ваша жизнь, не засыпайте. Если вы действительно поймете это, то увидите, что конфликт полностью заканчивается. Если вы действительно поймете это, не на словах, не интеллектуально, а увидите истину того, что контролирующий есть контролируемое, то вы увидите, что конфликт полностью прекращается. Мысль разделила себя на контролирующего и то, что она будет контролировать. Однако это, по-прежнему, – мысль. Поймите это. Человек злится, а затем мысль говорит: «Контролирую, не злись». Отличен ли этот гнев от мысли или от ума, который в гневе? Вы понимаете? Вы – это гнев, вы не отделены от него. Это ясно, не так ли? Итак, контролирующий создан мыслью, мыслью, которая культивировала традицию того, что он – главный, что он отличен от мысли, от контролируемого. Сейчас, если вы наблюдаете за этим, то увидите, что контролируемое – это контролирующий. Мысль блуждает и мысль говорит: «Я должен контролировать». Мысль говорит. Итак, мысль есть контролирующий. Вы понимаете? То есть контроля не существует. Это очень опасное заявление, если вы не понимаете его. Выступающий никогда не контролировал свои эмоции, свои мысли – все это, никогда. Потому что с самого начала он видел, что контролирующий есть контролируемое. Конфликт существует лишь тогда, когда есть разделение.

Мне интересно понимаете ли вы все это. Вы видите все это? Пожалуйста, поймите это, ведь медитация – это не конфликт. Она не означает, что вы должны контролировать, она не означает, что вы не должны измерять, она не означает, что вы должны делать то или это. Эта медитация естественно приходит тогда, когда вы навели в своем доме порядок, в своем доме, в себе. Порядок, который означает, что в вас нет конфликта, нет и тени усилия. Это требует от человеческого ума безграничного изменения. Итак, медитация – это прекращение какого бы то ни было измерения. Измерение существует до тех пор, пока существует «я», «я» со всей моей гордостью, со всеми моими образами, со всеми моими обидами, с моим тщеславием, с моими амбициями, страхами и прочим, «я», созданное мыслью. До тех пор, пока существует это «я», являющееся центром измерения, являющееся самим центром конфликта, медитация ведет лишь к дальнейшим иллюзиям, к продолжению зла. Она не имеет смысла. Итак, окончание «я» – это начало мудрости и медитации.

А ум – совершенно, а не частично, тих. Знаете, вы всегда искали спокойствия ума. Спокойствия ума не существует. Спокойствие существует лишь тогда, когда есть полное отсутствие насилия. Если вы тщеславны, то насилие есть. Сэр, это – факты. Углубитесь в это. Когда вы принадлежите к какой-либо группе, – религиозной, национальной или нет – в этом присутствует насилие. В ваших отношениях присутствует насилие. Итак, основной ответственностью человека, который действительно серьезен и по-настоящему хочет разобраться в том, что есть медитация, является приведение дома в порядок. Это означает, что он должен иметь здоровое тело, ведь организм влияет на мозг. Если у вас тяжелое нетренированное тело, то ваш ум тоже становится, пожалуй, несобраным. [23 – Slorru – мокрый,

Кришнамурти Джидду Дневник Кришнамурти filosoff.org
сырой, водянистый, неряшливый, небрежный, сентиментальный.] Все это – факты. Это общеизвестные факты.

Затем мы начинаем выяснять, что есть религия, так как можем обнаружить, что тот ум, который свободен, в подлинном смысле этого слова, – это религиозный ум. У религиозного ума нет проблем. Вы понимаете? Нет, пожалуйста, это лишь слова, потому что мы наполнены проблемами, не только семейными проблемами, но и проблемами на работе, проблемами, за кого нужно голосовать – всем этим. У вас так много проблем. Проблема означает нерешенный вопрос. То есть, если в детстве вам причинили боль, как большинству из нас, нас обидели, и эту душевную рану мы несем всю оставшуюся жизнь, и это становится огромной проблемой, ведь рядом с этой раной идут страх, изоляция, избегание, бегство и еще больший страх. Это – проблема. Немедленное завершение этой проблемы означает восприятие того, кто обижен, что обижено. То, что обижено, – это тот образ, который вы построили о себе самом. А когда вы видите это, как должны видеть сейчас, как объясняет говорящий, то вы видите и то, что до тех пор, пока существует образ, – благородный или низкий, скорее поверхностный, глупый, любой – вы будете продолжать обижаться. Это – факт. Вы создаете образ другого или себя, потому что в этом образе вы находите безопасность. Вы понимаете? Вы находите безопасность в образе, созданном мыслью, что означает полное отсутствие безопасности в этом образе, но вы держитесь за это. Сейчас вы услышали это утверждение и, видя, что образ – это разложение, и слыша это, положите ему конец. Это действие высшей разумности. Видение опасности и одновременно подвергание себя опасности – это невротическое действие. Здравый человек, разумный человек, разумный в том смысле, в котором мы употребляем это слово, видит яд, видит опасность и действует немедленно.

Итак, мы спрашивает: «Что есть религия?» Человек всегда искал нечто за пределами этой жизни, за пределами времени, за пределами всех измерений; он называл это вечностью, истиной, бессмертием, чем-то неизмеримым, безмянным. И всегда были те, которые говорили, что приведет вас к этому, которые говорили, что они знают, а вы не знаете. Это продолжается с тех древних времен, когда священник пришел к власти; он знал, а мирянин – нет. Древние египтяне создали иерархию священнослужителей, и мы в точности продолжаем это. Мы хотим найти то, что не имеет имени, для чего не существует слов, что не имеет формы, что является всей вселенной, а вы подходите и говорите, что приведете меня к этому, что вы знаете, а я нет. Поэтому остерегайтесь того, кто говорит, что он знает.

Итак, мы дошли до того, что человек искал что-то священное. Мы говорим о серьезном, а не о поверхностном человеке, поверхностный человек поклоняется образу, созданному руками или умом; поверхностный человек следует определенным ритуалам, принимает догмы, верит в фантастическую и романтическую бессмыслицу. Это называется религией, организованной иерархической властью, всем этим. Итак, вы отметааете все это в сторону, ведь это не имеет какой-либо ценности, ведь все это продукты мысли. Мысль может сказать, что мы получили это свыше, но это по-прежнему часть мысли. А мысль ограничена, она никогда не бывает полной, потому что всегда является результатом знания, а полного знания о чем-либо не существует. Следовательно, мысль всегда находится в тени невежества. Итак, если вы можете полностью отвести в сторону все это, то это означает полную внутреннюю свободу. Не свободу не подчиняться закону, что глупо, а отсутствие каких бы то ни было психологических проблем, что означает освобождение вами огромной психологической энергии. Вы понимаете, что я говорю? У нас есть физическая энергия, проявляющаяся в том, что мы ежедневно ходим в офис, потрясающая энергия для того, чтобы построить мост, делать что-то физически. Однако психологически мы – калеки, потому что никогда не погружались в это, никогда не задавались этим вопросом, никогда не наблюдали. Однако должна существовать свобода от всех проблем и, следовательно, полная психологическая свобода, свобода в самой психической структуре. Безмолвие является этой энергией. Безмолвие является этой пустотой, пустотой всего содержания вашего мозга. Не существует никакого «как», не существует метода; методы, «как», системы являются изобретениями мысли, поэтому они ограничены, и, следовательно, неприемлемы. Но если вы поймете, если увидите, что никакая система не может освободить ум, когда вы видите это, действуете, существует немедленная свобода.

И религия есть раскрытие того, что является самым священным, что не имеет имени, что есть абсолютная истина – источник всего. У нас нет времени на то, чтобы сейчас углубляться во все это.

Итак, затем нам следует погрузиться в то, что есть любовь. Любовь – это не удовольствие, любовь – это не желание. Вы уже слышали об этом; взгляните на это, погрузитесь в это, увидите это. Когда вы видите истину этого, существует бесконечная красота. А когда существует эта любовь, к которой никогда не притрагивалась ревность, зависимость, привязанность – все это, тогда существует эта любовь и сострадание, которое есть разумность. Тогда ум может выйти за пределы всяческого измерения. Вы знаете, сэр, что ученые исследуют вселенную; астрофизики с помощью мысли, телескопов, различных измерений, постоянных наблюдений за звездами пытаются открыть источник всего этого, источник вселенной, отправляясь в безграничные просторы космоса и т. д. Но человек очень редко погружается внутрь себя. А там он может обнаружить безграничную неизмеримую вселенную, являющуюся этой вселенной. Для этого в вашем уме должно быть безграничное пространство. Все это есть медитация: сначала наведение порядка в доме, полного порядка, в котором нет конфликта, нет измерения, и там, в этом доме есть любовь; затем содержание ума, которое есть сознание, может быть полностью освобождено от «я», которое есть вы. Затем, если вы продвинулись настолько далеко, ум становится, является – он не становится, становления не существует, становление – это все еще измерение, – полностью, совершенно тих, не на какое-то время, не на какой-то период, но его состояние является тишиной. А, исходя из этой тишины, он может отвечать мысли и использовать мысль.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!